

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2007 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

№ 1/2018

Главный редактор

КОЗЛОВА С.В. – доктор экономических наук

Редакционный совет

Гринберг Р.С. – член-корреспондент РАН (председатель), научный руководитель Института экономики РАН

Ленчук Е.Б. – доктор экономических наук, директор Института экономики РАН

Архипов А.И. – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН

Аносова Л.А. – доктор экономических наук, профессор, начальник Отдела общественных наук РАН

Глинкина С.П. – доктор экономических наук, профессор, руководитель научного направления Института экономики РАН

Головнин М.Ю. – член-корреспондент РАН, первый заместитель директора Института экономики РАН

Городецкий А.Е. – доктор экономических наук, профессор, руководитель научного направления Института экономики РАН

Караваяева И.В. – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Рубинштейн А.Я. – доктор философских наук, профессор, руководитель научного направления Института экономики РАН

Сорокин Д.Е. – член-корреспондент РАН, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ

Цветков В.А. – член-корреспондент РАН, директор Института проблем рынка РАН

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

МОСКВА

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 1/2018

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
Индекс журнала в Каталоге агентства «Роспечать» 80713

Редакционная коллегия:

Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук (заместитель главного редактора);
Касьяненко Т.М. (ответственный секретарь журнала);
Дерябина М.А., канд. экон. наук;
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук;
Братченко С.А., канд. экон. наук;
Грибанова О.М.

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по группе
научных специальностей 08.00.05 «экономические науки»

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
ISSN – 2073-6487

Все статьи проходят обязательное рецензирование.

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

- Аганбегян А.Г.**
На пути к цивилизованному рынку. 7
- Ленчук Е.Б.**
Формирование инновационной модели развития в России:
работа над ошибками 27

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

- Караваева И.В., Бухвальд Е.М., Павлов В.И., Казанцев С.В.,
Гельвановский М.И., Иванов Е.А., Коломиец А.Г., Колпакова И.А.**
Федеральный бюджет России на 2018–2020 годы: новый шаг
к победе над дефицитом и инфляцией? 40
- Андрюшин С.А., Рубинштейн А.А.**
Процентная политика Банка России в условиях низкой
инфляции 62

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Бухвальд Е.М.**
Федерализм как основа национальной безопасности для России. . . 87
- Коломиец А.Г.**
Существенность угроз безопасности финансово-банковской
системы 103
- Воронов С.И.**
Экономика чрезвычайных ситуаций: классификация и методы
расчета ущерба 118
- Кудрявцев К.А.**
Развитие антимонопольного регулирования: нужен ли единый
мегарегулятор? 126
- Герцик Ю.Г., Рогоза А.Н., Бойцов С.А.**
Управление кластерными структурами в сфере медицины
и медицинской промышленности с использованием принципов
нейробиологии 134

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Пылин А.Г.

К вопросу об оценке торговых эффектов соглашения
о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом 144

ЭКОНОМЕТРИКА

Маневич В.Е., Слуцкий Л.Н.

Долговременные макроэкономические факторы динамики
российской экономики 156

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Маслов Г.А.

Проблемы продолжительности рабочего времени
в экономической теории. 182

Целуйко А.А.

Интерпретация концепции открытой национальной
инновационной системы 193

Яковлев А.А.

Евразийский экономический союз и китайская инициатива
«Один пояс – один путь». Возможности для сотрудничества 204

CONTENTS

ACTUAL TOPIC

Aganbegyan A.G.	
On the Way to the Civilized Market	7
Lenchuk E.B.	
Shifting towards an Innovative Development Model in Russia: Overcoming Committed Mistakes	27

FINANCE, MONETARY CIRCULATION AND CREDIT

Karavaeva I.V., Buchwald E.M., Pavlov V.I., Kazantsev S.V., Gelvanovsky M.I., Ivanov E.A., Kolomiets A.G., Kolpakova I.A.	
The Federal Budget of Russia for the Years 2018–2020: Is It a New Step Towards Victory Over the Deficit and Inflation?	40
Andryushin S.A., Rubinshtein A.A.	
Interest Rate Policy of the Bank of Russia in Conditions of Low Inflation	62

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Buchwald E.M..	
Federalism as the Basis of National Security for Russia	87
Kolomiets A.G.	
The Significance of Threats to the Security of the Financial and Banking System	103
Voronov S.I.	
Economics of Emergencies: Classification and Methods of Calculating Damage	118
Kudryavtsev K.A.	
The Development of Anti-Monopoly Regulation: Is a Single Mega-Regulator Needed	126
Gertsik Yu.G., Rogoza A.N., Boytsov S.A.	
Management of Cluster Structures in the Sphere of Medicine and Medical Industry with the Use of the Principles of Neurobiology	135

WORLD ECONOMY

Pylin A.G.

On the Evaluation of the Trade Effects of the Free Trade Agreement
Between the EAEU (The Eurasian Economic Union) and the SRV
(The Socialist Republic of Vietnam)..... 144

ECONOMETRICS

Manevich V.E., Slutkin L.N.

The Long-Term Macroeconomic Factors Affecting the Dynamics
of the Russian Economy..... 156

PUBLICATIONS OF YOUNG SCIENTISTS

Maslov G.A..

Working Time Issues in Economic Theory..... 182

Tseluyko A.A.

Interpretation of the Concept of an Open National Innovation
System 193

Yakovlev A.A.

The Eurasian Economic Union and the Chinese «One Belt –
One Road Initiative». Opportunities for Cooperation 204

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

А.Г. АГАНБЕГЯН

академик РАН, зав. кафедрой РАНХиГС при Президенте РФ

НА ПУТИ К ЦИВИЛИЗОВАННОМУ РЫНКУ

В России в результате рыночных реформ сформировалась смешанная переходная монополизированная государственно-олигархическая рыночная система с крайне слабым конкурентным механизмом развития. Особо следует отметить, что за это время нам не удалось сформировать новую целостную социально-экономическую систему, нацеленную на стабильный и устойчивый экономический рост. По-прежнему мы находимся в состоянии перехода к цивилизованному рынку. Кроме того, за последние 15 лет мы ничего существенного не сделали в плане рыночных структурных реформ. Если мы и сделали небольшой шаг вперед в совершенствовании наших отдельных подсистем, то в то же время сделали два крупных шага назад, осуществив довольно значительное огосударствление экономики, не сформировав государственно-рыночный эффективный механизм развития. Тем самым мы подорвали стимулы для роста российской экономики.

В статье автор предлагает пути решения жизненно важных задач для обеспечения социально-экономического развития России.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, рынки, устойчивый экономический рост.

JEL: L00, H00, G00, E00.

Результаты социально-экономического развития России за период реформ

За годы либеральных реформ наша страна пережила 3 периода:

Первый период – трансформационный, завершившийся в 1998–1999 гг. глубоким финансовым и социально-экономическим кризисом с государственным дефолтом. Нижнюю точку экономика прошла в 1998 г., а социальная система – в 1999 г.

Второй период – восстановительный социально-экономический подъем с 1999–2000 гг. до 2008 г. Этот подъем, по расчетам Мирового банка и Минэкономразвития России, наполовину был связан с 8-кратным повышением экспортной цены на нефть и притоком в страну в связи с этим крупных валютных сумм.

Третий период начался с кризиса 2008–2009 гг. и явился частью глобального общемирового кризиса, после которого последовал 3-летний период восстановления докризисных экономических и социальных показателей и 5-летняя стагнация и рецессия, продолжающиеся и в настоящее время.

В приведенной таблице показана динамика основных социально-экономических показателей за эти периоды.

Таблица

Показатели	1 период Трансфор- мационный кризис (1990–1999 гг.)	2 период Восстанови- тельный подъем (1999–2008 гг.)	3 период Глобальный кризис, стагнация и рецессия
	Изменения по периодам в процентах к началь- ному году периода, принятому за 100%		
Валовой внутренний про- дукт	56	190	105
Промышленность	48	180	104
Сельское хозяйство	54	150	125
Инвестиции в основной капитал	21	280	103
Реальные доходы	54	230	103
Процент безработных в конце периода	13	5	5
Депопуляция населения в конце периода, в тыс. человек	950	380	100
	Изменения в процентах к 1990 г.		
Валовой внутренний про- дукт	56	106	111
Промышленность	48	86	90
Сельское хозяйство	54	82	101
Инвестиции в основной капитал	21	48	49
Реальные доходы	54	124	128

Источник: расчеты автора по данным Госкомстата и Росстата за соответствующие годы.

Эти данные показывают, что за 27 лет Россия почти не продвинулась вперед по объему валового внутреннего продукта, по объему промышленного производства и продукции сельского хозяйства, но вдвое сократила объем инвестиций в основной капитал (доля этих инвестиций в ВВП СССР была 35–40%). Понятно, что с такой нормой инвестиций экономика России все эти годы по существу находилась в рецессии и стагнации¹. Сокращение инвестиций высвободило часть ВВП для повышения доли фонда потребления – увеличилось и потребление государства, и потребление населения. К тому же немного сократилась численность россиян – со 149 примерно до 146 млн человек (после присоединения Крыма). Этим объясняется рост реальных доходов населения (в среднем за годы существования новой России они выросли почти на 30%).

При оценке пройденного нашей страной пути совершенно недостаточно, разумеется, оперировать объемными и средними количественными показателями. Нужно учесть крупные качественные сдвиги, произошедшие в связи с переходом к новой социально-экономической системе. Сформированные на сегодняшний день рыночные условия ликвидировали присущий социализму хронический дефицит многих потребительских благ, предоставили населению свободный выбор предпочтительных для него товаров и услуг. Расширились возможности для людей проявить свои способности, прежде всего в предпринимательстве, запрещенном в советское время. Появилась возможность более свободной смены работы, совместительства, индивидуальной деятельности. Открыты границы, и люди могут свободно переехать жить и работать временно или постоянно в другие страны. Также свободно они могут выбирать место для отдыха, приобретать иностранную недвижимость, вид на жительство в другой стране и т. п. Намного расширились финансовые возможности населения: появился ипотечный кредит, потребительский кредит; разрешена свободная покупка зарубежной валюты; свои сбережения можно хранить не только на рублевых счетах, но и на валютных, а также в разного рода ценных бумагах, с разной степенью риска и т. д. Значительно расширился круг услуг для населения, а их доля в валовом внутреннем продукте увеличилась с 40 до 60%. К услугам молодежи – многообразные формы обучения и в своей стране, и за рубежом. Большое количество иностранных фирм, работающих в России, позволяют людям у нас в стране покупать многие иностранные товары и услуги. Намного легче приобрести участки земли, построить дачу или дом по своему усмо-

¹ При этом развитые страны демонстрировали довольно устойчивый экономический рост – по 1,5–2%, а развивающиеся страны – примерно по 5% в год. Китай, который имеет норму инвестиций в размере 45%, развивается по 6,8% в год.

трению. Огромным завоеванием стала отмена цензуры, свобода слова, творчества, самовыражения. Все эти несомненные преимущества обеспечивают условия для более комфортной жизни. Не случайно поэтому значительная часть населения России при уровне жизни, в 2–3 раза уступающем западноевропейскому и американскому, тем не менее считает себя счастливой².

В то же время это не отменяет общего драматического результата 27-летнего топтания на месте экономики и социальной сферы нашей огромной страны. При этом надо учесть, что в годы 10-летнего подъема 1999–2008 гг., благодаря которому мы в основном восстановили социально-экономический уровень, достигнутый при социализме, наш рост наполовину был связан с резким повышением за этот период экспортных цен на нефть и увеличением цен на ряд других сырьевых товаров, составляющих основу нашего экспорта, что привлекло в страну дополнительно до 1,5 трлн долл. «даровых» средств. Если же посчитать социально-экономический рост, достигнутый за счет внутренних условий, факторов и источников, то наш сегодняшний уровень ВВП составил бы только 80% от уровня 1989, докризисного года, а промышленности – около 65%. Средний уровень реальных доходов при этом вряд ли бы вырос по сравнению с советским временем, а численность бедного населения удвоилась бы.

Эти цифры подтверждают наш вывод о том, что новая Россия пока не создала эффективный механизм социально-экономического роста из-за того, что не обеспечила полного перехода к цивилизованному рынку с нормальной конкурентной средой и действенными стимулами развития. На сегодняшний день, по нашей оценке, Россия прошла только около половины пути до цивилизованного рынка, присущего развитым и многим развивающимся странам.

Формирование отдельных рынков в России

Три главные черты, на наш взгляд, характеризуют свободный монополизированный рынок.

Во-первых, свободные цены, свободно конвертируемая валюта, рыночная стоимость рабочей силы, недвижимости, земли, финансовых ресурсов, ценных бумаг и др. В России рынок в значительной степени монополизирован государством и олигархическими структурами, в силу разных причин недостаточно развит, особенно рынок рабочей силы, земли, капитала, ценных бумаг, валюты.

² Всемирный доклад о счастье в 2017 г. / Рейтинг самых счастливых наций мира. 2017. fakti. ictv/ua.

Во-вторых, цивилизованный рынок создается на основе преобладающей в стране частной собственности, причем около половины этой собственности принадлежит малому и среднему бизнесу. В России преобладает государственная собственность, а среди частной собственности доминирующую роль играют олигархическая и крупная собственность. На долю среднего и малого бизнеса приходится лишь пятая часть.

В-третьих, рыночная экономика, благодаря свободной конкуренции, создает условия и стимулы для социально-экономического роста. Важнейшую роль здесь играет развитый рынок капитала, являющийся одним из главных источников экономического роста. В России рынок капитала до сих пор не сформировался, нет и свободной конкуренции в нашей экономике.

Когда мы говорим о цивилизованном рынке, то, естественно, имеем в виду целую систему взаимосвязанных рынков – рынка товаров и услуг, рабочей силы, капитала, финансового рынка и др.

Рынок товаров и услуг. Рынок товаров и услуг, который сформировался в России в начале 1992 г. в результате либерализации цен, пожалуй, является наиболее развитым в нашей стране. Но и он с трудом может быть назван цивилизованным, потому что около половины всех цен не являются свободными, а устанавливаются государственными или олигархическими монополиями. Речь идет о ценах на электроэнергию, газ, нефтепродукты, коммунальные услуги, железнодорожные тарифы, на отдельные металлы, которые в значительной степени не подчиняются рыночным законам. При этом, несмотря на то, что в кризисные годы спрос падает, в России государственные монополии в кризис пытаются переложить все его тяготы на потребителей и увеличивают цены. Так, в 2008 г. – в год начала кризиса – инфляция в России подскочила до 13,28% (в 2006 г. инфляция в России составляла 9%, в 2007 г. – 11,87%)³. Глубокое падение производства и резкое сокращение спроса в 2009 г. сопровождалось годовым ростом цен на 11,7%, что вызвало стагфляцию и углубило кризис (и это притом, что цены производителей в течение ряда месяцев снижались, а объем денежной массы сокращался). В этот же период в большинстве других стран, включая Китай, розничные цены практически перестали расти и даже снижались. Когда цены на нефть в 2014–2015 гг. снизились в 2–3 раза, во многих странах с рыночной экономикой, естественно, снизились цены на нефтепродукты, в том числе на заправочных станциях. А у нас не только никакого снижения цен не наблюдалось, но и позже, при более низких ценах на нефть, они поднялись до исторического максимума.

³ bankstoday.net/last-witides/inflyatsiya-v-rossi-po-godam.

Рынок рабочей силы. Свободного перелива рабочей силы у нас практически нет. В большей степени это происходит из-за того, что не решен вопрос с жильем. При нынешнем уровне зарплаты и высоких процентах на ипотеку подавляющая часть россиян не может купить себе жилье и поэтому не может переехать в более престижные города, где они могли бы получить более высокую зарплату за свой труд. Следовательно, значительная часть рабочей силы жестко прикреплена к месту своего жительства, при том что разница в уровне зарплаты одноименных профессий по регионам достигает двух раз (даже если не считать Москву, где зарплата в 2–3 раза выше, чем во многих других местах). Это не позволяет быстро и эффективно вводить новые мощности и обеспечивать их рабочей силой, что существенно затрудняет экономическое развитие страны.

Российский финансовый рынок. Он также не является развитым и характеризуется крайне низким уровнем развития финансовых инструментов и механизмов и деформированной структурой, при крайне низкой монетизации нашей экономики [1]. По данным Всемирного экономического форума⁴ по развитию финансовых рынков в рейтинге стран Россия занимает 107 место (в то время как по уровню экономического развития – 43-е, по уровню социального развития – 65-е, а по образованию – 33-е).

В России давно разрешено создание частных банков, и их число на первых порах быстро увеличивалось, появилась конкуренция, хотя при этом гигантский государственный Сбербанк сохранялся. Однако постепенно доля государственных банков в российской банковской системе стала расти и, благодаря государственным льготам и вливанию государственных денег, особенно в кризисные годы, резко повысилась их капитализация. Так, активы Сберегательного банка, ВТБ и ВТБ-24, Россельхозбанка достигли 60% активов всех банков⁵. После санации банка Открытие и БИН-Банка доля контролируемых государством банков еще вырастет и, по нашим расчетам, приблизится к 70%.

Что касается частных банков, то в течение нескольких последних лет Центральный банк проводит линию на массовый отзыв лицензий у банков, в основном у относительно небольших частных региональных банков, не предоставляя им возможности осуществить нормальную санацию. Поэтому сейчас многие частные банки чувствуют себя неуверенно.

В то же время частные предприятия, особенно средние и малые, все чаще при опросах сетуют на трудности получения кредита. Совсем плохо обстоит дело с привлечением инвестиционных кредитов –

⁴ gtmarket.ru/news/2016/09/28/7304.

⁵ cbr.ru/analytics/bank_systems_181.pdf.

«длинных» денег. Центральный банк совсем не занимается увеличением их доли в составе банковских активов, состоящих главным образом из «коротких» денег. Именно они преобладают не только в кредитных ресурсах, но и при вложениях в фондовые рынки, операции на которых из-за наличия «коротких» денег стали носить спекулятивный характер.

Одна из главных причин сложившейся ситуации в том, что с самого начала российских реформ из-за высокой инфляции и политики Центрального банка ссудная ставка кредита, «цена денег», была двузначной величиной. Поэтому кредитование у нас не получило того развития, которое свойственно рыночной стране, где обычно сумма кредитов банка существенно превышает объем внутреннего валового продукта (у нас она составляет менее половины ВВП).

Как следствие, в России не хватает банковских средств для значительного увеличения инвестиционных ресурсов. Поэтому крупные организации до введения финансовых санкций предпочитали брать «длинные» деньги за рубежом, у иностранных банков и инвесторов. В 2010–2013 гг., например, корпоративный долг наших предприятий и организаций перед иностранными инвесторами увеличился на 270 млрд долл., что свидетельствует о баснословных займах с зарубежных счетов. При этом Центральный банк, несмотря на снижение инфляции, сохраняет огромный разрыв между реальным уровнем инфляции и своей ключевой ставкой. Например, в октябре 2017 г. инфляция (рост потребительских цен) составила по отношению к прошлому году 2,7%, ключевая ставка была на уровне 8,25%, а ссудная ставка (самая низкая по ипотеке) достигала 10,5%, т. е. была в 3–4 раза выше уровня инфляции⁶. В развитых странах в это время ставка рефинансирования ЦБ была ниже уровня инфляции (инфляция у них составляла 1,5–2%, а ставка рефинансирования банков – 1%). В постсоциалистических странах – в Польше, Венгрии и в др. странах – процентные ставки тоже находятся в пределах 1–3%, в Китае – 4%. Ну как мы можем соревноваться с этими странами, имея в несколько раз более дорогие деньги? У предприятий нет возможности их использовать для инвестирования, поскольку прибыль предприятия оказывается ниже размеров взносов, которые нужно платить по этим ставкам.

Наша банковская система, возглавляемая Центральным банком, практически не участвует в решении задач социально-экономического развития страны в отличие от банковских систем других стран, где инвестиционный кредит в составе общих инвестиций составляет 30–40% у развитых стран и 15–20% – у развивающихся стран. При этом надо учесть, что все эти страны имеют намного больше, чем Россия,

⁶ vsemirnybank.org/news/press-release/2017/11/29.

рыночных фондов «длинных» денег. А у нас именно банки являются главным финансовым источником для предприятий и организаций, поскольку их активы в 2–2,5 раза превышают объем расширенного консолидированного бюджета.

Отсутствие «длинных» денег в России привело к крайне низкой норме инвестиций в основной капитал в составе ВВП (17% в 2016 г.)⁷. Большинство развитых стран имеет норму инвестиций в основной капитал около 20% ВВП. Что касается развивающихся стран, то при этих сравнениях надо учесть, что норма инвестиций в основной капитал в составе ВВП в развивающихся странах почти вдвое выше, чем в России, составляя в среднем 30–35%.

Следует особо отметить тот факт, что структура финансовой системы в России деформирована: все деньги сосредоточены в основном в бюджете и в банках. В стране рыночные фонды «длинных» денег – инвестиционные, пенсионные, страховые, паевые, ипотечные, венчурные – существуют пока лишь формально, а все их средства составляют лишь десятую часть от банковских активов, что в несколько раз меньше, чем в развивающихся странах, и в 10 раз меньше, чем в развитых странах.

Преобладание «коротких» денег при острейшем дефиците «длинных» денег приводит к повышенной волатильности всех финансовых показателей, включая валютный курс. Такой волатильности нет ни в одной стране. И это служит большим препятствием для нормального развития нашей экономики. Чтобы поправить положение, общее регулирование финансовыми рыночными фондами было передано Центральному банку, но за прошедшие несколько лет он ничего не сделал, чтобы нарастить эти фонды, а занимался практически только надзором.

Валютный рынок страны также не развит, поскольку наша валюта не является конвертируемой, а тем более резервной. Рубль коренным образом отличается не только от доллара, евро и фунта стерлингов, но и от китайского юаня, и от японской иены. В России очень высока корреляция между валютным курсом страны и экспортной ценой на нефть, являющейся нашим главным экспортным товаром. Когда экспортная цена на нефть в 2014–2016 гг. снизилась со 110–115 долл. за баррель до 30–60 долл. за баррель, курс доллара в рублях подскочил с 31 до 55–75 руб. Ни одна валюта нефтедобывающих стран, где в экономике доля нефти выше, чем в России, столь тесной зависимости не имеет (в арабских странах, которые фактически живут на нефти, валюта относительно стабильна).

⁷ Россия в цифрах. 2016: Крат. Стат сб. / Росстат. М., 2016.

Фондовый рынок России, значительная часть которого покрывается «короткими» российскими деньгами, а другая часть – «короткими» деньгами развитых стран, также является крайне волатильным. К тому же он просто мал в объемном отношении, поскольку большинство открытых акционерных обществ в России на фондовый рынок не вышли. Не случайно поэтому в финансовый кризис 1998 г. в результате дефолта наш фондовый рынок сократился в 10 раз, чего не было ни с одним фондовым рынком в мире. В кризис 2008–2009 гг. российский фондовый рынок сократился в 4,5 раза, в то время как рынок Америки – в 2 раза, а в других стран – в 2,5 раза. Все другие фондовые рынки давно восстановились и значительно превзошли докризисный объем. И только российский фондовый рынок пока находится на отметке $\frac{2}{3}$ от докризисного объема. Фондовый рынок России к тому же не является вполне свободным (из-за активного участия государства в лице Центрального банка), его существование не создает в нашей стране настоящего рынка капитала, в котором мы остро нуждаемся для инвестиций и формирования конкурентной среды.

Рынок капитала в России, по существу, отсутствует, хотя какие-то его элементы есть. Но не более того. Разные отрасли производства в России резко различаются по прибыльности. Однако капитал очень слабо привлекается, для того чтобы нивелировать эту разницу, увеличить производство товаров и услуг там, где прибыльность выше. Отсутствие рынка капитала – упущенная возможность для экономического роста, так как экономический рост опирается либо на рынок капитала для финансирования основного капитала, либо на государственную поддержку высокотехнологичного производства, на вложения в человеческий капитал и в «экономику знаний» (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение).

Механизм регионального развития. Самым слабым местом в России является хозяйственный механизм регионального развития. Россия – федеральная страна, где в двух столичных городах – в Москве и Санкт-Петербурге – проживает немногим более 10% населения⁸. Так что подавляющая часть основных фондов и человеческого капитала находится в других регионах. Поэтому для нашей страны, занимающей обширные территории, решающее значение имеет инфраструктура, скорость передвижения и сохранность грузов, транспорт и логистика. К сожалению, в Российской Федерации практически отсутствуют двухсторонние автострасы, скоростные железные дороги, собственное производство основных транспортных средств, начиная от автомобильных траков, перевозящих большую часть грузов, до собственных самолетов.

⁸ Россия в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 79.

Лишь недавно у нас восстановлено производство тепловозов и электровозов. Кроме того, в России нет крупных логистических центров, даже в больших городах (кроме Москвы и Санкт-Петербурга).

При таких пространственных масштабах нашей страны все капиталы стянуты к ее центру – 60% денежных средств и банковских активов находятся в Москве и частично в Санкт-Петербурге. Вся остальная территория, где проживает почти 90% населения, во многом финансируется из филиалов столичных банков и за счет трансферта средств из федерального бюджета. Причем около 90% регионов находятся на дотации – на самом плохом, антистимулирующем механизме социально-экономического развития.

Социальная сфера России несет на себе пережитки социалистической системы, не вписывающиеся в рыночную экономику. Как можно 43 млн пенсионеров содержать без взносов трудящихся на их будущие пенсии? Ни одной рыночной стране это не удавалось.

Во всех странах существует обязательная система отчисления (обычно до 10%) от доходов граждан на свои будущие пенсии. В России же пенсионные средства формируются за счет крайне высокой ставки обязательного социального взноса предприятий на пенсии плюс помощь из средств госбюджета. Понятно, что без средств населения достойную пенсию сформировать практически невозможно, даже в самой богатой стране. Поэтому размер пенсий в России по отношению к официально выплачиваемой заработной плате пока составляет около 35%. При этом до 30% заработка в России выплачивается в скрытом виде – «в конвертах». Так что по отношению к полной зарплате размер пенсий в России составляет 25–30% против 40–60% минимального размера пенсий, установленного Международной организацией труда и согласованного со всеми странами, включая и Россию. Поэтому по уровню жизни пенсионеров Россия занимает 78 место среди стран мира – по одному рейтингу, а по другому – 98 место, в то время как по уровню реальных доходов Россия занимает в мире 50–55 место⁹. Поэтому не случайно значительная часть пенсионеров относится к бедному населению, чьи доходы ниже прожиточного минимума.

Если же взять принятый в мире стандарт бедности – доход ниже половины от медианного среднего дохода на душу населения (в России он равен примерно 12 тыс. руб.), то средний размер пенсий по старости у нас ниже этого дохода и составляет около 11 тыс. руб. Социальные пенсии, пенсии по инвалидности в среднем составляют около 9 тыс. руб.

Самые низкие места в международном рейтинге социальных отраслей Россия занимает по здравоохранению: по здоровью населения мы на 119 месте, по ожидаемой продолжительности жизни – на 90 месте,

⁹ vsemirnybank.org/country/russia/publication/rer.

по ожидаемой продолжительности здоровой жизни – на 100 месте¹⁰. А если отдельно взять ожидаемую продолжительность общей и здоровой жизни мужчин, то Россия спускается на 120 место. Хуже всего в России обстоит дело с рекордно высокой смертностью трудоспособного населения. В расчете на 100 тыс. населения в России умирает в трудоспособном возрасте примерно в 3 раза больше человек, чем в Западной Европе. У нас в 2016 г. умерло в трудоспособном возрасте 435 тыс. человек, причем 80% из них – мужчины (здесь их смертность в 4 раза выше, чем смертность среди женщин)¹¹.

Более половины населения ($\frac{2}{3}$) негативно оценивают уровень услуг российского здравоохранения. Во многом это связано с недофинансированием этой сферы. По государственной линии расходы на здравоохранение составляют 3,5% ВВП, а с учетом частной медицины – немного превышают 5%. Средние расходы на здравоохранение в Западной Европе – 10,2% ВВП, а в США – 17%. По международным рейтингам, по расходам на здравоохранение Россия занимает 87 место. Причина опять-таки в попытке, как при социализме, содержать систему здравоохранения за счет средств предприятий и государства, без взносов населения на страхование здоровья, как это принято в подавляющем большинстве стран с рыночной экономикой. Исключение составляют Канада и Англия, где установлен повышенный размер подоходного налога, среднее значение которого 30–40% от дохода граждан, а не 13%, как в России.

Проблема социального неравенства. Попытка государства взять на себя финансирование значительной части социальной сферы в рыночной стране неправомерна. Более того, она приводит к социальному неравенству. В ряде городов, в том числе в Москве, из бюджета доплачивается за содержание квартиры, в ряде регионов занижаются размеры коммунальных платежей. Государство тратит 1 трлн руб. на капитальные вложения в коммунальные сети, хотя при частном домовладении за это должно платить население. Поскольку богатые имеют намного больший размер жилья и в несколько раз больше потребляют коммунальные услуги, то происходит перераспределение государственных льгот в их пользу. В России также отсутствует адресная помощь бедному населению, а огромные социальные пособия распределяются между десятками миллионов людей, часть из которых ни в каких пособиях не нуждается, так как имеет вполне достаточные заработки. Зато множится число бедных и малоимущих людей. По международному рейтингу, Россия по среднему уровню душевого дохода попадает в раз-

¹⁰ The World Factbook Life Expectancy; comment. Wikimedia.org; World Population Prospects.

¹¹ Российский стат. ежегодник. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 91.

ряд богатых стран (во вторую группу стран, первая группа – самые богатые страны), а по числу относительно бедных, чей душевой доход ниже половины медианной средней, Россия входит в число бедных стран, хотя есть еще группа очень бедных стран.

Душевой доход 10% самых зажиточных семей в России составляет 96 тыс. руб., а душевой доход 10% самых бедных – около 6 тыс. руб. в месяц. Разница – в 15,5–16 раз, что в 2 раза выше, чем в Западной Европе. В странах социал-демократической направленности она еще ниже и составляет 6 раз, а в Японии даже 5 раз. В СССР эта разница раньше составляла 3 раза, а в последние годы существования советской власти, когда прекратили жесткое регулирование заработной платы, она увеличилась до 4 раз.

Социальное неравенство в России пронизывает все сферы жизни. Оно особенно велико по сбережениям: 60% россиян вообще не имеют сберегательных книжек и банковских сбережений. В мире 1% населения владеет 50% всего частного имущества, а в России – 78%, что выше, чем в Америке и Западной Европе. Большое неравенство существует в жилищной обеспеченности граждан, особенно с учетом благоустройства жилья, в доступе к услугам здравоохранения, образования и информации. Общий коэффициент социального неравенства, измеряемый коэффициентом Джини, в России намного выше, чем в развитых и во многих развивающихся странах, – 0,42, в то время как в странах Западной Европы – 0,35¹². По этому коэффициенту мы занимаем 90-е места в мире. Примерно у 30% населения страны сегодня реальные доходы ниже, чем в советское время. Особенно это касается 10 млн работающих граждан, которые получают доход ниже прожиточного минимума, и значительной части пенсионеров. К бедным слоям населения относятся и люди с более высокими заработными платами, если у них есть на иждивении дети, а многодетные семьи, имеющие трех и более детей, попадают в разряд бедных даже при получении кормильцем семьи заработной платы на уровне средней.

Участие государства в экономике России. Созданию цивилизованного рынка в России не способствует и высокая доля участия государства в экономике. По данным Мирового банка¹³, доля контролируемых государством предприятий и организаций в формировании валового внутреннего продукта страны в 2003–2005 гг. составляла 35%, а к настоящему времени эта доля огосударствления повысилась до 71%. Сегодня бюджетные предприятия и организации формируют 36% ВВП. Сильно разрослись крупнейшие корпорации, подчиненные государству, – Газпром, Роснефть, РЖД, Росатом и Ростехноло-

¹² theworldonly.org>Koeffisient-dzhini-po-stranam.

¹³ vseirnybank.org/country/russia/publication/rer.

гии, формирующие около 15% ВВП и имеющие объем производства в триллионы рублей. Большую долю ВВП формируют и крупнейшие государственные банки во главе со Сбербанком и ВТБ. Остальную часть ВВП, контролируемую государством, обеспечивают Аэрофлот, Волжский автозавод, Ростелеком, Связьинвест, оборонные предприятия страны, принадлежащие государству, и тысячи предприятий и организаций, чьими собственниками являются федеральные, региональные и муниципальные государственные органы. Предприятия и организации олигархов, по нашей оценке, формируют до 10% ВВП. И только 20% ВВП создают предприятия и организации частной собственности, в основном средние и малые.

Поэтому нам для перехода к цивилизованному рынку предстоит приватизировать до половины объектов, контролируемых на сегодняшний день государством, что сделает их более эффективными и снимет с бюджета значительную нагрузку. Это будет способствовать созданию в соответствующих отраслях нормальной конкурентной среды. Речь идет о приватизации таких госструктур, которые не выполняют никаких государственных функций, а являются чисто коммерческими. Во многом они занимаются самообогащением, их коллективы и руководители привыкли к государственным льготам, они срослись с курирующими их органами государственного управления и крайне неэффективно используют ресурсы. Достаточно посмотреть на рыночную капитализацию государственных и частных структур (у последних она, как правило, не на проценты, а в несколько раз выше государственных) чтобы оценить эффективность их работы.

Роль планирования. В современной сложной экономической и геополитической ситуации добиться социально-экономического роста можно только при использовании планирования, от которого, по неизвестной причине, мы отказались после развала СССР, хотя оно может стать важнейшим рычагом дополнительно к рыночному стимулированию экономического роста. Известно, что многие развитые и развивающиеся страны, имея достаточно мощный рыночный механизм развития, используют планирование и благодаря этой «двойной тяге» добиваются крупных успехов в увеличении социально-экономического потенциала. Речь идет о послевоенной Франции, Италии, Нидерландах, Японии, о феноменальном экономическом росте Южной Кореи, Китая и ряда других развивающихся стран, которые применяли наш опыт 5-летнего планирования (прежде всего балансовый метод), модернизировав и приспособив его к рыночной системе.

Предприятия и организации государственной собственности, как известно, в рыночной экономике без планирования развиваются менее эффективно, чем предприятия, встроенные в систему рыночной конкуренции. Кроме того, государство, особенно в России, вносит

элемент монополизма, сдерживающий развитие, притом не только объектов госсобственности, но и частных структур, работающих в этой же сфере. Яркий пример – отсталая банковская система в России, где доминируют государственные банки, которые, как правило, не могут самостоятельно выживать в кризис и постоянно нуждаются в государственной поддержке и льготах.

«Черные дыры» российской экономики. Отсутствие эффективного внутреннего механизма развития в нашей социально-экономической системе и привело к тому, что за 27 лет, несмотря на благоприятную внешнеэкономическую среду (по сравнению с периодом холодной войны, в рамках которой развивался СССР), на кратное увеличение цен на нефть, газ, другие сырьевые товары и огромный приток «даровой» валюты в новую Россию, экономический и социальный потенциал страны практически не вырос. Для сравнения: в развитых странах за этот период он вырос в 1,8 раза, в мире – в 2,3 раза, в развивающихся странах – в 3,4 раза.

Сформированная за это время государственно-олигархическая структура, функционирующая в условиях неразвитого рынка, содержит много «черных дыр», являющихся серьезным препятствием на пути социально-экономического роста России.

Во-первых, Россия имеет отсталую материально-техническую базу. Во многих ключевых отраслях используются старые, отжившие технологии. Прежде всего это относится к нашей энергетике, к транспортной системе, к машиностроению, легкой промышленности, ЖКХ, здравоохранению, а также к ряду других отраслей, где положение менее критическое (химическая промышленность, многие предприятия лесопромышленного комплекса, нефтепереработка, сельское хозяйство и др.). Доля высокотехнологичных отраслей в структуре нашего хозяйства вдвое ниже, чем в западных странах.

Устаревшая материально-техническая база страны с низкими коэффициентами выбытия и обновления органически связана с отсталой структурой нашей экономики, в которой преобладают традиционные отрасли, в основном топливно-энергетические и сырьевые. Занижена доля производства новых материалов, прежде всего синтетических, а также доля высокотехнологичных отраслей. Удельный вес сферы «экономика знаний» в ВВП (13%) втрое ниже, чем в Западной Европе (30%) и почти в 4 раза ниже, чем в США (40%). Существенно выше у нас доля торговли и операций с недвижимостью в составе ВВП. Отсталость структуры нашей экономики выражается в сильной зависимости социально-экономических показателей развития страны от показателей развития нефтегазовой отрасли и других сырьевых отраслей, преобладающих в нашей отсталой структуре экспорта, напоминающей структуру экспорта колониальных стран.

Другой «черной дырой» в экономике страны является вся финансовая система страны (включая бюджетную сферу, банковскую сферу, внебюджетные и внебанковские денежные фонды), в которой доля бюджета явно завышена, поскольку он взял на себя неподъемные функции по частичному финансированию социальной сферы, в том числе пенсий и расходов на здравоохранение, без привлечения средств населения на страхование этих фондов.

Как видно из вышеизложенного, России предстоит много сделать для создания целостной высокоорганизованной и эффективной рыночной системы с хорошо отлаженным хозяйственным механизмом, обеспечивающим ускоренное развитие страны и ее включение по основным экономическим и социальным показателям в состав развитых стран.

Новые задачи и возможные перспективы

Отсутствие значительного экономического роста в России за годы реформ привело к тому, что рейтинг России по экономическому потенциалу среди стран мира серьезно понизился. Если посчитать размер валового внутреннего продукта России по паритету покупательной способности, то в 1990 г. Россия по объему валового внутреннего продукта серьезно уступала только США и немного уступала Японии, опережая все другие страны мира. Сегодня Россия занимает уже 6¹⁴ место по этому показателю с объемом ВВП по ППС 3,8 трлн долл., уступая Германии, Японии, Индии, США и Китаю. Пока Россия практически топталась на месте, развитые страны увеличили валовой внутренний продукт за 25 лет в 1,8 раза, а развивающиеся страны – в 3,3 раза. Так что мировой прирост валового внутреннего продукта составил 2,4 раза. Доля России в мировой экономике снизилась более чем в 2 раза. Через несколько лет, если мы не преодолеем стагнацию, нас обойдет Южная Корея, которая отстает от нас по ВВП на 1%.

Все сказанное убеждает нас в необходимости решения двух жизненно важных задач для социально-экономического развития нашей страны.

Первая задача – преодолеть существующую стагнацию и обеспечить в ближайшие 10–15 лет ускоряющиеся темпы роста экономики и социальной сферы вначале до 3% в год, потом до 4–5% и наконец выйти на оптимальный для нас 5–6-процентный годовой уровень за счет приоритетного развития инвестиционного комплекса страны и сферы «экономики знаний». Именно они определяют будущее страны

¹⁴ Российский стат. ежегодник. 2016: стат. сб./ Росстат. М., 2016. С. 683.

и позволят решать социальные задачи, где наше отставание является особенно значительным.

Вторая задача, без решения которой не сможет быть выполнена и первая задача, – завершить рыночные реформы, в т. ч. структурные, которые сделают нашу социально-экономическую систему высокоразвитой устойчивой капиталистической системой с социально-демократическим уклоном.

Что конкретно, на наш взгляд, надо было бы сделать для решения этих задач? Прежде всего необходимо привести в действие основные источники социально-экономического роста, для чего обеспечить форсированные приросты инвестиций в основной капитал и вложений в «экономику знаний» до 8–10% в год. Тогда доля инвестиций в ВВП возрастет к 2020 г. по сравнению с 2016 г. с 17% до 22%, а доля вложений в «экономику знаний» – с 13% до 18%. Это, по нашим расчетам, обеспечит около 3% среднегодового роста российской экономики.

При продолжении такого форсированного роста к 2025 г. доля инвестиций в ВВП и доля «экономики знаний» в ВВП возрастут до 27% и 25% соответственно, а среднегодовые темпы увеличатся до 4–5%, превысив в 1,5 раза общемировую тренд. Линию на ускоренный рост инвестиций в основной капитал и вложений в человеческий капитал целесообразно продолжить до 2030 г., что повысит долю инвестиций в ВВП до 30%, а долю «экономики знаний» в ВВП – до 35%. Это обеспечит ежегодный прирост ВВП по 5–6%, т. е. как в развивающихся странах.

Чтобы эти инвестиции и вложения использовались эффективно, в первую очередь нужно в стране поддерживать низкую инфляцию (хотя бы в районе 3%) и к 2019–2020 гг. снизить ключевую ставку Центрального банка до 4%, а среднюю процентную ставку и ставку ипотеки до 5%. Относительно низкие цены в сочетании с относительной дешевизной денег являются мощным стимулом дополнительного экономического роста.

Институциональные преобразования в стране надо провести таким образом, чтобы обеспечить источники финансового форсажа – ускоренного роста инвестиций и вложений. Прежде всего нужно отказаться от существующих догм, которые во многом способствовали тому, что наша страна оказалась в состоянии стагнации еще за 1,5 года до присоединения Крыма, событий на Украине, санкций, снижения цен на нефть, девальвации рубля.

Для этого, по нашему мнению, следует:

- на законодательном уровне установить предельный уровень дефицита консолидированного бюджета для выхода на качественный экономический рост на 3% ВВП [2]. Это даст 2-3 трлн руб. дополнительных средств на развитие;

- часть золотовалютных резервов использовать под инвестиционный кредит в основной капитал (150 млрд долл. из 440 млрд долл.) – по 15–25 млрд долл. ежегодно, при сроке окупаемости 5–10 лет. Остальная часть золотовалютных резервов с лихвой достаточна для обеспечения финансовой устойчивости нашей страны;
- перевести статьи госбюджета по финансированию национальной экономики, оборонной промышленности, ЖКХ, ряда социальных объектов на инвестиционный кредит с низкой бюджетной процентной ставкой 3-5% со сроком возврата этого кредита до 25 лет. Это значительно повысит эффективность использования этих средств и даст дополнительный источник финансирования на последующие годы в виде возвратных средств;
- использовать государственные займы, которые могли бы стать важнейшим источником инвестиций и вложений, особенно в период существующих санкций. Это могут быть государственные займы по 30–40 млрд долл. в год (2–3 трлн руб.), средства от которых можно использовать опять-таки в виде инвестиционных кредитов в основной капитал и долговременных вложений (частично тоже в кредитной форме), а также для граждан при получении профессиональных знаний и стажировки. Наше государство может себе позволить ежегодно наращивать внешнеэкономические займы, поскольку его внешний долг составляет 3% ВВП по сравнению с 86% в западноевропейских странах и 110% – в США. Да и с учетом внутреннего заимствования долги нашего государства находятся в районе 15% в сравнении с более 250% в Китае и 200% – в Японии;
- ввести действенные стимулы для увеличения инвестиций в высокотехнологичное производство для обеспечения экономического роста. Если отменить налоги на ту часть прибыли, откуда черпается половина инвестиций предприятий, то часть прибыли может быть выведена из тени, а за счет дополнительных стимулов объем инвестиций на собственные нужды предприятий может быть увеличен на 1 трлн руб. в год. Нужны стимулы и для сокращения сроков амортизации и перехода к ускоренной амортизации, что позволит увеличить объем амортизационных отчислений у предприятий, а следовательно, и инвестиции из амортизационного фонда.

Чтобы эффективно использовать инвестиции в основной капитал, нужно стимулировать предприятия и организации также вкладывать инвестиции в технологическое обновление действующего производства, в создание новых мощностей в высокотехнологичных производствах, в формирование современной транспортно-логистической

инфраструктуры. Для этого в период технологических преобразований нужно предоставлять налоговую паузу, чтобы стимулировать предприятия проводить такую реконструкцию и облегчать ее:

- стимулировать население к приобретению дополнительного жилья, автомобилей, участков земли с инфраструктурой, выпустив для этого специальный облигационный заем, а также предоставлять скидки с цены и другие льготы;
- создать небанковские фонды «длинных» денег, перейдя на накопительную пенсионную систему и стимулируя развитие инвестиционных, паевых, ипотечных и венчурных фондов;
- увеличивать опережающими темпами активы банков, которые в последние годы не растут, с тем чтобы уже к 2025 г. они бы превысили ВВП в 1,5 раза, а к 2030 г. – в 2 раза, достигнув здесь ниже показателя западноевропейский стран;
- сократить долю государства в создании ВВП, для чего:
 - а) составить президентский план приватизации и реформирования государственных монополий типа РЖД и Газпрома, сократив долю государства в формировании ВВП хотя бы до 40–45%, которая и так будет самой высокой долей в мире среди рыночных государств. Продажа госсобственности частным и иностранным компаниям позволит ежегодно получать дополнительный доход в размере 1 трлн руб. и более и использовать эти средства для инвестиций;
 - б) сократить государственные расходы на пенсионное обеспечение, на здравоохранение, на жилищно-коммунальное хозяйство. Для этого целесообразно ввести 10-процентные отчисления от доходов и зарплаты граждан на формирование государственной пенсии, 7-процентные отчисления на обязательную медицинскую страховку, перевести ЖКХ в частную собственность, а тарифы – на рыночные условия. Чтобы не снизились реальные доходы населения при этих преобразованиях, можно было бы на соответствующую величину индексировать заработную плату, а сокращение прибыли предприятий в связи с этим компенсировать сокращением налогов:
- снизить НДС, особенно на продукты питания;
- ввести налог на недвижимость, в том числе на жилье и участки земли, принадлежащие населению, в размере 1% рыночной стоимости этих объектов, что тоже может быть компенсировано индексацией зарплаты;
- в ходе налоговой реформы, которая должна разрабатываться в 2018 г., нужно всемерно использовать распределительную функцию налогов, сделать налоги адресными, в частности полностью освободив малообеспеченное население от подоходного

налога и налога на недвижимость, но при этом увеличить прогрессивно и ступенчато подоходный налог для богатых, оставив его на существующем уровне для среднего класса. Если душевой доход, например, превышает 100 тыс. руб. в месяц, то на его часть свыше 100 тыс. предлагается ввести налог 20%, а на часть, превышающую 400 тыс. руб., – 25%, и на часть, превышающую 1 млн руб. в месяц, – 30%. И в этом случае наш подоходный налог останется самым низким в мире. Но эти нововведения сократят чрезмерный 16-разовый разрыв в доходах 10% богатых и 10% бедных и снизят коэффициент социального неравенства Джини;

– серьезными акцизами обложить все предметы роскоши, начиная с дорогих машин. Повышенные налоги нужно брать с организаций, которые строят и продают жилье по ценам, недоступным среднему классу (например, по 100 тыс. руб. за кв. м и выше). Нужно ввести повышенный налог на 5-звездочные отели, на брендовые магазины с высокими ценами для богатых и т. д. Таким образом, налоговая нагрузка ВВП в России, составляющая 35% ВВП (на уровне развитых стран), снизится до 25–30%, что соответствует уровню развивающихся стран. При этом налоги и обязательные взносы с населения возрастут с 15% до 40% всех налоговых поступлений, а с предприятий и организаций снизятся с 85% до 65%. Тем самым для наших предприятий, прежде всего частного сектора, высвободятся значительные средства для дополнительного экономического роста;

– заинтересовать регионы в социально-экономическом развитии страны, перераспределив налоговые поступления в пользу регионов, и перевести их на начала самокупаемости, самофинансирования и самоуправления. Сегодня при существующей дотационной системе 70% субъектов Федерации, как показывают расчеты, уплачивают общую сумму налогов, существенно превышающую их собственные расходы. На этой основе регионы достаточно быстро, будучи крайне заинтересованными, повысят свои доходы, начнут более эффективно хозяйствовать и тем самым ускорят свое социально-экономическое развитие.

Как видно из вышеизложенного, России предстоит пройти период важных институциональных преобразований. Наша страна – страна огромного экономического потенциала и больших неиспользованных возможностей. У нас, на мой взгляд, есть все условия и предпосылки для перехода к ускоренному и устойчивому социально-экономическому развитию, в результате которого, при показанных здесь темпах экономического роста, наша страна в 2030–2035 гг. по основным экономическим и социальным показателям войдет в состав развитых стран, а к 2035–2040 гг. достигнет уровня самых развитых стран мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берзон Н.И., Столяров А.И., Теплова Т.В. Российский финансовый рынок: вызовы, проблемы и перспективы / Доклад на XVII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М.: НИУ ВШЭ, 2016. www.twirpx.com/file/1937896/grant.
2. Среднесрочная программа социально-экономического развития России до 2025 года «Стратегия роста». М.: Институт экономики роста им. П.А. Столыпина. 2017, 28 февр.
3. The World Economic Outlook: 2017.
4. World Development Indicators. World Bank Data Bank. databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators.

ABOUT THE AUTHOR

Abel Gezevich Aganbegyan – Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Chair of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia. aganbegyan@ranepa.ru.

ON THE WAY TO THE CIVILIZED MARKET

In Russia, as a result of market reforms, a mixed transitional monopolized state and oligarchic market system was formed with an extremely weak competitive mechanism of development. Especially, it should be emphasized, that during this time, we failed to form a new integrated social and economic system, aimed at a stable and at a sustainable economic growth. As before, we are in a state of transition to a civilized market. Besides, over the past 15 years, we have not done anything substantive, in terms of market structural reforms. If we made a small step forward in improving our individual subsystems, at the same time, we took two major steps back, having implemented a fairly significant state-leveling of the economy, without having formed a state-market effective mechanism of development. Thus, we undermined the incentives for the growth of the Russian economy.

In the article, the author proposes ways of solving vital problems for ensuring the social and economic development of Russia.

Key words: *social and economic development, markets, sustainable economic growth.*

JEL: L00, H00, G00, E00.

Е.Б. ЛЕНЧУК

доктор экономических наук, директор Федерального государственного
бюджетного учреждения науки Институт экономики РАН

ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ В РОССИИ: РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

В статье анализируются основные причины, которые не позволили России за четверть века перейти к инновационной модели развития, на основе которой сегодня строят свое развитие зарубежные страны, демонстрирующие высокую конкурентоспособность экономик и устойчивый экономический рост. Показано, что следование догмам вашингтонского консенсуса и либеральная экономическая политика закономерно привели страну к формированию экспортно-сырьевой модели развития, следствием которой стала деиндустриализация, деградация и сворачивание реального сектора экономики, технологическая отсталость. В этой связи предложены первоочередные меры, которые должны способствовать развороту страны в сторону инновационного развития, связанные с формированием новой стратегии денежно-кредитного регулирования, усилением государственной активности в целеполагании и использовании механизмов стратегического планирования, с формированием соответствующей институциональной среды, обеспечением нового качества управления инновационным промышленным развитием.

Ключевые слова: инновационная модель развития, вашингтонский консенсус, технологическая отсталость, промышленная политика, структурные приоритеты, институциональная среда.

JEL: O10, O11, O14, O31, O32, O38.

Более четверти века назад Россия вступила в новый этап исторического развития, связанный с преодолением системного кризиса «реального социализма» и переходом от советской планово-распределительной системы к формированию экономики рыночного типа. Результатом таких трансформаций должно было стать решение целого ряда системных задач, важнейшие из которых связаны с повышением общей конкурентоспособности национальной экономики, обеспечением ее динамичного роста, повышением уровня доходов и качества жизни российских граждан, преодолением технологического отставания от лидеров мировой экономики. Однако и сегодня решение этих системных задач в рамках сложившейся и прочно укрепившейся за эти годы экспортно-сырьевой модели развития продолжает сохранять свою актуальность.

Экономика страны в последние годы постоянно находится на грани рецессии, динамика экономического роста крайне низка и неустойчива, структурный кризис российской экономики нарастает. По предварительным оценкам Росстата, рост ВВП в 2017 г. составит около 1,8%, в 2018 г., по прогнозу, он не превысит 2%. При этом практически весь остальной мир уже входит в новую фазу роста. Согласно последним данным Международного валютного фонда, мировая экономика вырастет в этом году на 3,6%, средний рост в развивающихся странах составит 4,6%, а в развитых – 2,2%. В таких условиях становится очевидным, что для перехода к устойчивому экономическому росту в России необходимо сформировать новую модель развития, базирующуюся на структурной перестройке экономики и возрождении реального сектора на основе освоения самых передовых технологических нововведений.

Инновационная модель развития давно взята на вооружение в развитых и во многих развивающихся странах мира. Результатом ее реализации стало широкомасштабное освоение высокотехнологичных рынков. В условиях динамично развивающейся современной научно-технологической революции именно на таких рынках формируется большая часть прибыли. Так, в 2016 г. доход от экспорта высокотехнологичной продукции в Китае составил 496 млрд долл., в США – 153, Германии – 189, Франции – 103 млрд долл.¹ Технологический фактор начинает играть определяющую роль в обеспечении конкурентоспособности страны, создавая надежную основу для повышения производительности и долгосрочного устойчивого роста.

Риторика о необходимости перехода к инновационной модели развития в России не нова. Об этом говорится уже почти два десятилетия. Более того, уместно вспомнить, что развал Советского Союза и переход к рыночному типу хозяйствования был во многом связан с тем, что на пороге 90-х, после окончания холодной войны, Россия стала проигрывать технологическую гонку развитым странам мира. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в 1992 г. российская экономика не относилась к экспортно-сырьевым и представляла собой достаточно диверсифицированное хозяйство с мощной промышленной базой, хотя серьезно отстававшей технологически от ведущих стран Запада.

Тем не менее сегодня мы опять возвращаемся к вопросу о необходимости перехода к инновационной модели развития, поскольку за четверть века так и не продвинулись в этом направлении. Национальная инновационная система как целостная система, способная генерировать непрерывный поток инноваций, содействовать структурной перестройке экономики и изменить технологический облик страны,

¹ Электронный ресурс Мирового банка. data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD?locations=BN.

так и не заработала [2, с. 34]. В этой связи закономерно встает вопрос об адекватности использованных инструментов экономической политики поставленной задаче, которые, как свидетельствует анализ, привели к серьезным ошибкам и просчетам. Проявились они, прежде всего, в следующем.

Важнейшей ошибкой российской экономической политики начала 90-х годов стал взятый генеральный экономический курс на построение либеральной рыночной экономики в контексте установок «вашингтонского консенсуса»² вместо трансформации социалистической плановой экономики в социально ориентированное рыночное хозяйство и технологической модернизации. Главная цель экономической политики сводилась к углублению рыночных реформ, суть которых – больше свободы для экономических агентов, меньше государственного регулирования экономической жизни. Именно эти условия, по мнению правительства того времени, должны были стать основой для экономического роста.

Вместо формирования условий перехода на устойчивый и динамичный экономический рост на основе широкомасштабной структурной модернизации российское правительство пошло по пути обеспечения финансовой стабильности, акцентируя внимание на улучшении «инвестиционного климата» для внешних инвесторов, либерализации капитальных операций с валютой [1].

Введение внутренней конвертируемости национальной валюты в 1992 г. повлекло за собой изменение эмиссионной политики ЦБ. Если в советский период размеры эмиссии увязывались с масштабами хозяйственного оборота и обеспечивались всеми ресурсами, вовлекаемыми в такой оборот, то в новых условиях при конвертируемости требовалась жесткая привязка к динамике валютных поступлений в экономику, которая зависит от масштабов экспорта. В российской экономике эмиссия базируется на экспортных возможностях узкой группы отраслей – ТЭК, металлургии, отраслей базовой химии. В таких условиях, делая упор на финансовую стабильность и получение максимальной финансовой прибыли, экономика автоматически переключается на ресурсный тип развития.

Результатом проводимой экономической политики стала деиндустриализация (сворачивание промышленного производства, осо-

² «Вашингтонский консенсус» – свод принципов экономической политики, рекомендованных МВФ и Мировым Банком для трансформации плановых экономик в рыночные. Основные из этих принципов – минимальный дефицит бюджета, снижение предельных ставок налогов, либерализация финансовых рынков, свободный обменный курс национальной валюты, либерализация внешней торговли, снижение ограничений для прямых инвестиций, приватизация, дерегулирование экономики и т. д.

бенно технологически емких отраслей), растущая технологическая отсталость. Большая часть инвестиций идет на поддержку экспортно-сырьевых отраслей в силу высокой их рентабельности, которая в разы превышает рентабельность отраслей промышленного сектора (см. табл. 1).

Таблица 1

**Динамика рентабельности в различных секторах экономики
в период 1995–2016 гг.**

Виды деятельности	1995	2000	2005	2007	2010	2012	2014	2016
Всего по экономике	20,1	24,7	13,5	14,3	11,4	8,6	10,6	8,1
Добыча полезных ископаемых (в целом)			35,6	31,1	35,5	28,0	22,2	27,2
Добыча топливно-энергетических ископаемых	20,8	51,1	34,7	31,1	33,1	25,8	20,7	54,7
Обрабатывающие производства (в целом)			15,3	18,4	14,3	10,7	10,7	10,5
Производство кокса и нефтепродуктов			21,4	28,3	23,1	12,8	8,7	9,4
Химическое производство	20,0	17,0	19,3	19,7	19,8	21,2	22,4	24,5
Металлургическое производство	22,1	25,6	26,7	36,8	20,7	12,1	18,7	20,0
Производство машин и оборудования	20,9	14,1	8,2	9,4	7,38	7,0	6,8	7,4
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования			8,4	10,2	10,1	8,3	10,2	11,6

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики РФ. www.gks.ru.

В свою очередь деиндустриализация подавляет экономическую мотивацию перехода на инновационную модель экономического роста, поскольку в этих условиях, с одной стороны, происходит существенное сокращение спроса на технологические инновации, с другой – деградирует материальная база для практического освоения нарабатываемого научно-технического задела. В результате национальная инновационная система в силу сворачивания промышленного производства лишается важнейшего элемента, формирующего спрос на технологические инновации [2, с. 45]. Так, доля промышленного производства в ВВП составила в 2016 г. 23,6%, тогда как в 1992 г.

она достигала 34,5%³. Доля машиностроения в объеме отгруженной продукции всей российской промышленности в 2016 г. опустилась до 4,4%⁴.

Наиболее ярко технологическая отсталость проявляется в следующем:

1. *Примитивизация, старение производственной базы.* В 2016 г. степень износа основных фондов по экономике составляла 49%, в обрабатывающих производствах – 47%, в высокотехнологичных производствах – 46% (для стран, постоянно обновляющих свои технологии и фонды, данный показатель составляет около 30%). Средний срок службы машин и оборудования в России около 14 лет, что в два раза выше, чем в развитых странах мира. Наметилося серьезное отставание страны от стран Запада в освоении высших технологических укладов. В США доля производительных сил четвертого технологического уклада составляет 20%, пятого – 60%, шестого около 5%, в то время как в России это соотношение 50:10:0,5 соответственно [3, с. 179].

2. *Рост импортозависимости от зарубежных материалов, продукции, технологий.* За последние четверть века произошла переориентация отечественного машиностроения с обеспечения воспроизводственных процессов собственным оборудованием на удовлетворение текущего спроса на соответствующие виды оборудования за счет зарубежных производителей. В отдельных отраслях машиностроения импортозависимость достигает 80–90%. Уместно напомнить, что по мнению экспертов, угроза национальной безопасности возникает уже при доле импорта какого-либо стратегически важного товара во внутреннем потреблении выше 25%.

Утратили свои конкурентные позиции на внутреннем рынке и российские авто- и авиапроизводители. Так, доля отечественных производителей автомобилей на российском рынке упала с практически монопольной (95%) в 2000 г. (за исключением сборки) до 20% в 2014 г. Наше отечественное гражданское самолетостроение почти полностью сдало свои позиции таким глобальным конкурентам, как Boeing и Airbus [4, с. 42].

Сегодня Россия имеет отрицательный баланс в торговле технологиями с зарубежными странами в размере 1,2 млрд долл.⁵ Высокая зависимость от зарубежных технологий – это крайне негативный факт, особенно в условиях ухудшающейся геополитической обстановки

³ Рассчитано по: Российский статистический ежегодник 1996 г. Госкомстат России. М., 1996., С. 285, 291; Россия в цифрах 2017. Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 183, 184.

⁴ Рассчитано по: Россия в цифрах 2017. Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2017, С. 185, 186; 237–238; 262–263.

⁵ Наука, технологии и инновации в России 2015: Краткий статистический сборник. М., ИПРАН РАН, 2015. С. 68.

и введения масштабных санкций против России, ограничивающих доступ отечественных компаний к современным технологиям двойного назначения и к высокотехнологичному оборудованию, используемых в ведущих отраслях промышленности (прежде всего в ТЭК и оборонно-промышленном комплексе).

3. *Падение конкурентоспособности российской промышленности на мировых рынках, в том числе на высокотехнологичных.* Доля России на мировом высокотехнологичном рынке устойчиво сохраняется на уровне 0,3%. По отдельным видам высокотехнологичной продукции ее присутствие на мировых рынках крайне мало, о чем свидетельствуют данные табл. 2.

Таблица 2

Доля отдельных стран на рынках высокотехнологичной продукции в 2015 г. (в % к общему объему рынков)

Виды продукции	Удельный вес стран (в %)			
Продукция авиакосмической промышленности	США – 33,46	Франция – 16,0	Германия – 12,6	Россия – 0,9 Китай – 1,6
Изделия электронной промышленности, оптическая и компьютерная техника	Китай – 28,3	США – 8,0	Юж. Корея – 6,0	Россия – 0,17
Фармацевтическая продукция	Германия – 14,56	Швейцария – 12,3	Бельгия – 9,8	Россия – 0,1 Китай – 2,6

Источник: составлено автором по: Main Science and Technology Indicators/OECD Volume 2017/1. P. 89–91.

Сегодня можно говорить лишь о точечных успехах страны в ряде сегментов передовых производственных технологий и потенциальных возможностях их расширения. Российские игроки занимают сильные позиции (близкие к 30% долям рынка) только в сфере производства лазеров и инженерного программного обеспечения.

4. *Деградация научно-технического потенциала.* За годы рыночных трансформаций Россия серьезно сократила свой кадровый потенциал, в первую очередь количество исследователей. Практически потеряла отраслевую прикладную науку. За последнее десятилетие количество научно-исследовательских организаций и конструкторских бюро сократилось более чем на 30%, а проектных организаций – на 45%. При этом потери в отраслевой науке не удалось компенсировать развитием корпоративной науки. Сегодня идет последовательное разрушение фундаментальной науки.

5. *Низкий уровень инновационной активности.* Основные показатели инновационной деятельности на протяжении последних полутора десятилетий практически не менялись и оставались на уровне, заметно уступающем развитым и многим развивающимся странам, свидетельствуя о том, что экономика страны оставалась невосприимчивой к инновациям (см. рис. 1).

Наряду с финансовой стабильностью в качестве главного инструмента экономической политики правительство сосредоточилось еще на одном – *институциональном*, под которым понимается повышение эффективности общих условий ведения бизнеса. Логика была такова: если условия рыночной экономики сформированы, то нужно совершенствовать («шлифовать») условия ведения бизнеса. Будет среда – бизнес сам решит, куда вкладывать средства [1].

Источник: составлено автором по данным Федеральной службы государственной статистики РФ. www.gks.ru.

Рис. 1. Динамика основных показателей инновационной деятельности в России

В России особо акцентировалось внимание на привлечении иностранного бизнеса. Считалось, что он обладает большими финансовыми и технологическими ресурсами, а также лучшими управленческими практиками. Этим во многом объясняется чрезмерный интерес ко всякого рода международным рейтингам и вера в то, что они реально могут на что-то повлиять. Но практика свидетельствует, что это далеко не так. В частности, в России довольно много внимания было уделено повышению рейтинга легкости ведения бизнеса (Doing Business), составляемого Мировым Банком. В последние годы наша

страна значительно улучшила свои позиции в этом рейтинге, переместившись с 123-го места в 2011 г. на 35-е в 2016 г. Однако реального оживления экономики в стране так и не произошло.

Проводимая в стране неолиберальная политика практически изолировала инновационную политику от индустриального развития. Сложилась парадоксальная ситуация, когда формирование национальной инновационной системы проходило при полном отрицании промышленной политики. Лишь последние пять-шесть лет промышленная политика перестала быть запретной темой, а в последние три-четыре года стало приходить осознание необходимости выработки государственной промышленной политики. Это нашло свое отражение в разработке ряда отраслевых стратегий и государственных программ, в формировании вертикально интегрированных структур в государственном секторе в виде крупных государственных корпораций, создании финансовых институтов развития, в принятии в 2014 г. федеральных законов № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» и № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Вместе с тем выстраиваемая система научно-технологических и структурных приоритетов, разработка программных документов в сфере научно-технической, инновационной и промышленной политики продолжают сохранять автономность и не взаимосвязаны между собой.

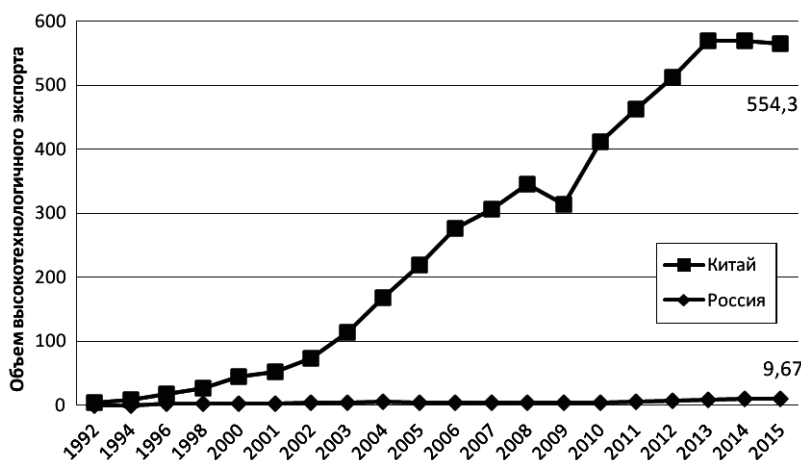
Сегодня, когда вновь активизировалась дискуссия о необходимости скорейшего перехода к новой модели развития в условиях нарастающих технологических вызовов, уместно задаться вопросом: какие же уроки Россия должна вынести из предшествующей экономической политики, чтобы наконец развернуться в сторону инновационного развития?

Прежде всего, необходимо отойти от старых догм «вашингтонского консенсуса», которые не позволяют сформировать макроэкономические условия развития инновационной экономики. Обеспечение финансовой стабильности посредством таргетирования инфляции, установления высоких процентных ставок, сохранения низкого уровня монетизации лишает компании возможности получения «длинных» денег (инвестиционных ресурсов), необходимых для реализации крупных инновационных проектов. В этой связи необходимо сформировать новую стратегию денежно-кредитного регулирования, которая бы содействовала устойчивому развитию российской экономики и, в первую очередь, ее реального сектора [5, с. 154].

То, что можно развиваться по-другому, наглядно показывает опыт Китая. Китайская модель развития идет вразрез с рекомендациями МВФ. Ее главное содержательное отличие от либеральной состоит в противоположном понимании роли государства в экономике. Она предполагает наличие многоукладной частно-государственной экономики, активное участие государства в управлении экономикой при

доминировании в стратегических отраслях (банки, энергетика, ВПК, телекоммуникации), сочетание принципов плановой и рыночной экономики, промышленной политики, широкое стимулирование технологического обновления производств, формирование благоприятного делового климата для привлечения иностранных капиталовложений в сочетании с валютным контролем, включая ограничение финансовых операций с оффшорными юрисдикциями [6, с. 309].

Для того чтобы оценить эффективность используемых моделей развития России и Китая, можно проанализировать статистику динамики роста ВВП, товарного экспорта и другие показатели. Но поскольку мы говорим об инновациях, то, с точки зрения восприимчивости к инновациям, достаточно взглянуть на динамику высокотехнологичного экспорта РФ и КНР за последние четверть века. При сопоставимом объеме экспорта высокотехнологичной продукции в 90-ые годы (2,2 млрд долл. – у России и 4,3 млрд долл. – у Китая) к 2015 г. российский экспорт вырос по объему в 4,5 раза (до 9,7 млрд долл.), а китайский в 130 раз (до 554,3 млрд долл.) (см. рис. 2).

Источник: data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD?locations=CN-SA-RU&view=chart.

Рис. 2. Динамика высокотехнологичного экспорта России и Китая, млрд долл.

Конечно, сегодня Россия не может в полной мере пойти по китайскому пути, но на отдельных элементах опыта этой страны следовало бы акцентировать внимание. И прежде всего на том, что без мощной государственной активности в решении задач инновационного развития не обойтись. Это подтверждается и опытом других стран, добившихся успеха и вышедших на траекторию инновационного роста, которые сделали это благодаря активному участию и поддержке государства.

Несмотря на то что в рыночной экономике важную роль в экономическом развитии играет частный бизнес, не стоит преувеличивать его роль в создании инновационной экономики. «Невидимая рука рынка» должна быть дополнена «видимой рукой государства». В частности, на это обращает внимание М. Маццукато, которая в своих работах развенчала миф о роли частного бизнеса в формировании инновационной модели развития. Она отмечает, что для инновационной экономики нужен сильный госсектор. «Если страна имеет сильный ориентированный на результат госсектор, то это влияет не только на инвестиции, но и на партнерство государства с частным сектором» [7].

Роль государства является определяющей и в формировании государственной промышленной политики, неотъемлемой частью которой является научно-технологическая и инновационная политика. Только при таком триедином подходе может решаться вопрос комплексной модернизации современной экономики, обеспечивающей динамичный рост ее конкурентоспособности. Такой подход лежит в основе новой промышленной политики, которую формируют ведущие страны Запада.

В российской практике такая взаимоувязка возможна в рамках реализации Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который был принят в 2014 г., но система стратегических документов планирования и механизмов их координации до сих пор находится на стадии формирования.

На государственном уровне должны быть сформированы структурные приоритеты промышленного развития. В современном мире, в условиях динамично развивающихся процессов новой индустриализации, для скорейшего преодоления деструктивных процессов, происходящих в сфере развития традиционных отраслей промышленности, на государственном уровне должны создаваться новые высокотехнологичные секторы экономики, а также обновляться традиционные секторы экономики за счет эффективного инновационного развития.

Выделение таких двух групп структурных приоритетов крайне важно, и это несомненно прерогатива государства. В рамках государственной промышленной политики должно быть определено соотношение между наращиванием выпуска продукции перспективного технологического уклада, способного увеличить экспорт и позиционирование страны на новых высокотехнологичных товарных рынках, и широкомасштабной модернизацией отраслей обрабатывающего комплекса, прежде всего машиностроения и современного приборостроения.

Мировой опыт показывает, что ориентация на развитие только наукоемких секторов экономики не может обеспечить системной устойчивости национальной экономики, особенно в крупных диверсифицированных системах. Подтверждается это и российской прак-

тикой нулевых годов. Узкий круг высокотехнологичных отраслей, поддерживаемых в рамках проводимой экономической политики в тот период, не позволил сформировать критическую массу инвестиционных проектов, которые смогли бы существенно повлиять на динамику экономического роста. Кроме того, устаревающая производственная база традиционных секторов промышленности становится непреодолимой преградой на пути развития высокотехнологичных отраслей.

Выбор структурных приоритетов промышленной политики должен базироваться на инвентаризации имеющихся промышленных мощностей (промышленной переписи), тщательном анализе существующих научно-технологических заделов, опираться на прогнозы научно-технологического и социально-экономического развития.

Только после того, как будут сформулированы четкие цели, задачи и приоритеты промышленной политики, под них должны создаваться соответствующие инструменты и механизмы поддержки. Следует отметить, что при всей значимости институтов для эффективности функционирования экономики, сама институциональная система должна ориентироваться на специфику поставленных целей и задач, учитывать общеэкономические условия, ресурсные ограничения и доступные методы их преодоления.

Основные направления формирования институциональной среды под новые задачи восстановления и развития реального сектора экономики на новой технологической основе сегодня уже обозначены в ряде стратегий и федеральных законов, в частности в ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», в Стратегии инновационного развития, Стратегии научно-технологического развития и т. д. Институциональная среда должна характеризоваться широким разнообразием. Чрезвычайно важной задачей является укрепление и развитие собственной науки, как фундаментальной, так и прикладной. Решению задач технологической модернизации и инновационного развития промышленности также должно содействовать распространение таких институтов, как центры трансфера технологий, инновационно-технологические, инжиниринговые компании, информационно-аналитические центры и центры коллективного пользования оборудованием.

Создавая благоприятную институциональную среду для индустриального развития в России, важно не только формировать институты развития науки, инновационной деятельности и промышленного развития, обеспечивающие эффективное взаимодействие между государством, бизнесом и научным сообществом, но также продолжать поиск эффективных методов государственного управления в этих сферах. Речь должна идти о новом качестве управления инновационными процессами, базирующимися на развитии гибких систем управления,

адекватных решению задач инновационного обновления российской экономики. Прежде всего, это институты контрактных отношений, программно-целевой подход и проектное финансирование, механизмы государственно-частного партнерства, которые способны повысить у компаний реальную мотивацию к нововведениям. Как показывает мировой опыт, все они могут стать эффективным и действенным механизмом управления материальными и трудовыми ресурсами и научным промышленным потенциалом для реализации крупных инновационных проектов [8, с. 52].

Акцентируя внимание на важности формирования экономики инновационного типа в России, полезно обратиться к принятому в 2015 г. Белым домом документу – Стратегии американских инноваций, в которой отмечается, что «стране, которая полностью сосредоточится на инновациях сегодня, будет принадлежать глобальная экономика завтра» [9]. В этой связи, если Россия хочет продвинуться в направлении формирования экономики инновационного типа, то обязательно нужно провести серьезную и очень грамотную работу над ошибками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филатов В.И. Экономика России: кто виноват и что делать? (2015). regnum.ru/news/polit/1882420.html.
2. Новая промышленная политика России в контексте обеспечения технологической независимости / Под ред. Ленчук Е.Б. С-Пб.: Алетейя, 2016.
3. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Культурная революция, 2016.
4. Национальный доклад об инновациях в Российской Федерации 2016. МЭРТ РФ, Открытое правительство. РВК. www.rvc.ru/upload/iblock/b6d/RVK_innovation_2016_v.pdf.
5. Ленчук Е.Б. Почему России так и не удалось перейти к инновационной модели развития. В сб. «Итоги трансформации, или какой капитализм мы построили». (Материалы международной научной конференции. Москва, 22–23 ноября 2016 г.). М.: ИЭ РАН, ИЭН ПАН. 2017.
6. Холодков В.М. Структурные реформы в России в контексте китайского опыта. В сб. «Новая модель экономического развития России: концепция формирования и реализации». М.: Издание Государственной Думы, 2016.
7. Mazzucato M., Penna C. Beyond market failures: the market creating and shaping role of state investment banks, University of Sussex // SPRU working paper Series SWPS 2014-21, 2014. www.sussex.ac.uk/webteam/gateway/file.php?name=2015-26-swps-mazzucato-penna.pdf&site=25.
8. Новая индустриализация как условие формирования инновационной модели развития российской экономики: [Научный доклад] / Ленчук Е.Б. (руководитель) и др. М.: ИЭ РАН, 2014.
9. A Strategy for American Innovation. Washington, DC, October 2015. P. 2, 10–11.

ABOUT THE AUTHOR

Elena Borisovna Lenchuk – Doctor of Economic Sciences, Director of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. lenalenchuk@ya.ru.

SHIFTING TOWARDS AN INNOVATIVE DEVELOPMENT MODEL IN RUSSIA: OVERCOMING COMMITTED MISTAKES

The paper analyzes the main reasons that over the past 25 years were preventing Russia from moving to an innovative development model that underlies economic competitiveness and sustainable economic growth for many developed and developing countries in the world.

It is shown that the following tenets of the Washington Consensus and the liberal economic policy led Russia to adopt an export-raw material development model, which resulted in de-industrialization, degradation and collapse of the real economy, as well as technological underdevelopment. The paper proposes measures that can be implemented to turn the country towards innovative development. Among the most important – the implementation of a new strategy for monetary regulation, strengthening of state's goal-setting activity and strategic planning mechanisms, creation an appropriate institutional environment, provision of high-quality innovation management.

Keywords: *innovative model of development, Washington Consensus, technological backwardness, industrial policy, structural priorities, institutional environment.*

JEL: O10, O11, O14, O31, O32, O38.

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

И.В. КАРАВАЕВА

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,
руководитель сектора экономической безопасности
ФГБУН Институт экономики РАН

Е.М. БУХВАЛЬД

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,
руководитель Центра региональных исследований
ФГБУН Институт экономики РАН

В.И. ПАВЛОВ

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

С.В. КАЗАНЦЕВ

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

М.И. ГЕЛЬВАНОВСКИЙ

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

Е.А. ИВАНОВ

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

А.Г. КОЛОМИЕЦ

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

И.А. КОЛПАКОВА

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ БЮДЖЕТ РОССИИ НА 2018–2020 ГОДЫ: НОВЫЙ ШАГ К ПОБЕДЕ НАД ДЕФИЦИТОМ И ИНФЛЯЦИЕЙ?¹

В статье анализируются основные параметры федерального бюджета на 2018–2020 гг., дается оценка направленности государственной бюджетной политики и определена достоверность прогнозов формирования доходной базы федерального бюджета. Представлена оценка соответствия структуры расходов федерального бюджета задачам экономического развития. Определены финансовые механизмы обеспечения инвестиционного роста и возможности смягчения демографического кризиса. Охарактеризована достоверность финансового обеспечения реализации социальных программ. Рассмотрены государственные программы регионального развития и межбюджетные отношения.

Ключевые слова: *федеральный бюджет, доходы, расходы, дефицит, нефтегазовые и ненефтегазовые доходы, государственные программы развития экономики, социальные программы, межбюджетные отношения.*

JEL: H60, H12, H77, H131.

Политика бюджетной консолидации 2018–2020 гг.

Исполнение Федерального бюджета и реализация прогноза социально-экономического развития на 2018–2020 гг. будут иметь место в рамках крайне ответственного периода развития российской экономики – периода выхода из рецессии, минимизации инфляции и перехода к ускоренным темпам экономического роста. Это требует переосмысления устоявшихся тенденций развития российской экономики, когда в качестве приоритетных ставились задачи улучшения финансовых показателей и формулировались соответствующие лозунги. Так, в 1990-е годы, когда на повестке дня была минимизация бюджетных расходов, лозунгом стало «секвестирование бюджета». В начале 2000-х годов, когда профицит бюджета составлял 9 трлн руб. (за 2000–2008 гг.) и была поставлена задача вывести эти средства из хозяйственного оборота и направить их в основном на досрочное погашение внешнего долга, доминировал лозунг «стерилизации денежной массы». И наконец, в посткризисный период (2010–2017 гг.) российская экономика развивалась под лозунгом «таргетирования инфляции». Это был очень полезный опыт развития, когда задача минимизации бюджетных расходов ради преодоления дефицита бюджета и снижения инфляции была в значительной мере решена.

¹ Статья подготовлена в рамках Программы ФНИ государственных академий наук на 2013–2020 гг. в соответствии с темой государственного задания № 168.2 «Обеспечение социально-экономической безопасности и формирование макроэкономических механизмов нивелирования угроз и вызовов экономике и обществу России в ходе становления и развития системы стратегического планирования».

Однако достижение профицитности бюджета не является еще признаком успешного развития экономики (см. табл. 1). Необходимы как минимум достойные и не снижающиеся темпы ее роста. Что же ждет нас в ближайшие три года?

Доходы бюджета за 2018–2020 гг. возрастут на 10,6% (см. табл. 2), что дает некоторые шансы на финансирование (в приемлемом размере) реального сектора экономики и социальной сферы. Положительным явлением можно было бы считать уменьшение доли нефтегазовых доходов. Однако это потребует значительных сдвигов в структуре промышленного производства, его существенной диверсификации, увеличения производства и, что очень важно, импорта продукции машиностроения, повышения его конкурентоспособности. Эти процессы в рамках прогноза социально-экономического развития действительно предусмотрены, но не в тех масштабах, чтобы заметно изменить долю нефтегазовых доходов.

Сложившаяся ситуация вызывает сомнение в реальности достижения намеченных ориентиров и снижает надежность исполнения бюджета. Так, расходы уменьшатся в первые два года, хотя в целом за 3 года они все же незначительно вырастут – на 2,6%. Существенная разница между ростом доходов и расходов бюджета в пользу первых позиционируется как главный приоритет концепции государственной бюджетной политики. Средства, поступившие в бюджет, будут направлять не на развитие экономики, а прежде всего на снижение дефицита бюджета.

Именно эта политика «бюджетной консолидации» станет основной на ближайшие три года. Сама логика разработки бюджета нацелена на минимизацию бюджетных расходов. Так, доходы бюджета рассчитаны исходя из цены на нефть чуть выше 40 долл./барр. (41–42), хотя было ясно, что мировая цена на нефть будет выше, и сегодня она уже существенно выше. Но в соответствии с бюджетным правилом все доходы, полученные от более высокой цены на нефть, аккумулируются в суверенных фондах.

Наиболее явно видна разница в динамике соотношения доходов и расходов к ВВП, которая по доходам снижается весьма незначительно – с 15,6% в 2016 г. до 14,8% в 2020 г., т. е. всего на 0,8 п. п., а по расходам весьма значительно – с 19,1% в 2016 г. до 15,6% в 2020 г., т. е. на 3,5 п. п. В итоге предполагается снижение дефицита уже к 2019 г. до 0,8% к ВВП, т. е. практически до уровня сбалансированности.

Динамика доходов и расходов и их рост в целом за предстоящее трехлетие (см. табл. 2) указаны в номинальном выражении, при ежегодно прогнозируемой 4%-ной инфляции. Поэтому в реальном выражении доходы бюджета за 2018–2020 гг. вырастут не на 10,6%, как показывает официальный прогноз, а снизятся, хотя и не намного. Особенно

Таблица 1

Параметры социально-экономического развития Российской Федерации в 2010–2015 гг. (в % к предыдущему году)

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Темпы роста ВВП	104,5	104,3	103,5	101,3	100,7	97,2
Инвестиции в основной капитал	106,3	110,8	106,8	100,8	98,5	89,9
Реальные денежные доходы населения	105,9	100,5	104,6	104,0	99,3	96,8
Инфляция	108,8	106,1	106,6	106,5	111,4	112,9
Дефицит (–) Профицит (+) консолидированного бюджета, в % к ВВП	–3,4	+1,4	+0,4	–1,2	–1,1	–3,4

Источники: составлено авторами по: Россия в цифрах. 2016. М., ФСГС, 2016. С. 37–39, 470; Россия в цифрах. 2017. М., ФСГС, 2017. С. 37–39, 475.

Таблица 2

Основные параметры федерального бюджета на 2018–2020 гг.

Показатели	2016 г. отчет	2017 г. оценка	2018	2019	2020
Доходы, всего, млрд руб.	13460	14720	15258	15555	16285
в % к предыдущему году		109,4	103,7	101,9	104,7
в % к ВВП	15,6	16,0	15,7	15,1	14,8
в том числе нефтегазовые, млрд руб.		5795,2	5479,6	5247,5	5440,4
в % к ВВП		6,3	5,6	5,1	4,9
Расходы, всего, млрд руб.	16416	16728	16529	16374	17166
в % к предыдущему году		101,9	98,8	99,1	104,8
в % к ВВП	19,1	18,1	17,0	15,9	15,6
в том числе на научные исследования, млн руб.	*	*	362,2	351,1	346,6
Дефицит (–) Профицит (+), млрд руб.	–2956,4	–2008,1	–1271,4	–819,1	–869,9
в % к ВВП	–3,4	–2,2	–1,3	–0,8	–0,8

* в рассматриваемых материалах данные отсутствуют.

Источники: рассчитано авторами по: [1], [2], [3].

же сильно данное обстоятельство отразится на расходах: они за 2018–2020 гг. не возрастут на 2,6%, а упадут на 9–10%, что очень существенно для нашей экономики. Очевидно, что такой бюджет с падающими расходами не может стать фактором экономического роста для страны.

Доходы федерального бюджета в 2018 г. в плановом периоде 2019–2020 гг.: достоверность прогнозов

Прогнозируется последовательное сокращение доли доходов в ВВП – с 16,0% в 2017 г. до 14,8% в 2020 г. (см. табл. 3). При этом налоговые поступления, как связанные с внутренним производством, так и связанные с импортом продукции и услуг, в течение трехлетнего периода возрастают (за исключением ввозных пошлин в 2019–2020 гг.). Причиной сокращения общей доли доходов федерального бюджета относительно ВВП (на 1,4 п. п.) является снижение объемов внешних поступлений от реализации продукции нефтегазового сектора экономики.

Однако прогнозные данные (см. табл. 2) вызывают сомнение. Сложность определения доходов федерального бюджета РФ и ненадежность их получения обусловлены использованием таких прогнозных показателей, как цены на нефть марки «Urals» (мировые); цены на природный газ; темпы роста мировой экономики; курс евро к доллару США; курс доллара США к рублю; индекс реального эффективного обменного курса рубля; объем добычи нефти и природного газа; экспорт и импорт нефти и природного газа; прогноз инфляции, в том числе базовый; предельные темпы роста тарифов и динамика цен (тарифов) на товары (услуги) субъектов естественных монополий и услуги жилищно-коммунального комплекса; бюджетные инвестиции в объекты капитального строительства; прямые иностранные инвестиции (методология платежного баланса); численность населения трудоспособного возраста; численность экономически активного населения и др. [13].

Кроме того, при разработке прогноза необходимо учесть еще несколько десятков показателей более частного характера, среди которых: численность граждан, занятых в экономике; реальная заработная плата; размер номинальной начисленной среднемесячной заработной платы; фонд заработной платы.

Основным методом анализа и прогнозирования большей части показателей является метод эконометрического моделирования [14]. Наряду с регрессионными методами используются вербальный анализ решений (ВАР), скользящие регрессии, разложение вариаций. Более того, применялись такие методы прогнозирования, как экономико-математическое моделирование в сочетании с прагматическим подходом, построенным на логическом анализе косвенных данных, характеризующих те или иные процессы, с учетом гипотезы рациональных ожиданий тех или иных событий.

Все вышеизложенное подтверждает сложность составления прогнозов и возможность существенных погрешностей полученных результа-

Таблица 3

Динамика доходов федерального бюджета в 2018–2020 гг. млрд руб.

Показатель	2017 г. (оценка)	2018 г.		2019 г.		2020 г.	
		Прогноз	Отклоне- ние	Прогноз	Отклоне- ние	Прогноз	Отклоне- ние
1	2	3	4=3-2	5	6=5-3	7	8=7-5
Доходы, всего	14 720,3	15 257,8	537,5	15 554,6	296,8	16 285,4	730,8
в % к ВВП	16,0	15,7	-0,3	15,1	-0,6	14,8	-0,3
в том числе:							
Нефтегазовые доходы,	5 795,2	5 479,6	-315,6	5 247,5	-232,1	5 440,4	192,9
в % к ВВП	6,3	5,6	-0,7	5,1	-0,5	4,9	-0,2
Ненефтегазовые доходы,	8 925,1	9 778,2	857,1	10 307,1	528,9	10 845,0	537,9
в % к ВВП	9,7	10,0	0,3	10,0		9,8	-0,2
Связанные с внутренним производ- ством	4 677,8	5 098,8	421,0	5 413,2	314,4	5 818,2	405,0
НДС	3 050,8	3 330,9	280,1	3 558,7	227,8	3 880,1	321,4
Акцизы	902,0	961,8	59,8	1 029,3	67,5	1 053,4	24,1
Налог на прибыль	725,0	806,1	81,1	825,2	19,1	884,7	59,5
Связанные с импортом	2 671,3	2 959,6	287,1	3 071,1	112,7	3 143,4	72,3
НДС	2 038,7	2 294,0	255,3	2 402,3	108,3	2 473,8	71,5
Акцизы	77,4	92,2	14,8	97,8	5,6	102,1	4,3
Ввозные пошлины	555,2	572,2	17,0	571,0	-1,2	567,5	-3,5
Прочее	1 576,0	1 721,0	145,0	1 822,8	101,8	1 883,4	60,6

Источник: рассчитано авторами по: [1], [2], [3].

тов от намеченных при оценке как доходной части федерального бюджета РФ на очередной финансовый год и плановый период, так и ВВП.

Детальные расчеты по каждому виду налоговых поступлений, связанных с внутренним производством, будь то налог на прибыль организаций, НДС, НДС, акцизы и др., заслуживают положительной оценки. Однако приходится оспаривать детальные расчеты по ряду значимых позиций:

1. Существенно занижен фонд оплаты труда в прогнозируемом периоде². Действительно, в 2020 г. он принят в размере 24 942 млрд руб., в то время как, согласно данным Росстата, оплата труда, включая скрытую, в 2016 г. составила 34 981 млрд руб.³, а оплата труда наемных работников в 2016 г. составила 40 224 млрд руб.⁴ С учетом этого ВВП в 2018–2020 гг. должен быть увеличен минимум на 15 трлн руб., на 5 трлн руб. – государственные внебюджетные фонды и почти на 2 трлн руб. консолидированные бюджеты субъектов РФ (в части НДС). По данным Росстата, к «невидимым» работникам относятся 16,2 млн человек, или почти 23% всех занятых в экономике [10, с. 4].

2. Вряд ли следует считать обоснованным принятый уровень цены на нефть, который с почти 50 долл./барр. в 2017 г. сокращен до 43,8 долл./барр. в 2020 г., в то время как цена 1 барреля, обеспечивающая безубыточность членам ОПЕК, колеблется от 49,1 долл./барр. в Кувейте, до 64,3 долл./барр. в Алжире и до 139 долл./барр. в Норвегии [11, с. 5]. Вызывает сомнение и существенное сокращение доли нефтегазовых доходов с 39,4% в 2017 г. до 33,4% в 2020 г., учитывая строительство дополнительных газопроводов в Западную Европу, Турцию и Китай, а также добычу нефти и газа в Восточной Арктике.

3. Возникает вопрос и об отсутствии финансирования Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г.⁵ и Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. [7], хотя на Стратегию экологической безопасности финансирование предусмотрено [12, с. 4].

4. Учитывая сложность прогнозирования доходов федерального бюджета РФ и консолидированных бюджетов субъектов РФ, а также возрастающую нагрузку на бизнес налогового администрирования, необходимо принять принципиально новые модели налогообложения и бюджетирования, обеспечивающие прозрачность налоговых платежей государству и муниципальным органам хозяйствующими субъектами.

² См.: [1, с. 22, табл. 2.1].

³ Россия в цифрах. 2017: Кратк. стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 123.

⁴ Там же. С. 185.

⁵ См.: [1, Приложение 6].

Оценка соответствия структуры расходов федерального бюджета РФ на 2018–2020 гг. задачам экономического развития

Необходимость придания российской экономике должного динамизма, с одной стороны, и выполнения социальных и культурных программ – с другой, отражается в распределении бюджетных ассигнований по разделам классификации расходов бюджета (см. табл. 4).

По большинству разделов классификации расходы бюджета снижаются (см. табл. 4), что подтверждает оценку федерального бюджета на 2018–2020 гг. как бюджета ухудшения большинства параметров, кроме дефицита.

Представляется необходимым предусмотреть рост расходов бюджета в реальном измерении как минимум на 4% в год, а в номиналь-

Таблица 4

Расходы федерального бюджета в 2018–2020 гг. по разделам классификации расходов, млрд руб.

Показатели	2017	2018	2019	2020
Всего	16881,6	16519,2	16373,7	17185,3
В т. ч.:				
общегосударственные вопросы	1290,0	1305,8	1243,5	1238,9
национальная оборона	2872,3	2771,8	2798,5	2808,0
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	1977,2	2108,1	2131,0	2140,7
национальная экономика	2565,0	2404,1	2377,0	2438,7
ЖКХ	132,9	125,8	98,5	91,0
охрана окружающей среды	96,3	88,8	92,8	98,2
образование	630,0	663,2	653,4	668,8
культура, кинематография	105,2	93,7	89,2	84,5
здравоохранение	452,5	460,3	428,5	499,4
социальная политика	5071,3	4706,1	4741,8	4873,3
физкультура и спорт	101,9	59,2	37,3	38,9
СМИ	80,2	82,7	67,8	67,9
обслуживание государственного и муниципального долга	720,0	824,3	819,1	869,8
межбюджетные трансферты общего характера	786,7	835,3	795,4	808,2

Источник: рассчитано авторами по: [1], [2], [3].

Таблица 5

Расходы на реализацию государственных программ в федеральном бюджете на 2018–2020 гг.

Наименование госпрограмм	2018 г.		2019 г.		2020 г.	
	млн руб.	% к итогу	млн руб.	% к итогу	расходы млн руб.	% к итогу
Расходы на реализацию государственных программ, всего	9108528,7	100	8720822,1	100	8841977,6	100
В том числе:						
1) развитие науки и инновационная экономика	181699,0	2,0	182147,2	2,09	184921,6	2,09
2) развитие авиационной промышленности на 2013–2025 гг.	59105,8	0,65	40340,9	0,46	40574,1	0,46
3) развитие промышленности и ее конкурентоспособность	218358,5	2,4	217908,8	2,5	203206,8	2,3
4) развитие судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений на 2013–2020 гг.	9801,6	0,11	9807,9	0,11	9807,9	0,11
5) развитие электронной и радиоэлектронной промышленности на 2013–2025 гг.	9909,3	0,11	9908,1	0,11	9908,1	0,11
6) развитие атомного и энергопромышленного комплекса	66541,1	0,73	66185,8	0,76	66938	0,76
7) энергоэффективность и развитие энергетики	11348,0	0,12	10406,9	0,12	9155,0	0,12
8) развитие оборонно-промышленного комплекса (ОПК)	7612,7	0,08	7343,7	0,08	6890,7	0,08
9) управление государственными финансами и регулирование финансового рынка	126866,2	13,9	1211326,3	13,9	1268952,2	14,3

Источник: рассчитано авторами по: [1], [2], [3].

ном – не ниже чем на 8% в год. Это значит, что расходы бюджета должны составить в 2018 г. 17 729 млрд руб., в 2019 г. – 19 147 млрд руб. и в 2020 г. – 20 679 млрд руб. Это даст возможность направить дополнительно на развитие экономики в 2018 г. 1 200 млрд руб., в 2019 г. – 2 773 млрд руб. и в 2020 г. – 3513 млрд руб. При этом дефицит бюджета составит в 2018 г. 2471 млрд руб., или 2,5% к ВВП, в 2019 г. – 3592 млрд руб., или 3,5% к ВВП, и в 2020 г. – 4394 млрд руб., или 4% к ВВП.

Как известно, в стране есть немало ресурсов, практически не работающих на развитие отечественной экономики, которые вместо инвестирования чужой экономики могут быть направлены в отечественную экономику, в том числе и на финансирование дефицита бюджета.

В рамках федерального бюджета РФ на 2018–2020 гг. предусмотрена реализация 35 государственных программ, только 8 из которых нацелены исключительно на развитие промышленного производства, включая ОПК [2]. Из общих расходов на государственные программы на эти 8 программ приходится всего 7% (см. табл. 5), в то время как на одну госпрограмму «Управление государственными финансами и регулирование финансового рынка» предусмотрено в два раза больше (14% расходов), чем на госпрограммы в реальном секторе экономики.

При финансировании модернизации российской промышленности такими незначительными средствами трудно ожидать вывода ее на мировой уровень, хотя все эти госпрограммы, а также ряд других государственных и федеральных целевых программ в целом способствуют повышению экономической безопасности и научно-технологическому развитию РФ.

Отдельным блоком современных задач является повышение уровня жизни населения, рост реальных доходов, снижение уровня бедности и имущественного расслоения в обществе, повышение комфортности жизни.

Данные прогноза демонстрируют катастрофическое падение темпов роста реальных доходов населения – практически до 1,1 и 1,2% в 2019 г. и 2020 г. соответственно. Это объясняется тем, что сокращение дефицита бюджета достигается за счет сдерживания роста всех видов доходов населения, особенно наемных работников и пенсионеров. Прогноз исходит из того, что оплата труда наемных работников в течение прогнозного периода будет оставаться относительно стабильной.

Помимо низкого уровня жизни населения практически нулевой рост реальных доходов населения искажает пропорции в экономике и исключает доходы населения из числа факторов, стимулирующих внутренний спрос. А это значит, что доходы населения перестают быть движущей силой экономического роста.

Финансовые механизмы обеспечения инвестиционного роста

Исходя из параметров Федерального бюджета соотношение величины годового прироста инвестиций (в текущих ценах) к величине годового прироста ВВП (в текущих ценах) составит: в 2018 г. – 29,1%, в 2019 г. – 31,1%, в 2020 г. – 27,8%⁶. Предполагается, что в 2020 г. объем инвестиций в текущих ценах вырастет по сравнению с 2018 г. на 21,5% при росте ВВП на 13,1% (с 2010 по 2012 г. инвестиции увеличились на 37,5%, ВВП – на 34,4%⁷).

Теоретически такой опережающий рост инвестиций за счет прибыли организаций возможен, если прибыль каким-то образом аккумулируется или перераспределяется в пользу крупнейших энергетических и сырьевых корпораций, которые реализуют масштабные инвестиционные программы. Например, чтобы поддержать снижающийся объем добычи при стабильных или слабо растущих ценах (этот вариант динамики цен является базовым при расчете бюджетных проектировок на 2018 и последующие годы). Однако, оставляя в стороне рациональность такого маневра, совершить его без использования фискальных и бюджетных мер невозможно.

Следует отметить также, что в Прогнозе социально-экономического развития страны намечены весьма высокие темпы прироста инвестиций в основной капитал – 4,7% в 2018 г., 5,6% в 2019 г. и 5,7% в 2020 г., что в 2–2,5 раза выше, чем прирост ВВП. Но в Прогнозе отсутствует убедительное обоснование реальности достижения намеченных темпов прироста инвестиций в основной капитал.

Возможности смягчения демографического кризиса в бюджетной концепции

Демографический кризис в настоящее время является одной из существенных угроз национальной экономической безопасности. Усиление этой угрозы связано с известным феноменом «работающих бедных». Одна из причин застойного характера этого феномена – постоянное присутствие на рынке труда РФ дешевой рабочей силы временных мигрантов из дальнего и ближнего зарубежья (особенно из республик Средней Азии). Квалифицированные специалисты из ближнего зарубежья, так же как квалифицированные специалисты из РФ, предпочитают страны дальнего зарубежья. Привлечение низкооплачиваемой рабочей силы из зарубежья на массовые

⁶ См.: [1, с. 22, табл. 2.1].

⁷ См.: ФСТС. www.gks.ru.

специальности существенно экономит издержки непосредственных производителей работ. Однако конкуренция низкооплачиваемых работников, заработок которых ориентирован на значительно более низкую стоимость жизни в местах постоянного проживания их семей и принципиально иную структуру доходов семей, сбивает уровень заработной платы работников, постоянно проживающих в тех регионах, где в широких масштабах используется привлеченная рабочая сила. При этом затраты на содержание детей, особенно учитывая массовый перевод учреждений образования и здравоохранения на оказание платных услуг, становятся крайне обременительными для семей и зачастую невозможными. Таким образом, миграция в ее современном виде не только не решает демографические проблемы РФ, но способствует их обострению.

Этот вызов требует увеличения сумм субвенций бюджетам регионов из федерального бюджета на указанные выше цели и ужесточения контроля за их использованием.

Финансовое обеспечение реализации социальных программ поддержки населения

В Прогнозе социально-экономического развития РФ на 2018 г. и на плановый период 2019–2020 гг. обращает на себя внимание сдержанная динамика показателей, характеризующих уровень жизни населения (см. табл. 6). Также в федеральном бюджете наблюдается сокращение расходов на здравоохранение (полностью исчезла статья «Расходы на охрану здоровья матери и ребенка»).

В целом федеральный бюджет 2018–2020 гг. предусматривает, что расходы на реализацию государственной программы «Развитие здравоохранения» в 2018–2019 гг. будут снижаться, но не так сильно, как предусматривал Закон № 415–ФЗ (см. табл. 7). Несмотря на то, что по сравнению с последним параметры этих расходов увеличены в 2018 г. на 6,6%, в 2019 г. на 7,4%, до 2020 г. они остаются ниже уровня 2017 г. Так, в 2018 г. ассигнования на данную программу составят лишь 78,5% от уровня 2017 г., в 2019 г. – 84,4%. Вывести их на уровень превышающий показатель 2017 г. на 7,4%, планируется только в 2020 г.

Существенное сокращение расходов на «Совершенствование системы оказания медицинской помощи больным прочими заболеваниями» на 41 894,4 млн руб. в 2018 г. и на 36 381,5 млн руб. в 2019 г. отражает крайне негативную тенденцию. Увеличение расходов на совершенствование высокотехнологичной помощи, которое предполагается на уровне 5 533, 2 млн руб. в 2018 г., 5 721,8 млн руб. в 2019 г. также недостаточно. И лишь в 2020 г. планируется увеличить эти расходы на 77 100,0 млн руб.

Таблица 6

Расходы федерального бюджета на 2018 г. на социально-культурные мероприятия (млн руб.)

Статьи расходов	2017	2018	Прирост
Здравоохранение	314989,1	300000,0	-14989,1
Образование	452703,8	480607,6	+27903,8
Социальная политика	1295789,2	1375619,9	+79830,7
Доступная среда	50234,7	49554,5	-680,2
ЖКХ	114990,3	96806,0	-18184,3
Поддержка занятости	49754,6	45434,7	-4319,9
Культура и туризм	98835,3	90379,2	-8456,6
Физкультура и спорт	100482,0	57239,9	-43242,1
Итого, расходы на социально-культурные мероприятия	2477779	2495641,8	-17856,7
Доля расходов на социально-культурные мероприятия в расходах на госпрограммы, %	26,5	27,3	+0,8
Доля расходов на социально-культурные мероприятия в расходах, %	14,8	15,1	+0,3
Отношение расходов на социально-культурные мероприятия к доходам бюджета, %	16,8	15,1	-1,7

Источник: рассчитано авторами по: [2], [3].

Справедливая критика прошлогоднего Закона № 415-ФЗ была отчасти учтена в утвержденном федеральном бюджете – расходы на программу «Развитие образования» на 2013–2020 годы» увеличены (см. табл. 7). Вместе с тем в рассматриваемом документе отсутствует финансирование Федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 гг., а финансирование подпрограммы «Развитие и распространение русского языка как основы гражданской самоидентичности и языка международного диалога» незначительно.

Несмотря на то что следующий плановый период объявлен периодом, когда выполнение социальных обязательств государства перед гражданами станет основным приоритетом, произошло снижение ассигнований на выполнение госпрограммы «Социальная поддержка граждан» по сравнению с предыдущими бюджетными проектировками (см. табл. 7). Так, параметры бюджета в 2018 г. ниже параметров, утвержденных Законом № 415-ФЗ, на 3,4 %, а в 2019 г. – на 2,5%. К тому же с 2019 г. происходит снижение абсолютной суммы расходов на данную программу по сравнению с уровнем 2018 г. Таким образом,

Таблица 7

Динамика расходов на реализацию государственных программ по основным направлениям социально-культурных мероприятий в федеральном бюджете 2018–2020 гг., млн руб.

Наименование программ	2017 г.*	2018 г.			2019 г.			2020 г.	
		Закон № 415-ФЗ	Закон № 362-ФЗ	Закон № 415-ФЗ, %	Закон № 415-ФЗ	Закон № 362-ФЗ	Закон № 415-ФЗ, %	Закон № 362-ФЗ	Прирост к предыдущему году, %
1	2	3	4	5=4/3*100	6	7	8=7/6*100	9	10=9/7*100
Здравоохранение	314 989,1	281 519,8	300 090,0	106,6	247 390,1	265 711,4	107,4	338 403,5	127,4
Развитие образования	458 252,1	456 703,8	480 607,6	105,2	458 960,1	484 454,0	105,6	495 761,1	102,3
Социальная поддержка граждан	1 295 789,2	1 375 619,9	1 328 626,4	96,6	1 347 387,9	1 313 065,1	97,5	1 316 714,0	100,3
Доступная среда	50 234,7	45 880,5	49 554,5	108,0	45 657,5	49 433,3	108,3	49 870,7	100,9
Содействие занятости населения	49 754,6	46 429,7	45 434,7	97,9	46 910,0	46 012,8	98,1	46 681,1	101,5

Источник: рассчитано авторами по: [1], [2], [3]

в 2020 г. запланированные расходы на данную программу будут выше, чем в 2017 г. на 1,6%, но ниже уровня 2018 г. на 0,9%. В целом можно оценить параметры финансирования данной программы как стагнирующие, что странно для социального государства, прогнозирующего рост экономики на весь плановый период.

Предусмотренное в бюджете увеличение расходов на формирование доступной среды (см. табл. 7) по сравнению с Законом № 415-ФЗ маскирует некоторое снижение расходов по этой программе по сравнению с уровнем 2017 г. Но это снижение было бы более существенным, если бы были оставлены без изменения положения действующего Закона.

Расходы на программу «Содействие занятости населения» в целом несколько сокращены по сравнению с параметрами, предусмотренными в Законе № 415-ФЗ (см. табл. 7). Вместе с тем относительно уровня 2017 г. их сокращение достаточно существенно. Так, в 2018 г. они будут ниже уровня 2017 г. почти на 9%, в 2019 г. – на 7,5%, а в 2020 г. – на 6,2%. Наиболее серьезное снижение предполагается по мероприятию «Социальные выплаты безработным гражданам и оптимизация критериев назначения и размеров пособия по безработице».

Таким образом, федеральный бюджет на 2018–2020 гг. построен на минимизации расходов в социальной сфере. В нем отсутствуют решения ряда наиболее острых проблем: обеспечение детей младшего возраста яслями в условиях нарастающей демографической ямы; увеличение бедности пожилых, у которых снижается реальная пенсия; сохранение сложившегося неравенства в уровне жизни в связи с отказом от прогрессивного налога на личное богатство.

Государственные программы регионального развития и межбюджетные отношения в Федеральном бюджете на 2018–2020 гг.

В рамках блока региональных вопросов и межбюджетных отношений совершенно не просматривается реализация Федерального закона о стратегическом планировании [4], а также ряда других уже принятых документов, касающихся государственной политики регионального развития и регулирования пространственной структуры российской экономики [5].

Предполагается сокращение общего объема финансирования по блоку «Сбалансированное региональное развитие» (5 программ). Государственная программа «Развитие федеративных отношений и создание условий для эффективного и ответственного управления региональными и муниципальными финансами» вызывает вопросы. Из документа не ясно, что здесь относится к развитию федеративных отношений, и что понимается под «Совершенствованием системы распре-

деления и перераспределения финансовых ресурсов между уровнями бюджетной системы Российской Федерации», поскольку расходы по этой программе отражают расходы по всем каналам (формам) взаимодействий федерального бюджета с субфедеральными бюджетами, а слово «совершенствование» смысловой нагрузки не несет.

В то же время Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» [6] наибольшее внимание уделяет аспекту совершенствования бюджетного процесса.

Исходя из утвержденных параметров бюджета по отношению к ВВП соответствующего года доля расходов по разделу «Межбюджетные трансферты общего характера бюджетам бюджетной системы Российской Федерации» составит в 2017 и 2018 гг. – 0,9%, в 2019 г. – 0,8% и в 2020 г. – 0,7%. Это – заметное сокращение. В то же время никакой целостной системы мер по повышению эффективности этого блока бюджетных расходов и созданию действенных стимулов для субфедеральных бюджетов документ не содержит.

В общем объеме межбюджетных трансфертов доля дотаций увеличится с 44,15% в 2017 г. до 50,03% в 2020 г., а доля субсидий сократится с 27,75% до 23,63%. В документе присутствует множественность видов межбюджетных трансфертов, при этом задача их распределения (см. Приложения к Закону о бюджете) в полной мере не реализуется.

В 2018 г. предусмотрено 68 субсидий, из которых фактически распределено 52, или 76,4% их общей суммы. Следует отметить неясность соотношения программы субсидий с финансированием государственных программ: субсидии в рамках программ и/или за их рамками, – только в отдельных случаях на это есть прямое указание.

Межбюджетные трансферты в рамках бюджета используются также как механизм перераспределения доходов между бюджетными уровнями. Во время относительно нестабильной экономической ситуации доходы бюджетов всех уровней сокращаются, а расходные обязательства возрастают в силу дополнительных затрат на предотвращение опасных для общества процессов социально-политического плана. В этих условиях естественно ожидать уменьшения общего объема перераспределяемых доходов между бюджетами разного уровня, что и заложено в Законе [3] (см. табл. 8).

Сокращение общего объема межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов Федерации в 2018–2020 гг. будет на 6 п. п. больше, чем сокращение всех расходов федерального бюджета (без учета условно утвержденных). Это означает, что бремя сокращения расходов и тяжесть преодоления сложной экономической ситуации опять перекладывается с федерального бюджета на бюджеты нижестоящих уровней.

Таблица 8

**Динамика объемов межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ в 2018–2020 гг.,
% к предшествующему году**

Виды трансфертов	Годы			
	2018	2019	2020	2018–2020
Всего	96,8	95,6	100,9	93,1
Дотации	106,7	97,2	101,8	105,6
Субсидии	92,9	92,8	99,2	85,5
Субвенции	88,1	102,5	101,2	91,2
Иные межбюджетные трансферты	80,2	77,3	99,4	61,6

Источник: рассчитано авторами по: [1], [3].

Как и во время кризиса 2008–2009 гг., помощь регионам осуществляется преимущественно в форме дотаций: особенно быстро они увеличатся в 2018 г. (см. табл. 8). В первую очередь дотации получают, как правило, депрессивные субъекты РФ, регионы с низким уровнем жизни. Настораживает заложенное в Закон уменьшение субвенций, которые используются для финансового обеспечения «делегированных» полномочий. Не ясно, идет ли речь о сокращении числа полномочий, или, как это было раньше, о перекладывании полномочий из центра на субъекты Федерации без соответствующего финансового обеспечения.

Ориентиры корректировки бюджетной концепции

Анализ величин и, главное, динамики показателей федерального бюджета дает основание утверждать следующее: критерием позитивной направленности бюджета разработчики считают его бездефицитность, а обеспечить ее достижение предполагается за счет сокращения расходов. Первое следует из продолжения политики, ориентированной на сокращение инфляции и обеспечение некоего «приемлемого» предела бюджетного дефицита. Второе – из твердого убеждения правительства в том, что легче перераспределять и минимизировать расходную часть федерального бюджета, чем его доходную часть, которая зависит от эффективности результатов деятельности хозяйствующих субъектов, общего состояния экономики страны, геополитической и геоэкономической обстановки.

В итоге мы наблюдаем сокращение финансирования общественно значимых сфер жизни страны (см. табл. 9).

Таблица 9

**Ранжирование темпов роста расходов федерального бюджета
(по разделам классификации расходов бюджетов) 2018–2020 гг.
в порядке их убывания, %**

№ пп	Разделы классификации расходов бюджета	Без учета индекса цен	С учетом индекса цен	Доля в суммар- ных расходах за 2018–2020 гг., %
	Все расходы	99,1	88,1	100,0
	в том числе:			
1	обслуживание государ- ственного и муниципаль- ного долга	120,8	107,4	5,1
2	здравоохранение	110,4	98,1	2,8
3	национальная безопас- ность и правоохранитель- ная деятельность	108,3	96,2	12,9
4	образование	106,2	94,4	4,0
5	межбюджетные транс- ферты общего характера бюджетам бюджетной системы РФ	102,7	91,3	4,9
6	охрана окружающей среды	102,0	90,7	0,6
7	национальная оборона	97,8	86,9	16,9
8	социальная политика	96,1	85,4	28,9
9	общегосударственные вопросы	96,0	85,4	7,6
10	национальная экономика	95,1	84,5	14,5
11	средства массовой инфор- мации	84,7	75,3	0,4
12	культура, кинематография	80,3	71,4	0,5
13	жилищно-коммунальное хозяйство	68,4	60,8	0,6
14	физическая культура и спорт	38,2	34,0	0,3

Источник: рассчитано авторами по данным: [1], [2], [3].

Прогнозируемый рост расходов на обслуживание государственного долга может указывать на возрастание трудностей в экономике. На долю шести первых направлений расходования средств федерального бюджета (см. табл. 9) приходится 30,2% общего объема предусмотренного на 2018–2020 гг. финансирования. То есть основная масса расходов

Таблица 10

Ранжирование некоторых государственных программ в порядке убывания темпов роста расходов на их выполнение в 2018–2020 гг.

№ пп	Программа	Без учета индекса цен	С учетом индекса цен	Доля в суммарных за 2018–2020 гг. расходах, %
1	Развитие науки и технологий	116,6	103,7	2,1
2	Развитие образования	108,2	96,2	5,4
3	Развитие здравоохранения	107,4	95,5	3,4
4	Социальная поддержка граждан	101,6	90,3	14,8
5	Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности	99,4	88,4	7,3
6	Охрана окружающей среды	98,5	87,5	0,4
7	Содействие занятости населения	93,8	83,4	0,5

Источник: рассчитано авторами по данным: [1], [2], [3].

(69,8%), согласно федеральному бюджету, ощутимо уменьшается, в том числе и расходы по таким социально-значимым статьям, как «Социальная политика», «Национальная экономика», «Охрана окружающей среды». Сокращается также и основная масса расходов на ряд государственных программ (см. табл. 10). В несколько лучшем положении оказывается группа программ «Сбалансированное региональное развитие», что связано с необходимостью сокращения чрезмерной дифференциации уровней социально-экономического развития субъектов Федерации, доходов, расходов и сальдо региональных бюджетов.

Исключением из общей тенденции к уменьшению объемов финансирования из федерального бюджета (с учетом индекса цен) является увеличение объема средств, выделяемых на развитие отечественной науки и технологий (в том числе на подпрограмму «Фундаментальные научные исследования» на 11,5%). Это давно назрело, поскольку выход из экономического кризиса возможен лишь путем инновационного обновления систем используемых технологий и реструктуризации хозяйства. Однако не стоит забывать, что доля, направляемая на развитие науки, в суммарных расходах госпрограмм составляет всего 2,1%.

Очевидно, что в сложившейся ситуации речь должна идти не о корректировке отдельных параметров и пропорций Федерального бюджета, а об изменении как бюджетной и в целом экономической концепции развития российской экономики (см. [7]).

Необходимо:

- признать приоритетной задачу преодоления российской экономической стагнационных явлений. Предлагаемые темпы прироста ВВП к 2020 г. должны составлять 3–4%, и 5–6% – к 2023–2025 гг. Все другие экономические задачи, в том числе и в области уровня жизни, могут быть решены только в результате повышения темпов роста ВВП. Такие важные финансовые проблемы, как преодоление дефицита бюджета, снижение инфляции, сохранение приемлемого объема госдолга и т. д., являются вторичными и могут быть решены только на фоне высоких темпов роста российской экономики;
- резкое увеличение бюджетных расходов, даже за счет роста дефицита бюджета. Его значения могут быть увеличены с 4% ВРП до 5–7% к 2020 г., с условием, что это обеспечит необходимые темпы экономического роста;
- важной задачей экономической политики должна стать диверсификация производства, решение которой полностью зависит от повышения темпов экономического роста;
- приоритетным направлением бюджетной политики должен стать рост уровня жизни населения, отражаемый в реальных денежных доходах граждан, и формирование адресной (индивидуализированной) системы социальной поддержки населения.

Суммы увеличения бюджетных расходов должны быть примерно в равных объемах направлены на рост бюджетных инвестиций и реальных денежных доходов населения. Это и только это приведет к увеличению внутреннего спроса взамен сокращающегося внешнего и создаст реальные условия для развития российской экономики. Необходимо, чтобы названные приоритеты стали стержнем бюджетной и экономической политики российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пояснительная записка к Проекту Федерального закона «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/f938e46a4000bf25f99c70c69823278591395d7d/.
2. Проект Федерального закона «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов». base.garant.ru/56727430.
3. Федеральный закон от 05.12.2017 № 362-ФЗ «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов». www.minfin.ru/common/upload/library/2017/12/main/FZ362-FZ_ot_051217.pdf
4. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841.
5. Постановление Правительства РФ от 20 августа 2015 г. № 870 «О содержании, составе, порядке разработки и утверждения стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации». base.garant.ru/71170676.

6. Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210967/f938e46a4000bf25f99c70c69823278591395d7d.
7. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации до 2030 г. С. 1–18. static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705150001.pdf (дата обращения: 28.06.2017).
8. *Караваяева И.В., Павлов В.И., Казанцев С.В., Иванов Е.А.* Федеральный бюджет РФ 2018–2020: возможен ли выход из рецессии // АНК ИЛ: Страхование дело. 2017. № 11.
9. Россия в цифрах. 2017: Краткий статистический сборник / Росстат. М., 2017.
10. Самозанятые не выходят из тени // Ведомости. 7 июля 2017 г.
11. Сделка ОПЕК не по карману // Ведомости. 1 августа 2017 г.
12. Как не вылететь в трубу // Российская газета. 21 сентября 2017 г.
13. Правила разработки прогноза социально-экономического развития Российской Федерации. Утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 22 июля 2009 года № 596. base.garant.ru/12168587.
14. Методические рекомендации по разработке прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на очередной финансовый год и плановый период. Утверждены приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 30 июня 2016 г. № 423. minek.rk.gov.ru/file/File/minek/2017/strategy/prikaz%20423.pdf.

ABOUT THE AUTHORS

Irina Vladimirovna Karavayeva – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Head of the Economic Security Sector, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. ikaravayeva30@yandex.ru.

Evgeny Moiseevich Buchwald – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Regional Studies, Institute of Economics, of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia.

Vyacheslav Ivanovich Pavlov – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia.

Sergey Vladimirovich Kazantsev – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia.

Mikhail Ivanovich Gelvanovsky – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia.

Evgeny Aleksandrovich Ivanov – Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia.

Andrei Grigoryevich Kolomiets – Doctor of Economic Sciences, Leading Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia.

Irina Alekseevna Kolpakova – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia.

THE FEDERAL BUDGET OF RUSSIA FOR THE YEARS 2018–2020: IS IT A NEW STEP TOWARDS VICTORY OVER DEFICIT AND INFLATION?

The article analyzes the main parameters of the federal budget for the years 2018–2020, gives an assessment of the direction of the state budgetary policy and determines the reliability of the forecasts for the formation of the revenue base of the federal budget. The assessment of the conformity of the federal budget spending structure to the tasks of economic development is presented. Financial mechanisms for ensuring investment growth and opportunities for mitigating the demographic crisis are defined. The reliability of financial support for the implementation of social programs is characterized. The state programs of regional development and interbudgetary relations are considered.

Keywords: *federal budget, incomes, expenditures, deficit, oil and gas and non-oil and gas revenues, state programs for economic development, social programs, interbudgetary relations.*

JEL: H60, H12, H77, H131.

С.А. АНДРЮШИН

доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

А.А. РУБИНШТЕЙН

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ПРОЦЕНТНАЯ ПОЛИТИКА БАНКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ НИЗКОЙ ИНФЛЯЦИИ

В статье анализируется процентная политика Банка России за 2014–2017 гг., даются официальная и экспертная оценки функционирования процентного канала денежно-кредитной политики, рассматривается маржинальная политика в российских банках и даются рекомендации по изменению процентной политики Банка России в условиях низкой инфляции. Обосновывается необходимость разработки новой парадигмы денежного рынка.

Ключевые слова: Банк России, банковский сектор, денежно-кредитная политика, инфляция, кредитный канал, ликвидность, маржа, процентная политика, процентный риск, ценные бумаги.

JEL: E31, E43, E59.

В антиинфляционной политике Банка России основную роль играет процентная политика. В условиях низкой инфляции эта политика должна быть изменена. Для повышения эффективности процентного канала нужна новая парадигма денежного рынка. Процентные ставки в новой парадигме должны быть переменными и зависеть от новой базовой ставки. Это позволит обеспечивать большую гибкость при стимулировании экономической активности и занятости населения. Рассмотрим эти вопросы подробно.

Инфляция и макроэкономические тренды

В ноябре 2017 г. показатель годовой инфляции, зафиксированный Росстатом, составил 2,5%, снизившись с начала года на 2,9 п. п. Таким образом, по итогам 2017 г. инфляция в РФ окажется на самом низком за последние 25 лет уровне. Но стремление Банка России быстро снизить инфляцию происходило на фоне падения реальных располагаемых доходов населения (за 11 месяцев 2017 г. они уменьшились на

1,4%), роста импорта (за 10 месяцев увеличился на 24,7%), укрепления курса рубля по отношению к доллару США (за 10 месяцев 2017 г. вырос на 13,2%), падения инвестиционной и производственной активности бизнеса [1]. За 11 месяцев 2017 г. промышленное производство относительно соответствующего периода предыдущего года увеличилось всего на 1,2% (при этом в ноябре 2017 г. оно снизилось на 3,6%), производство в обрабатывающей промышленности увеличилось на 0,4% (в ноябре снизилось на 4,7%), аналогичная ситуация была и в ряде других отраслей¹. При этом инвестиционные намерения российского бизнеса впервые с начала октября 2017 г. стали отрицательными².

Несмотря на столь резкий спад годовой инфляции и формирование негативных трендов в конце 2017 г. (особенно с ноября)³, в первую очередь сжатия инвестиционного и потребительского спроса, Банк России не спешит менять свою процентную политику. Операционный инструмент – ключевая процентная ставка – после декабрьского (2017 г.) снижения на 0,50 п. п. (до 7,75%) по-прежнему в несколько раз превышает годовые темпы прироста розничных цен (потребительская инфляция по состоянию на 20 ноября, согласно данным Минэкономразвития, составляла 2,4%). Основная причина такого расхождения – высокие инфляционные ожидания населения, которые в ноябре 2017 г. составили 8,7% (медианная оценка)⁴.

Индекс цен производителей (7,62% в октябре 2017 г.) также существенно опережает потребительскую инфляцию (2,72%), в основном за счет цен в сфере добычи полезных ископаемых (14,0%), производства нефтепродуктов (20,8%) и металлургии (11,7%). Это провоцирует дополнительный риск повышения уровня инфляционных ожиданий в промышленности, одновременно поддерживая спрос на заемные средства даже при снижении текущего уровня ключевой ставки Банка России⁵.

Руководители Банка России не раз заявляли о необходимости снизить и закорить инфляционные ожидания, но до сих пор этого не сделано. Поэтому нефинансовым организациям (НФО) и домашним хозяйствам (ДХ) не следует ожидать более активного снижения про-

¹ О социально-экономическом положении России. М.: Росстат, 2017. № 11, январь–ноябрь. www.gks.ru/free_doc/doc_2017/info/oper-11-2017.pdf.

² Экономика. М.: Банк России, 2017. № 11, ноябрь. С. 2. www.cbr.ru/Collection/Collection/File/3037/EC_2017-11.pdf.

³ В докладе Минэкономразвития «Картина промышленности в ноябре 2017 года» отмечается, что спад промышленного производства в России в ноябре 2017 г. затронул ограниченный ряд отраслей и носит поэтому локальный характер. www.banki.ru/news/lenta/?id=10177448.

⁴ О чем говорят тренды. Макроэкономика и рынки. М.: Банк России, 2017. № 8(20), декабрь. С. 7.

⁵ Там же. С. 8.

центных ставок в ближайшей перспективе. Сейчас же процентные ставки по кредитам для НФО и ДХ находятся на уровне выше наблюдаемой инфляции (10,4%), а по депозитам (вкладам) – ниже ожидаемой инфляции (8,7%).

В рамках неокейнсианской логики, которой Банк России руководствуется в процессе реализации своей денежно-кредитной политики (ДКП), в российской экономике сейчас наблюдается пониженный спрос. Он формируется, во-первых, за счет подавления потребительского спроса ДХ ввиду относительно высоких ставок по депозитам (увеличивая склонность к сбережениям) и, во-вторых, за счет подавления спроса НФО на кредит ввиду относительно высоких ставок по кредитам (уменьшая дополнительный спрос со стороны заемщиков, в том числе инвестиционных). В результате цель Банка России по инфляции достигается – она даже ниже целевого уровня (2,5% в ноябре–декабре 2017 г.).

В условиях достаточно активной антиинфляционной политики, осуществлявшейся Банком России в 2014–2017 гг., падение спроса привело к снижению темпов роста инвестиций в основной капитал. При этом основным источником ухудшения динамики инвестиций в настоящее время являются крупные предприятия, замедлившие рост закупок машин и оборудования. В первую очередь это коснулось строительства, производства инновационных товаров и обрабатывающей промышленности. Поэтому переход к новой модели экономического развития, основанной на внутренних источниках развития, в России не получается. И основная причина находится в плоскости существующей процентной политики Банка России.

Процентный канал денежно-кредитной политики

Механизм процентного канала ДКП был запущен в российской экономике в сентябре 2013 г., когда Банк России объявил, что в рамках перехода к режиму таргетирования инфляции намерен реализовать комплекс мер по совершенствованию процентных инструментов ДКП, в частности:

- ввел ключевую ставку, определяемую путем унификации процентных ставок по операциям предоставления и абсорбирования ликвидности на аукционной основе на срок 1 неделя;
- установил коридор процентных ставок и систему инструментов по регулированию ликвидности банковского сектора;
- изменил роль ставки рефинансирования в системе инструментов Банка России⁶.

⁶ О системе процентных инструментов денежно-кредитной политики Банка России. www.cbr.ru/pw.aspx?file=/dkp/130913_13504271.htm.

Ключевая ставка в условиях инфляционного таргетирования стала операционной целью ДКП или основным инструментом влияния Банка России на экономику. Количественный параметр ставки Банк России стал задавать, исходя из целевого уровня инфляции (или инфляционных ожиданий), условий поддержания ценовой и финансовой стабильности в среднесрочном периоде. Устанавливая ключевую ставку, Банк России через механизм трансмиссии пытается оказывать воздействие на процентные ставки в различных сегментах финансового рынка, что отражается на доступности кредита, склонности к сбережениям и на динамике инфляции (инфляционных ожиданий). Ключевая ставка заменила ставку рефинансирования, которая с сентября 2013 г. стала играть роль показателя учетной политики, связанной с оценкой штрафных санкций (пени), а в дальнейшем ее значение было приравнено к показателю ключевой ставки Банка России, определенному на соответствующую дату⁷.

Процентный канал, по мнению Банка России, является одним из самых эффективных каналов трансмиссионного механизма ДКП, через который посредством управления ключевой ставкой регулятор может определять и регулировать инфляционные ожидания в реальной экономике, при этом инфляционные ожидания необходимо «заякорить». В противном случае всегда будет наблюдаться расхождение между инфляцией, инфляционными ожиданиями и процентными ставками для НФО и ДХ в реальной экономике.

Ключевая ставка напрямую связана с процентным коридором. Так, следование практике фиксированного процентного коридора предполагает, что центральный банк увеличивает предложение рыночной ликвидности, когда ставка на централизованных аукционах приближается к верхней границе коридора, и наоборот, при ее приближении к нижней границе коридора – активизирует вывод (абсорбирование) ликвидности с рынка посредством, например, привлечения средств на депозиты. При этом верхнюю границу коридора формирует процентная ставка по операциям постоянного действия по предоставлению ликвидности на 1 день, а ставка по депозитным операциям на 1 день – нижнюю границу коридора колебания рыночных процентных ставок. Коридор процентных ставок Банка России симметричен относительно установленной ключевой ставки при его ширине в 2 п. п.

Центральный банк воздействует на инфляцию, управляя внутренним спросом через процентные ставки, отслеживая при этом изменение взаимосвязей между ключевой ставкой, ставками на межбанковском рынке, ставками по кредитам/депозитам нефинансовому сектору

⁷ О ставке рефинансирования Банка России и ключевой ставке Банка России. Указание Банка России от 11.12.2015 г. № 3894-У. www.cbr.ru/StaticHtml/File/17377/3894-u.pdf.

и населению. И если корреляция между этими ставками тесная, то это свидетельствует об эффективности трансмиссии процентного канала ДКП Банка России. Но в условиях высокой волатильности активов и инструментов на финансовом рынке такая конструкция процентного коридора и трансмиссионного механизма перестают работать.

Трансмиссия процентного канала (оценка Банка России)

По оценкам Банка России, трансмиссия процентного канала в российской экономике работает достаточно хорошо, особенно в границах первого звена трансмиссионного механизма. В качестве доказательной базы регулятором приводятся данные, свидетельствующие о мгновенной передаче изменений ключевой ставки как ставкам сегмента овернайт денежного рынка, так и ставкам сегмента межбанковских кредитов (ставки рынка валютных свопов и рынка репо)⁸.

В 2017 г., по оценкам Банка России, происходила достаточно четкая передача сигнала от ключевой ставки к ставкам денежного рынка. Однодневные ставки межбанковского рынка MIACR и RUONIA в этот период формировались вблизи ключевой ставки: в январе – августе их среднее абсолютное отклонение от нее составляло 0,19 и 0,21 процентного пункта (как и в целом в 2016 г.). При этом обороты сегмента овернайт межбанковского рынка в среднем находились около отметки 450 млрд руб., а обороты в смежных сегментах однодневных свопов и репо – около 1 700 и 800 млрд руб. соответственно⁹.

В 2017 г. Банк России очень осторожно подходил к выбору времени и масштаба снижения ключевой ставки, чтобы, с одной стороны, не противоречить целям прогнозируемой ДКП, а с другой – условиям формирования доверия к нему. При этом Банк России считает, что снижение уровня ключевой ставки до 6,5–7,0% станет возможным, но только по мере создания в экономике определенных условий (стимулов) для формирования краткосрочных ставок денежного рынка вблизи установленного уровня ключевой ставки.

Важную роль в создании стимулов для формирования краткосрочных ставок денежного рынка вблизи ключевой ставки играет система инструментов Банка России и совершаемые в рамках этой системы операции с кредитными организациями. В числе приоритетных инструментов, способствующих формированию краткосрочных ставок денежного рынка вблизи ключевой ставки, начиная с IV квартала 2016 г. стали операции по абсорбированию излишней ликвидности,

⁸ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2018 год и период 2019 и 2020 годов. М.: Банк России, 2017. С. 17.

⁹ Там же. С. 19–20.

аккумулируемой на счетах в российских банках. Например, в январе – августе 2017 г. посредством этих операций Банк России в среднем еженедельно абсорбировал около 640 млрд руб. избыточных средств, к концу 2020 г., по оценкам регулятора, их масштабы могут вырасти до 3,0 трлн руб.¹⁰

Одновременно с целью сохранения ставок межбанковского кредитования (МБК) вблизи ключевой ставки Банк России в 2017 г. стал активно проводить операции по абсорбции излишней ликвидности банков с помощью собственных трехмесячных купонных облигаций (КОБР). Первый тестовый выпуск этих облигаций был проведен в августе 2017 г. и объем размещения составил 150,0 млрд руб. На 25.12.2017 г. с учетом накопленного купонного дохода объем размещенных облигаций возрос более чем в два раза – до 342,0 млрд руб.

Новая платежная система Банка России, запуск которой намечен на конец 2018 г., по мнению регулятора, способна усилить процесс формирования ставок денежного рынка вблизи ключевой ставки. Ожидается, что создание единого платежного пространства позволит банкам любого региона управлять средствами на корсчетах в течение всего операционного дня, а также после проведения всех клиентских платежей урегулировать свою позицию по ликвидности, сформированную как на межбанковском рынке, так и на рынке депозитов в Банке России¹¹.

В 2017 г. в российском финансовом секторе стали активно формироваться новые тенденции определения стоимости заимствований и размещения свободных денежных средств конечных субъектов экономики. Одной из таких тенденций стало повышение роли облигаций и снижение роли кредитов как при формировании портфелей банков, так и в осуществлении заимствований со стороны предприятий реального сектора. В частности, за январь – июль 2017 г. компании нарастили обязательства по облигациям на 793 млрд руб. (кредитные организации выкупили облигации более чем на 400 млрд руб., что превышает прирост кредитов, выданных предприятиям со стороны банков за тот же период¹². Все это, по мнению регулятора, будет способствовать более быстрой трансмиссии импульсов ДКП на ставки заимствования конечных заемщиков и ставки по депозитам населения и бизнеса.

Дедолларизация банковских активов и обязательств – еще одна устойчивая тенденция формирования стоимости заимствований и размещения свободных средств конечных субъектов экономики. В 2017 г. объемы валютных операций на всех сегментах кредитного и депозит-

¹⁰ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2018 год и период 2019 и 2020 годов. М.: Банк России, 2017. С. 20, 22.

¹¹ Там же. С. 23.

¹² Там же. С. 24.

ного рынков страны росли медленнее, чем объемы аналогичных рублевых операций, а по некоторым категориям балансовых операций происходило снижение объемов в иностранной валюте. В результате долларизация депозитов и кредитов ДХ и НФО устойчиво приближалась к локальным минимумам 2013 г.¹³

Операции Минфина России в рамках нового Бюджетного правила (с февраля 2017 г.) по приобретению иностранной валюты в целях пополнения Фонда национального благосостояния (особенно с ноября 2017 г.) в условиях роста мировых цен на нефть приводило не к укреплению, а напротив, к заметному ослаблению обменного курса рубля. Однако данные операции, по оценкам Банка России, оказывая повышательное влияние на темпы роста цен в России, по всей видимости, не смогут препятствовать поддержанию инфляции в течение среднесрочного периода на уровне, близком к 4%, а значит и влиять на процесс формирования ставок денежного рынка вблизи ключевой ставки¹⁴.

Все перечисленное выше, по мнению Банка России, лишь свидетельствует о том, что российские банки имеют все основания рассматривать ключевую ставку в качестве отправной точки для определения процентных ставок по всем другим финансовым операциям, в том числе на длительные сроки, а также для различных категорий участников финансового рынка. Изменение ключевой ставки отражается на динамике совокупных депозитов и кредитов и далее – на внутреннем спросе и инфляции. Так, изменение ключевой ставки в полной мере может отразиться на динамике ставок на депозитном и кредитном рынках в течение 3–6 месяцев, а на внутреннем спросе и уровне инфляции – на горизонте одного года – полутора лет.

В 2017 г., изменяя уровень ключевой ставки, Банк России оценивал возможное влияние этого изменения на динамику реальных ставок по депозитам и кредитам, т. е. в границах второго звена трансмиссионного механизма ДКП. При этом ставки по депозитам должны находиться в положительной области, чтобы оставаться привлекательными для населения и гарантировать финансовой системе страны (развивающейся в условиях неокейнсианской логики) сберегательную модель поведения. Поэтому неудивительно, что в 2017 г. повышенный уровень процентных ставок по кредитам сдерживал увеличение кредитования НФО и ДХ, обеспечивая плавный переток ресурсов банков с кредитного рынка на рынок ценных бумаг, в первую очередь – долговых обязательств. Рост же кредитного портфеля российских банков в 2017 г. происходил в основном за счет прироста ипотечного кредитования ДХ.

¹³ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2018 год и период 2019 и 2020 годов. М.: Банк России, 2017. С. 25–26.

¹⁴ Доклад о денежно-кредитной политике. М.: Банк России, 2017. № 4, Декабрь. С. 7, 30.

Трансмиссия процентного канала (экспертная оценка)

Повышение роли процентной политики в общем комплексе мер ДКП, реализуемых Банком России, в целом соответствует основному тренду развития монетарной сферы центральных банков ведущих стран мировой экономики [4], [5], [6]. Вместе с тем следует учитывать значительные различия, существующие в экономических системах России и группы развитых стран (США, Канады, Швейцарии, Японии и стран ЕС). Эти различия, прежде всего, касаются условий реализации ДКП, предопределяющих выбор ее целей и задач. Центральные банки ведущих стран, активно использующих процентную политику, в первую очередь решают проблемы преодоления рецессии и дефляционных тенденций за счет мер, стимулирующих экономическое развитие.

Процентная политика Банка России в условиях режима таргетирования инфляции сосредоточена исключительно на дезинфляции, а не на создании необходимых условий для стимулирования совокупного спроса. Об этом свидетельствуют неокейнсианская логика и основанная на ней базовая квартальная прогнозная модель (КПМ) Банка России, используемая регулятором для описания трансмиссионного механизма ДКП и построения прогноза развития российской экономики в среднесрочной перспективе. При этом для уточнения и дополнения результатов базовой КПМ, а также параметров ее калибровки, используется широкий спектр сателлитных моделей и модельных комплексов, необходимых для описания каналов трансмиссионного механизма ДКП, в том числе и процентного канала [3, с. 4–5].

Банк России утверждает, что в условиях целевого режима ДКП имеется сильная корреляция между ключевой ставкой, краткосрочными ставками денежного рынка и ставками по операциям банков с нефинансовым сектором. Во-первых, импульс ключевой ставки мгновенно и полностью отражается на однодневной ставке денежного рынка. Во-вторых, ставки денежного рынка сроком более одного дня реагируют на изменение ставки *MIACR* или *RUONIA* в течение двух недель, а доходности *ОФЗ* – в течение месяца. В-третьих, подстройка доходности корпоративных облигаций к новому уровню ставки *MIACR* или *RUONIA* занимает около двух месяцев. В-четвертых, связь между ставками *MIACR* или *RUONIA* и ставками по банковским операциям существует, но она неустойчивая и может менять свой характер в периоды сильной волатильности на денежном рынке [3, с. 6].

Проведенные авторами расчеты подтверждают наличие корреляции (эффекта переноса изменений) между ключевой ставкой, краткосрочными ставками денежного рынка и отчасти ставками по операциям банков с нефинансовым сектором. Более того, процентная политика Банка России в границах второго звена трансмиссионного меха-

низма ДКП (как это будет показано ниже) не в полной мере транслирует изменения ставок денежного рынка сроком более одного дня на процентные ставки на депозитном и кредитном рынках (особенно на рынке инвалютных операций).

Источник: ЦБ РФ. www.cbr.ru; расчеты авторов.

Рис. 1. Динамика ключевой ставки и краткосрочных ставок денежного рынка, 2014–2017 гг., %

Действительно, имеет место мгновенная передача импульса изменений ключевой ставки однодневным ставкам денежного рынка (MIACR и RUONIA) (см рис. 1). Значительные отклонения при передаче импульса изменений между этими ставками наблюдались лишь несколько раз, в период сильной волатильности (кризиса ликвидности) на денежном рынке – во второй половине декабря 2014 г. и в конце 2015 – начале 2016 гг.

Оналичии на протяжении 2014–2017 гг. эффекта мгновенного переноса изменений между ключевой ставкой и краткосрочными ставками денежного рынка (MIACR и RUONIA) свидетельствует сильная корреляция между этими показателями. Так, корреляция между дневной ставкой MIACR и ключевой ставкой в этот период была очень высокой – 0,959, а между дневной ставкой RUONIA и ключевой ставкой – 0,958. При этом корреляция между самими однодневными ставками денежного рынка практически приближалась к единице (см. табл. 1).

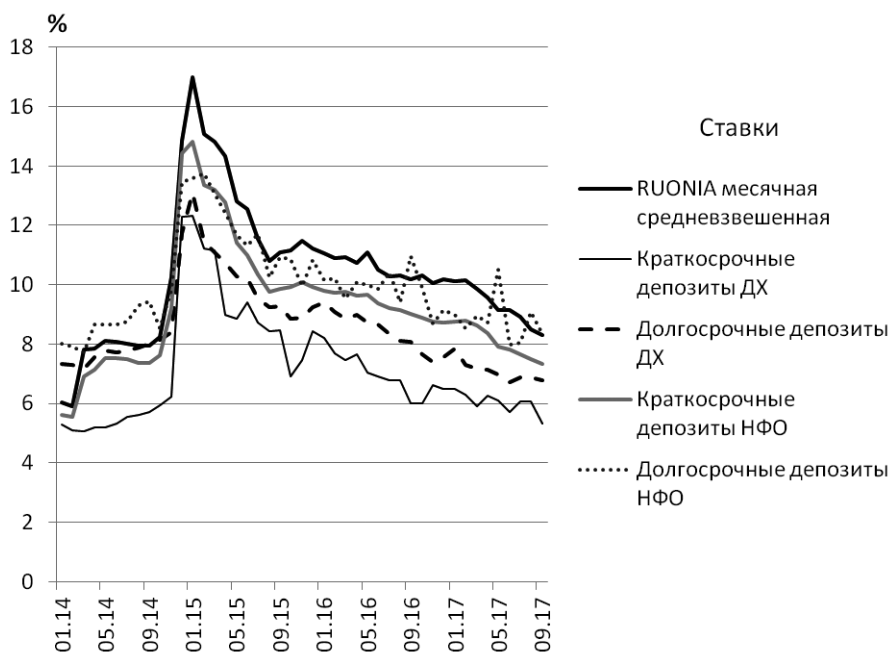
Таблица 1

Корреляция между ключевой ставкой и краткосрочными ставками денежного рынка РФ, 2014–2017 гг.

	MIACR месячная средневзвешенная	RUONIA месячная средневзвешенная	Ключевая ставка
MIACR месячная средневзвешенная	1		
RUONIA месячная средневзвешенная	1,000	1	
Ключевая ставка	0,959	0,958	1

Источник: ЦБ РФ. www.cbr.ru; расчеты авторов.

Связь между ставками денежного рынка сроком более одного дня (MIACR или RUONIA) и ставками по банковским операциям в реальном секторе экономики, как правило, неустойчива, она может менять свой характер в периоды сильной волатильности потоков ликвидности (особенно инвалютной) на денежном рынке. На рис. 2 видно, как менялась эта связь на рынке рублевых депозитов ДХ и НФО на протяжении всего периода 2014–2017 гг. В первую очередь это проявлялось

Источник: ЦБ РФ. www.cbr.ru; расчеты авторов.

Рис. 2. Динамика месячной средневзвешенной ставки RUONIA и рублевых ставок по депозитным операциям в реальном секторе экономики, 2014–2017 гг., %

в наличии разнонаправленности динамики месячной средневзвешенной ставки RUONIA и ставок на рынке долгосрочных депозитов НФО (февраль–апрель и июль–октябрь 2014 г., январь, май–июль и ноябрь–декабрь 2015 г., февраль–март, август 2016 г., февраль–март и май–июнь 2017 г.), с одной стороны, и ставок на рынке краткосрочных депозитов ДХ (апрель–май и октябрь–ноябрь 2015 г., август–октябрь 2016 г., март–апрель 2017 г.) – с другой стороны.

Тем не менее корреляция между депозитной ставкой денежного рынка сроком более одного дня (месячной средневзвешенной RUONIA) и рублевыми ставками по банковским операциям в реальном секторе экономики на протяжении 2014–2017 гг. оставалась высокой и колебалась в диапазоне от 0,89 (между ставкой по долгосрочным депозитам ДХ и месячной средневзвешенной ставкой RUONIA) до 0,99 (между ставкой по краткосрочным депозитам НФО и месячной средневзвешенной ставкой RUONIA) (см. табл. 2).

Таблица 2

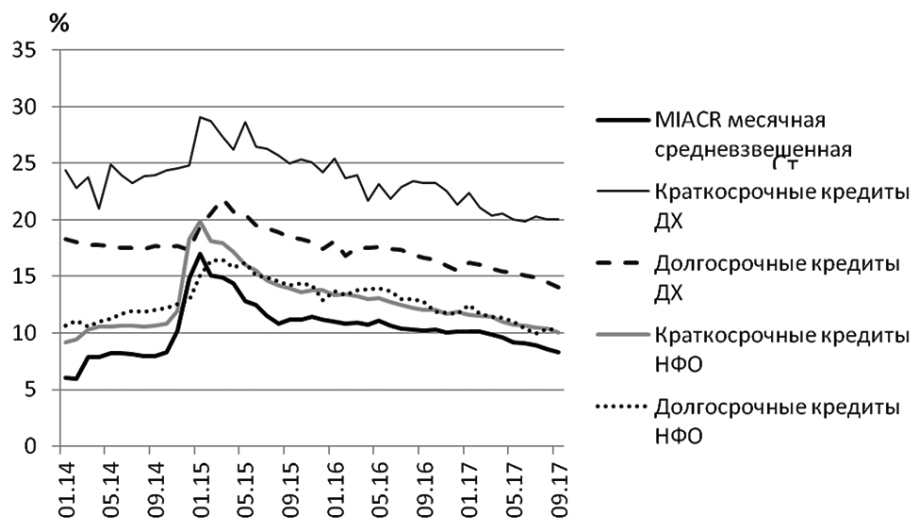
Корреляция между месячной средневзвешенной ставкой RUONIA и рублевыми ставками по депозитным операциям в реальном секторе экономики, 2014–2017 гг.

	RUONIA месячная средневзвешенная	Кратко- срочные депозиты ДХ	Долго- срочные депозиты ДХ	Кратко- срочные депозиты НФО	Долго- срочные депозиты НФО
RUONIA месячная средневзвешенная	1				
Краткосрочные депозиты ДХ	0,93	1			
Долгосрочные депозиты ДХ	0,89	0,94	1		
Краткосрочные депозиты НФО	0,99	0,95	0,93	1	
Долгосрочные депозиты НФО	0,91	0,91	0,92	0,93	1

Источник: ЦБ РФ (www.cbr.ru); расчеты авторов.

Иная картина характеризует взаимосвязь между рублевой ставкой денежного рынка сроком более одного дня (месячной средне-

взвешенной МІАСР) и рублевыми кредитными ставками ДХ и НФО. Во-первых, имеет место выраженная однонаправленность динамики рублевых долгосрочных кредитных ставок НФО и ДХ, и во-вторых, разнонаправленность динамики рублевых долгосрочных кредитных ставок НФО и ДХ и месячной средневзвешенной межбанковской кредитной ставкой МІАСР (см. рис. 3).

Источник: ЦБ РФ. www.cbr.ru; расчеты авторов.

Рис. 3. Динамика месячной средневзвешенной ставки МІАСР и ставок по рублевым кредитным операциям в реальном секторе экономики, 2014–2017 гг., %

Все это привело к тому, что корреляция между рублевой межбанковской кредитной ставкой денежного рынка сроком более одного дня (месячной средневзвешенной МІАСР) и рублевыми ставками по кредитным операциям ДХ и НФО на протяжении 2014–2017 гг. оставалась тоже высокой (но ниже корреляции рублевых ставок на депозитном рынке) и колебалась в диапазоне от 0,54 (со ставкой по долгосрочным кредитам ДХ и месячной средневзвешенной ставкой МІАСР) до 0,97 (со ставкой по краткосрочным депозитам НФО и месячной средневзвешенной ставкой МІАСР) (см. табл. 3).

Взаимосвязь между долларовой ставкой денежного рынка сроком более одного дня (месячной средневзвешенной МІАСР) и валютными кредитными ставками ДХ и НФО имеет иной характер. На протяжении всего анализируемого периода, 2014–2017 гг., между всеми этими ставками существовала контрциклическая взаимосвязь (см. рис. 4). Особенно эта взаимосвязь была сильной между месячной средневзвешенной ставкой МІАСР и валютными кредитными ставками до

Таблица 3

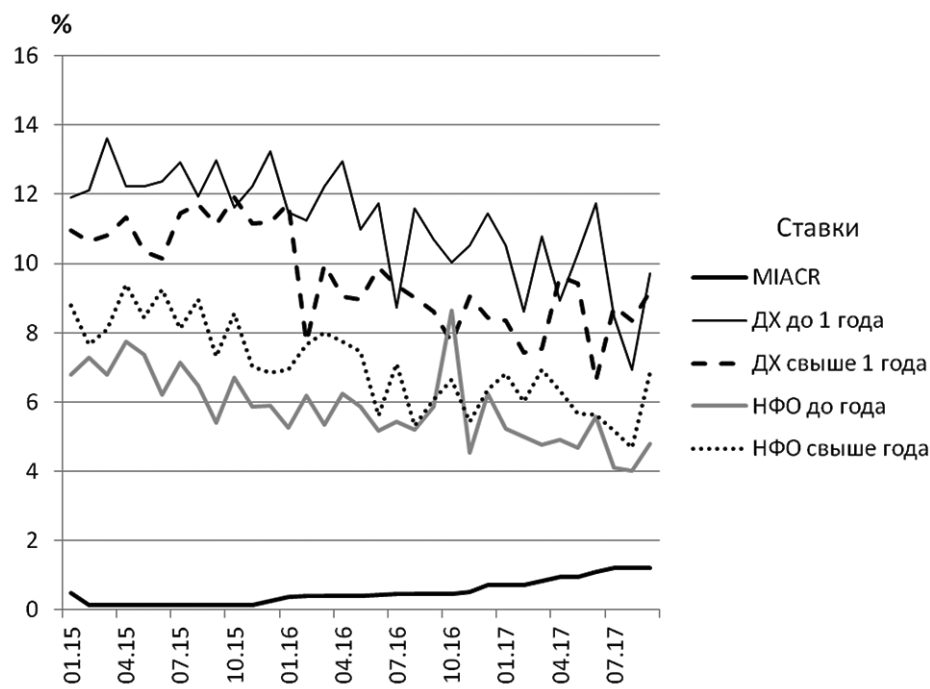
Корреляция между месячной средневзвешенной ставкой МІАСR и рублевыми ставками по кредитным операциям в реальном секторе экономики, 2014–2017 гг.

	МІАСR месячная средневзвешенная	Кратко- срочные кредиты ДХ	Долго- срочные кредиты ДХ	Кратко- срочные кредиты НФО	Долго- срочные кредиты НФО
МІАСR месячная средневзвешенная	1				
Краткосрочные кредиты ДХ	0,64	1			
Долгосрочные кредиты ДХ	0,54	0,90	1		
Краткосрочные кредиты НФО	0,97	0,75	0,69	1	
Долгосрочные кредиты НФО	0,82	0,81	0,82	0,87	1

Источник: ЦБ РФ. www.cbr.ru; расчеты авторов.

года и свыше года ДХ. При этом примерно с середины 2017 г. стала наблюдаться еще и такая особенность: долгосрочные и краткосрочные ставки по кредитам в иностранной валюте НФО сблизились, а ставки по долгосрочным и краткосрочным кредитам в иностранной валюте ДХ резко разошлись (по кредитам свыше года снижались, а до года – резко повышались).

Это привело к тому, что корреляция между долларовой кредитной ставкой МІАСR сроком более одного дня (месячной средневзвешенной) и ставками по кредитным операциям ДХ и НФО в иностранной валюте на протяжении 2014–2017 гг. оставалась невысокой (в отличие от корреляции рублевых ставок на депозитном и кредитном рынках) и колебалась в диапазоне от 0,34 (между ставкой по долгосрочным кредитам ДХ и краткосрочными кредитами НФО), 0,54 (между ставкой по краткосрочным кредитам ДХ и краткосрочными кредитами НФО) до 0,74 (между ставкой по краткосрочным кредитам ДХ в иностранной валюте и долларовой месячной средневзвешенной межбанковской ставкой МІАСR) (см. табл. 4).

Источник: ЦБ РФ. www.cbr.ru; расчеты авторов.

Рис. 4. Динамика долларовой месячной средневзвешенной ставки MIACR и долларовых ставок по банковским кредитам в реальном секторе экономики, 2014–2017 гг., %

Таблица 4

Корреляция между долларовой месячной средневзвешенной ставкой MIACR и ставками по банковским кредитам в иностранной валюте НФО и ДХ, 2014–2017 гг.

	MIACR	ДХ до 1 года	ДХ свыше 1 года	НФО до года	НФО свыше года
MIACR	1				
ДХ до 1 года	–0,74	1			
ДХ свыше 1 года	–0,67	0,54	1		
НФО до года	–0,67	0,54	0,34	1	
НФО свыше года	–0,70	0,61	0,60	0,68	1

Источник: ЦБ РФ. www.cbr.ru; расчеты авторов.

Таким образом, проведенный анализ показал наличие высокой корреляции (эффекта переноса изменений) между ключевой ставкой, краткосрочными ставками денежного рынка и рублевыми ставками по операциям банков с ДХ и НФО. Но значение корреляции между ставками во втором звене трансмиссионного механизма ДКП намного ниже, чем в первом звене. Наиболее высока корреляция между ключевой ставкой и краткосрочными ставками денежного рынка, меньше между месячной средневзвешенной ставкой RUONIA и рублевыми ставками по депозитным операциям в реальном секторе экономики, еще меньше между рублевой межбанковской кредитной ставкой денежного рынка сроком более одного дня (месячной средневзвешенной MIACR) и рублевыми ставками по кредитным операциям ДХ и НФО. И совсем слабой была корреляция между долларовой кредитной ставкой MIACR сроком более одного дня (месячной средневзвешенной) и ставками по кредитным операциям ДХ и НФО в иностранной валюте.

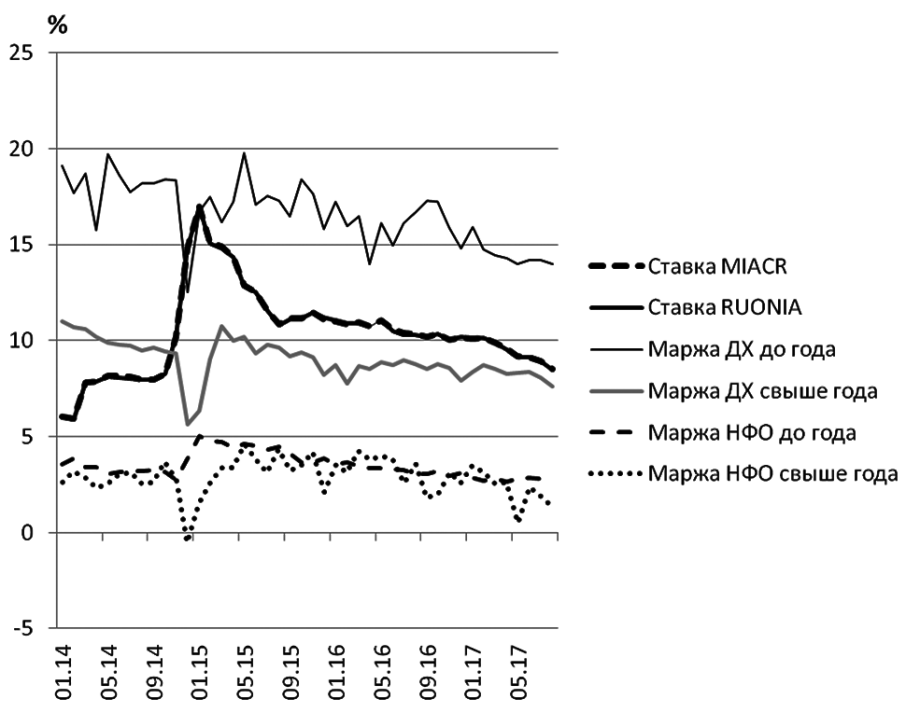
Причиной снижения значений корреляции в звеньях (от первого до второго) трансмиссии процентного канала Банка России является существующая в банках агрессивная маржинальная политика, напрямую связанная с купированием процентного риска за счет клиентов (и в первую очередь ДХ). В условиях купирования процентного риска банки вынуждены периодически завышать маржу (в основном по операциям с ДХ в рублях и иностранной валюте)¹⁵. Но в условиях низкой инфляции, снижающихся процентных ставок и перехода от умеренно жесткой к нейтральной ДКП им все труднее будет осуществлять свою агрессивную маржинальную политику (например, маржа долларова ДХ до года в январе 2015 г. при ключевой ставке в 17,0% составляла 6,68 п. п., но через 1 год и 8 месяцев при более низкой ключевой ставке 8,75% она была выше и составляла 9,04 п. п.).

Для понимания процесса купирования процентного риска за счет завышения процентной маржи был проведен дополнительный анализ, показавший наличие этого ростовщического явления в российском банковском бизнесе. Об этом свидетельствует очень слабая корреляция или ее отсутствие между ставками денежного рынка сроком более одного дня (месячной средневзвешенной RUONIA и месячной средневзвешенной MIACR) и значениями процентной маржи банков

¹⁵ По расчетам авторов: маржа рублевая в сегменте ДХ до года в январе 2014 г. составляла 19,11 п. п., в августе 2017 г. – 14,0 п. п.; свыше года – 8,5 и 7,61 п. п. соответственно; маржа рублевая в сегменте НФО до года – 3,36 и 2,93 п. п. соответственно; свыше года – 3,81 и 1,34 п. п. соответственно; маржа долларова для ДХ до года в январе 2015 г. составляла 6,68 п. п., в сентябре 2017 г. – 9,04 п. п.; свыше года – 9,21 и 7,92 п. п. соответственно; маржа долларова для НФО до года – 4,81 и 4,15 п. п. соответственно; и свыше года – 3,41 и 3,21 п. п. соответственно.

по их операциям до года и свыше года в рублях и иностранной валюте с НФО и ДХ.

На рынке рублевых банковских операций (до года и свыше года) с ДХ процентная маржа до года имеет сильную волатильность и по своей величине существенно превосходит значения месячных средневзвешенных ставок MIACR и RUONIA (см. рис. 5). Напротив, на рынке рублевых банковских операций с НФО ситуация иная. Здесь показатели месячных средневзвешенных ставок денежного рынка MIACR и RUONIA сильно превосходят процентную маржу, взимаемую банками с НФО (как до года, так и свыше года). При этом маржа в сегменте НФО свыше года имеет самую сильную волатильность на рынке банковских услуг на протяжении всего анализируемого периода (2014–2017 гг.).

Источник: ЦБ РФ. www.cbr.ru; расчеты авторов.

Рис. 5. Динамика рублевых ставок денежного рынка сроком более одного дня и процентной маржи банков по их операциям до года и свыше года в рублях и иностранной валюте с НФО и ДХ, 2014–2017 гг., %

Все это способствовало тому, что корреляция между ставками MIACR и RUONIA сроком более одного дня (месячными средневзвешенными) и размерами процентной маржи ДХ и НФО в рублях на протяжении 2014–2017 гг. оставалась относительно низкой. Она находилась в диапазоне от $-0,01$ (между маржой для НФО свыше года

и ставками MIACR и RUONIA), 0,15 (маржой для ДХ свыше года и маржой для НФО до года), 0,45 (маржой для НФО свыше года и маржой для ДХ до года) до 0,68 (маржой для НФО до года и ставками MIACR и RUONIA) (см. табл. 5).

Таблица 5

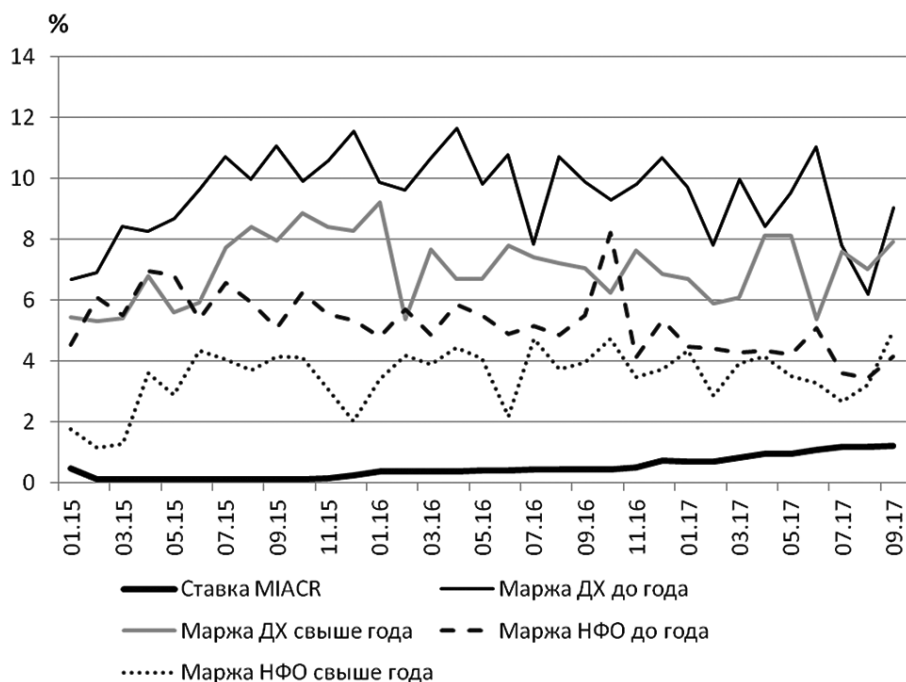
Корреляция между ставками денежного рынка сроком более одного дня и процентной маржой банков по их операциям до года и свыше года в рублях и иностранной валюте с НФО и ДХ, 2014–2017 гг.

	MIACR	RUONIA	Маржа для ДХ до года	Маржа для ДХ свыше года	Маржа для НФО до года	Маржа для НФО свыше года
MIACR	1					
RUONIA	1,00	1				
Маржа ДХ до года	–0,16	–0,17	1			
Маржа ДХ свыше года	–0,40	–0,40	0,69	1		
Маржа НФО до года	0,68	0,68	0,30	0,15	1	
Маржа НФО свыше года	–0,01	–0,01	0,45	0,54	0,22	1

Источник: ЦБ РФ (www.cbr.ru); расчеты авторов.

На рынке долларовых банковских операций (до года и свыше года) с ДХ и НФО процентная маржа имеет очень сильную волатильность и по своей абсолютной величине сильно превосходит показатели месячной средневзвешенной ставки MIACR (см. рис. 6). При этом величина маржи до года ДХ и НФО начиная с апреля 2017 г. приобретает нарастающий характер. Это свидетельствует о наличии инвалютных и инфляционных рисков на рынке краткосрочного кредитования в реальном секторе российской экономики¹⁶.

¹⁶ 22 декабря 2017 г. Банк России принял решение не устанавливать с 1 января 2018 г. максимальный объем предоставления средств в рублях по сделкам валютного свопа (с 19 декабря 2014 г. максимальный объем эквивалентен 10 млрд долл. США). Это решение обусловлено не наличием стабильной ситуации на внутреннем валютном рынке и отсутствием у большинства кредитных организаций потребности в привлечении рублевых средств у Банка России, как отмечает регулятор, а наоборот, наличием в банковском секторе валютных рисков, для купирования которых у российских банков с января 2018 г. появится уникальная возможность быстро и на любую сумму привлечь дополнительное рублевое фондирование из Банка России для обслуживания валютных кредитов в условиях структурного профицита ликвидности. www.banki.ru/news/lenta/?id=10187514.

Источник: ЦБ РФ. www.cbr.ru; расчеты авторов.

Рис. 6. Динамика ставок денежного рынка и процентной долларовой маржи ДХ и НФО, 2015–2017 гг., %

В то же время отсутствует связь между долларовой ставкой денежного рынка сроком более одного дня (месячной средневзвешенной МІАСР) и долларовой маржой, взимаемой банками с ДХ и НФО. Корреляция между этими показателями в анализируемый период находилась в диапазоне от $-0,19$ (между маржой в сегменте НФО до года и маржой для ДХ свыше года), $-0,25$ (между маржой для ДХ до года и ставкой МІАСР), $0,16$ (между маржой для НФО свыше года и ставкой МІАСР), до $-0,68$ (маржой с НФО до года и ставкой МІАСР) (см. табл. 6).

Таким образом, проведенные расчеты подтверждают наличие сильной корреляции (эффекта переноса изменений) между ключевой ставкой и краткосрочными ставками денежного рынка. Но связь между ставками денежного рынка и ставками по операциям банков с ДХ и НФО слабая, особенно на рынке инвалютного фондирования. При этом основной причиной снижения значений корреляции в втором звене трансмиссии процентного канала Банка России является существующая в банках агрессивная маржинальная политика, напрямую связанная с купированием процентного риска за счет средств клиентов.

Таблица 6

**Корреляция между долларовыми ставками денежного рынка
и процентной долларовой маржой по операциям с ДХ и НФО,
2015–2017 гг.**

	MIACR	Маржа для ДХ до года	Маржа для ДХ свыше года	Маржа для НФО до года	Маржа для НФО свыше года
MIACR	1				
Маржа ДХ до года	–0,25	1			
Маржа ДХ свыше года	0,00	0,35	1		
Маржа НФО до года	–0,68	0,20	–0,19	1	
Маржа НФО свыше года	0,16	0,33	0,27	0,10	1

Источник: ЦБ РФ. www.cbr.ru; расчеты авторов.

Маржинальная политика в российских банках

В условиях падения спроса на продукцию российских товаропроизводителей в 2014–2017 гг. произошло снижение выручки НФО и падение реальных доходов ДХ. Кредитовать субъекты реальной экономики банкам стало просто не выгодно. Поэтому в 2016–2017 гг. никакого прироста банковских операций на кредитном рынке не наблюдалось. Кредитная активность банков в этот период была отрицательной. В то же время снижение спроса на кредит привело к накоплению свободных средств НФО и ДХ в российских банках. Результатом стало накопление избытка ликвидности на банковских счетах и возникновение ее структурного профицита в банковской системе РФ.

Это привело к тому, что потребность в кредитных инструментах постоянного действия Банка России (например, кредиты, обеспеченные нерыночными активами или поручительствами) и операциях на открытом рынке (например, недельные аукционы РЕПО) у российских банков резко снизилась. И наоборот, потребность банков в инструментах абсорбирования ликвидности (через депозитные аукционы, купонные облигации Банка России, а также вложения в долговые и долевого ценные бумаги) резко возросла.

Поиск дополнительных источников дохода вынудил банки перенаправить часть своих операций с кредитного рынка на рынок ценных бумаг и расширить вложения в долговые обязательства (ОФЗ, корпоративные облигации), долевого ценные бумаги (акции) и портфель участия в дочерних и зависимых акционерных обществах (см. табл. 7).

Таблица 7

Динамика объемов кредитования реальной экономики и операций российских банков на рынке ценных бумаг, млрд руб.

Показатели	01.01.2015	01.01.2016	01.01.2017	01.12.2017
Кредиты, предоставленные НФО (с учетом валютной переоценки и просроченной задолженности)	29536,0	33300,9	30134,7	30180,3
Прирост кредитования НФО	7036,8	3764,9	-3166,2	45,6
Кредиты, предоставленные ДХ (с учетом валютной переоценки и просроченной задолженности)	11329,5	10684,3	10803,9	12006,1
Прирост кредитования ДХ	1373,4	-645,2	119,6	1202,2
Ценные бумаги, приобретенные кредитными организациями, всего	9724,0	11777,4	11450,1	12309,5
– в т. ч. вложения в долговые бумаги	7651,4	9616,0	9365,6	9924,2
Прирост вложений в ценные бумаги	1901,7	2053,4	-327,3	859,4
– в т. ч. в долговые бумаги	1488,5	1964,6	-250,4	558,6

Источник: ЦБ РФ. www.cbr.ru; расчеты авторов.

В условиях структурного профицита ликвидности, возникшего в связи с низкой кредитной активностью, потребность банков в размещении излишней ликвидности на счетах в Банке России в 2017 г. резко возросла. За год с небольшим (с 09.08.2016 г. по 25.12.2017 г.) задолженность Банка России перед российскими банками, разместившими здесь свою ликвидность через инструмент депозитных аукционов сроком на 7 дней, возросла с 187,0 до 2047,9 млрд руб., т. е. почти что в 11 раз. Одновременно (18.10.2017 г.) Банк России разместил через аукцион на Московской Бирже второй и третий выпуски своих купонных облигаций на общую сумму 1 трлн руб. И скорее всего, это для него не предел. В дальнейшем решения об эмиссии новых выпусков КОБР (со сроками обращения 3, 6 и 12 месяцев) будут приниматься Банком России еще более активно, чтобы максимально абсорбировать структурный профицит ликвидности, размер которого на конец 2017 г. может составить 2,6 трлн руб. Такой прогноз профицита ликвидности вполне реален, т. к. его размеры вырастут в связи с приобретением Банком России в декабре дополнительного выпуска обыкновенных акций Банка «Открытие», а также в резуль-

тате других операций по повышению финансовой устойчивости Бинбанка и Промсвязьбанка¹⁷.

Связь между показателями ликвидности субъектов банковской системы слишком малы, кроме корреляции между профицитом ликвидности ДХ (кредиты – депозиты ДХ) и дефицитом ликвидности НФО (кредиты – депозиты – р/с) и корреляции между профицитом ликвидности коммерческих банков на рынке рефинансирования ЦБ (кредиты – депозиты ЦБ) и дефицитом ликвидности на рынке межбанковского кредитования (кредиты – депозиты КБ). Коэффициенты корреляции составляют 0,7 и 0,58, соответственно (см. табл. 8).

Таблица 8

Корреляции дефицита/профицита ликвидности между субъектами банковской системы РФ, 2014–2017 гг.

	кредиты – депозиты – расчетные счета НФО	кредиты – депозиты ДХ	кредиты – депозиты ЦБ	кредиты – депозиты КБ
кредиты – депозиты – расчетные счета НФО	1			
кредиты – депозиты ДХ	0,70	1		
кредиты – депозиты ЦБ	–0,18	–0,38	1	
кредиты – депозиты КБ	0,16	–0,12	0,58	1

Источник: ЦБ РФ (www.cbr.ru); расчеты авторов.

Все это свидетельствует о том, что в текущих макроэкономических условиях в российской экономике начинает формироваться, с одной стороны, нарастающая зависимость между свободными ресурсами ДХ и кредитами НФО, и с другой – наблюдается уход денежных средств банков с кредитного и межбанковского рынка на рынок рефинансирования с Банком России. Данная трансформация структуры банковских балансов направлена на то, чтобы уменьшить процентный риск, связанный со снижением маржи (рублевой и инвалютной) банковского сектора. Однозначно, что это потребует от банков кардинального пересмотра всей процентной политики и в первую очередь ее адаптации к уровням низкой инфляции.

¹⁷ Ликвидность банковского сектора и финансовые рынки. Факты, оценки, комментарии. М.: Банк России, 2017. № 21, ноябрь. С. 1, 3.

Что необходимо поменять в процентной политике

Для режима таргетирования инфляции необходим эффективно функционирующий процентный канал трансмиссионного механизма ДКП. Однако, как было показано выше, изменения в динамике инвестиционного и потребительского спроса российской экономики не в полной мере восприимчивы к изменениям в процентной политике Банка России. В частности, на низкую пропускную способность процентного канала ДКП указывают аналитические выкладки, приведенные выше. Для того чтобы процентный канал трансмиссионного механизма ДКП Банка России заработал более эффективно, нужна новая парадигма денежного рынка. При этом необходимо, чтобы процентные ставки в новой парадигме денежного рынка были бы не фиксированные, а переменные, т. е. изменялись бы в зависимости от складывающегося в экономике тренда инфляции – дефляции, а также от возможности регулятора использовать инструменты, способные эффективно хеджировать процентные риски в случае отклонения индекса потребительских цен от установленного таргета.

Переход к новой парадигме денежного рынка требует изменения в первую очередь алгоритма формирования базовой процентной ставки (в нашем случае, ключевой ставки). Использование ключевой ставки без оглядки на последствия для экономики и банков делает этот инструмент в настоящее время крайне рискованным. Такой инструмент, по мнению некоторых экспертов, еще только предстоит разработать, он пока не есть «ставка, влияющая эффективно на краткосрочный денежный рынок в целом». Данный инструмент «не может быть российской заменой трех- или шестимесячному LIBOR, обычно используемому в качестве базовой ставки в валютном кредитовании» [2, с. 16] на финансовых рынках в развитых экономиках.

В современной монетарной теории и международной практике ДКП еще не разработаны меры, которые можно было бы использовать для эффективной передачи импульсов, исходящих от базовой ставки денежного рынка, ставкам (доходности) по операциям на рынке ценных бумаг, банковским операциям (до года и свыше года) для ДХ и НФО. Сейчас главной задачей для банков становится научиться управлять своим процентным риском, значимость которого в условиях низкой инфляции сильно возрастает (о чем свидетельствует 25-летний опыт управления процентными ставками в условиях дефляции Банка Японии). Не все банки смогут пережить этот трудный период адаптации, не справившись в первую очередь с падением маржи и доходности своего бизнеса. Низкая инфляция – это новый вызов для всех российских банков.

В условиях низкой инфляции и даже дефляции повышение эффективности процентного канала можно обеспечить только за счет внесе-

ния в алгоритм новой базовой ставки так называемого «инфляционного буфера» (механизмов и инструментов стимулирования совокупного спроса), необходимого для достижения установленного регулятором инфляционного таргета (с 2,5 до 40% годовых). Предполагается, что это позволит удерживать средние номинальные процентные ставки на несколько более высоком уровне, обеспечивая большую гибкость при стимулировании экономической активности и занятости населения. При этом умеренная положительная величина инфляционного буфера снизит вероятность перерастания низкой инфляции в дефляцию.

Банк России, как и ранее, сохраняет в качестве целевого ориентира достижение в среднесрочном периоде уровня инфляции в 4% в год. Безусловно, такой темп инфляции считается желательным, но Банку России удалось его достигнуть в 2017 г. главным образом только за счет ревальвации рубля, роста предложения торговых сетей, хорошего урожая, импорта дефляции, сжатия потребительского и инвестиционного спроса. Представляется, что наличие данных факторов снижения инфляции является временным и не соответствует в настоящее время текущим и структурным условиям роста российской экономики. Поэтому в условиях значительного профицита ликвидности, наличия кредитных, валютных и процентных рисков, формируемых внутренними и внешними факторами, процентная политика Банка России в среднесрочной перспективе должна кардинально измениться. В среднесрочной перспективе ей необходимо будет опираться не столько на ограничение, сколько на создание условий для стимулирования инвестиционного и потребительского спроса (обеспечивающих прирост ВВП не ниже 4–5% в год).

Выводы

Анализ процентной политики Банка России за 2014–2017 гг. показал, что существует высокая корреляция между ключевой ставкой, краткосрочными ставками денежного рынка и рублевыми ставками по операциям банков с ДХ и НФО. Наиболее высокие значения корреляции наблюдаются между ключевой ставкой и краткосрочными ставками денежного рынка, а самые низкие – между долларовой кредитной ставкой МІАСР сроком более одного дня и ставками по кредитным операциям ДХ и НФО в иностранной валюте.

Причиной снижения зачений корреляции в звеньях трансмиссии процентного канала Банка России является существующая в банках агрессивная маржинальная политика, напрямую связанная с купированием процентного риска за счет клиентов. В этих условиях банки вынуждены периодически завышать процентную маржу (в основном по операциям с ДХ в рублях и иностранной валюте).

О наличии процесса купирования процентного риска за счет роста процентной маржи в банках свидетельствует очень слабая корреляция или ее отсутствие между ставками денежного рынка сроком более одного дня (месячной средневзвешенной RUONIA и месячной средневзвешенной MIA CR) и процентной маржи банков по их операциям до года и свыше года в рублях и иностранной валюте с НФО и ДХ.

Для того чтобы процентный канал трансмиссионного механизма ДКП Банка России заработал более эффективно, нужна новая парадигма денежного рынка. Необходимо, чтобы процентные ставки в новой парадигме были переменными и зависели от складывающегося тренда инфляции – дефляции, а монетарный инструментарий достаточным, чтобы эффективно хеджировать процентные риски в случае отклонения индекса потребительских цен от установленного таргета.

Переход к новой парадигме денежного рынка требует изменения в первую очередь алгоритма определения базовой процентной ставки. В условиях низкой инфляции повышение эффективности процентного канала можно обеспечить только за счет внесения в алгоритм новой базовой ставки т. н. «инфляционного буфера», размер которого будет зависеть от установленного регулятором инфляционного таргета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гладышева И. Почему ЦБ стоит продолжить снижать ключевую ставку. www.banki.ru/news/columnists/?id=10147752.
2. Матовников М.Ю. Вызовы дезинфляции для банковской системы // Деньги и кредит. 2017. № 8. С. 12–17.
3. Могилат А.Н. Обзор основных каналов трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики и инструментов их анализа в Банке России // Деньги и кредит. 2017. № 9. С. 3–9.
4. Filardo A., Hofmann B. Forward guidance at the zero lower bound // BIS Quarterly Review. 2014, March. P. 37–53.
5. Gambacorta L., Illes A., Lombardi M.J. Has the transmission of policy rates to lending rates been impaired by the Global Financial Crisis? // BIS Working Papers, 2014, December. №. 477.
6. Turner P. The global long-term interest rate, financial risks and policy choices in EMEs // BIS Working Papers. 2014, February. № 441.

ABOUT THE AUTHORS

Sergey Anatolyevich Andryushin – Doctor of Economic Sciences, Professor, Leading Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. andr956@gmail.com.

Alexander Alexandrovich Rubinshtein – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. rubinstein.alexander@gmail.com.

INTEREST RATE POLICY OF THE BANK OF RUSSIA IN CONDITIONS OF LOW INFLATION

The article analyzes interest rate policy of the Bank of Russia for the years 2014–2017, provides formal and expert assessments of functioning of interest rate channel of the Bank's of Russia monetary policy, examines the margin trading policy in Russian banks and provides recommendations on changing interest rate policy of the Bank of Russia in conditions of low inflation. It substantiates the necessity of developing the new paradigm of the money market.

Keywords: *Bank of Russia, banking sector, monetary policy, inflation, credit channel, liquidity, margin, interest rate policy, interest rate risk, securities.*

JEL: E31, E43, E59.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Е.М. БУХВАЛЬД

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,
заведующий Центром федеративных отношений и регионального развития
ФГБУН Институт экономики РАН

ФЕДЕРАЛИЗМ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

В статье рассматривается роль совершенствования экономико-правовых основ российского федерализма как одного из ключевых направлений реализации положений Стратегии национальной безопасности и Стратегии экономической безопасности Российской Федерации. Подчеркивается тесная связь экономической безопасности с балансом интересов и полномочий Федерации и ее субъектов, а также необходимость интеграции проблематики федеративных отношений в круг объектов институционального стратегирования, а также отражения проблем и перспектив федеративной реформы в Стратегии пространственного развития Российской Федерации.

Ключевые слова: национальная безопасность, стратегическое планирование, российская модель федерализма, федеративная реформа.

JEL: H56, H77, R58.

Федерализм как основа экономической безопасности и социально-политической стабильности для России

В последние несколько лет сформировались предпосылки для качественно новых подходов к осмыслению проблем дальнейшего развития экономических и правовых основ российского федерализма. Мы не имеем в виду ситуацию кризисных трендов в экономике страны в период 2014–2016 гг. или те трудности, которые дополнительно возникли в результате введения экономических санкций против Российской Федерации и которые теперь, по мнению ряда экспертов, якобы вызывают к усилению централизации властно-управленческих полномочий в стране. В конце концов, и кризисы, и санкции – явления преходящие и нельзя допустить, чтобы эти факторы временного характера деформировали наши представления о глубинных основах российской государственности. Российский федерализм при любых обстоя-

тельствах был и остается одним из краеугольных камней социально-политической и экономической устойчивости в стране, условием ее способности укрепить свои позиции в современном мире и адекватно ответить на все вызовы и угрозы ее безопасности. Еще декабристы рассматривали варианты федерализации России как одно из условий сохранения ее территориальной целостности при выборе демократического пути развития [10, с. 263–269]. Соответственно, и в современных условиях любые попытки под тем или иным предлогом «отодвинуть» федеративный принцип как ключевой для российской государственности, при иллюзорных выгодах, может создать значительные дополнительные риски и угрозы для страны, для ее территориальной целостности, для устойчивости систем государственного и муниципального управления и, конечно, для сплоченности многонационального населения России.

В Российской Федерации нет ни одного более или менее значимого вопроса экономического, социального, экологического или иного характера, который мог бы быть решен вне преломления через призму федеративных отношений, вне учета специфики управления в государстве федеративного типа. Это определяется не только обширным кругом вопросов, который отнесен Конституцией РФ (ст. 72) к кругу полномочий по вопросам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Подобная значимость федеративных отношений диктуется также чрезвычайным разнообразием в условиях и уровне развития субъектов Федерации, высокой степенью зависимости большинства из них от различных финансово-бюджетных и иных взаимодействий с федеральным центром [3, с. 7–23]. В этом смысле постоянное совершенствование федеративных отношений – это необходимая предпосылка к практическому достижению всех целей развития Российской Федерации, включая и приоритеты ее безопасности.

Применительно к решению данной задачи в современных условиях принципиально важными представляются два обстоятельства. Во-первых, это переход к системе стратегического планирования, обозначенный принятием 172-го ФЗ¹. Положения закона дают все основания полагать, что теперь необходимым элементом долгосрочного стратегирования должно стать также и совершенствование экономико-правовых основ федеративных отношений в стране. Во-вторых, это принятие новых ключевых документов по вопросам национальной безопасности Российской Федерации², что позволяет определить

¹ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». base.garant.ru/70684666/.

² Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 г. № 683. www.consultant.ru/document/

эффективность всех компонентов федеративных отношений как одно из условий такой безопасности во всех ее составляющих. Принятие этих документов, как мы полагаем, формирует институционально-правовую основу и содержательный вектор для логического развития представлений о дальнейших шагах федеративной реформы в стране.

Следует подчеркнуть, что попытки долговременного видения угроз национальной безопасности страны и путей их устранения в середине 1990-х годов стали одной из первых попыток стратегирования ключевых направлений и задач социально-экономической политики российского государства. Принимавшиеся в этой связи документы, казалось бы, не могли пройти мимо основных составляющих в системе федеративных отношений в стране. Однако понимание того, что невозможно целостно стратегировать все составляющие национальной безопасности вне обращения к проблематике федеративных отношений, пришло далеко не сразу, да и сегодня осознано далеко не в полной мере [6, с.125–128], [7, с. 426–430].

Прежде всего, обращает на себя внимание такой документ, как принятая в 1996 г. «Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения)»³. Этот документ в настоящее время уже не является действующим. Однако интерес к нему сохраняется и сейчас, поскольку он принимался в «лихолетье» российского федерализма (резкое нарастание межрегиональной экономической дифференциации, «парад суверенитетов», вакханалия договоров и соглашений регионов с федеральным центром; наличие многих субъективных моментов в системе межбюджетных взаимодействий и пр.). Разумеется, за 20 лет после принятия Стратегии 1996 г. российский федерализм поднялся на качественно более высокий уровень развития и преодолел многие ранее присущие ему «детские болезни». Однако не все проблемы в сфере федеративных отношений, которые на том рубеже, да и в более поздних аналогичных документах констатировались как угрозы экономической безопасности, можно считать полностью преодоленными [1, с. 243–246], [9, с. 144–152]. Это требует как дальнейшего научного осмысления всего круга накопившихся здесь проблем, так и обоснования путей их решения в практике государственного управления и укрепления конституционно-правовых и экономических основ российского федерализма, в том числе

cons_doc_LAW_191669/; Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. №208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». www.consultant.ru/cons/rtfcache/LAW216629_0_20170419_171354_54962.rtf.

³ Указ Президента Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 608 «Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения)». base.garant.ru/106503.

с учетом как традиционно констатируемых, так и вновь формулируемых требований национальной безопасности.

В Стратегии экономической безопасности 1996 г. нет указания на какую-либо связь этой безопасности с развитием федеративных отношений именно как с основополагающей институционально-правовой формой российской государственности. Близкие по характеру угрозы экономической безопасности Российской Федерации связывались в документе в связи с возрастанием неравномерности социально-экономического развития регионов. В Стратегии отмечалось, что важнейшим генератором этой угрозы являются объективно существующие различия в уровне социально-экономического развития регионов, наличие депрессивных, кризисных и отсталых в экономическом отношении районов. Эти тенденции в документе рассматривались как препятствие к решению такой задачи, как сохранение единого экономического пространства, развитие широких межрегиональных экономических отношений, обеспечивающих соблюдение общегосударственных интересов, исключающих развитие сепаратистских тенденций, и функционирование единого общероссийского рынка как интегрированной системы региональных рынков.

Логично, что после таких указаний в Стратегии экономической безопасности вскоре последовал Указ Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации». Указ фиксировал «выравнивание условий социально-экономического развития регионов» в качестве одной из основных целей региональной политики в Российской Федерации. Как уже отмечалось в наших исследованиях, позднее решение данного круга вопросов регионального развития было возложено на федеральную целевую программу⁴, хотя особого успеха в решении поставленной задачи она так и не имела [2, с. 76–91].

Далее следует обратить внимание на такой документ (также ныне не действующий, но сохраняющий актуальность в целом ряде положений), как «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»⁵. Данная стратегия, как и предшествующие ей две

⁴ Постановление Правительства РФ от 11 октября 2001 г. № 717 «О федеральной целевой программе «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 гг. и до 2015 года)».

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html. До принятия данной Стратегии два раза принимались Концепции национальной безопасности: См.: Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» и Указ Президента РФ от 10 января 2000 г. №24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации».

аналогичные «концепции», практически отстранялась от целостного обращения к проблематике федеративных отношений. Все ограничивалось дежурным указанием на то, что «неравномерное развитие регионов» относится к числу главных стратегических рисков и угроз национальной безопасности в экономической сфере на долгосрочную перспективу. В итоге документ содержал вывод о том, что угрозы национальной безопасности, связанные с диспропорцией в уровнях развития субъектов Российской Федерации, предотвращаются путем проведения рациональной (??? – *здесь и далее такие знаки поставлены мной. – Е.Б.*) государственной региональной политики, направленной на улучшение координации деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, предпринимательского сообщества и институтов гражданского общества. В этой связи в документе подчеркивалось, что на региональном уровне стабильному состоянию национальной безопасности отвечает сбалансированное (???), комплексное (???) и системное (???) развитие субъектов Российской Федерации. Одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности на региональном уровне на среднесрочную перспективу, согласно документу, определяется создание механизмов сокращения уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации путем сбалансированного (???) территориального развития. В частности, отмечалось, что укреплению экономической безопасности будет способствовать совершенствование государственного регулирования экономического роста путем разработки концептуальных и программных документов межрегионального и территориального планирования.

Анализ предшествующего этапа принятия документов по стратегированию национальной безопасности в контексте вопросов, так или иначе соотносимых с проблематикой федеративных отношений, позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, это тенденция к повторяемости одних и тех тенденций в качестве угроз национальной безопасности (в данном случае – высокой и устойчивой экономической дифференциации субъектов Федерации). Во-вторых, склонность к употреблению неконкретных терминов или определений («рациональный», «сбалансированный», «системный», «комплексный»), не позволяющих в полной мере определить то, к чему конкретно подвигают систему государственного управления требования, сформулированные в документах по стратегированию национальной безопасности.

Как уже отмечалось выше, ныне действующий блок стратегирования национальной безопасности Российской Федерации представлен документами 2015 г. и 2017 г. В отличие от всех ранее действовавших документов аналогичной направленности, по сути, имевших некое обособленное положение в системе государственного управления,

Стратегии 2015 г. и 2017 г. следует рассматривать и практически реализовывать как интегральную составную часть всей системы стратегического планирования в стране. Надо отметить, что 172-й ФЗ по стратегическому планированию не содержит каких-либо указаний на то, что система федеративных отношений также является объектом подобного планирования, что в целом корреспондирует уже сделанному многими экспертами выводу о том, что при акценте на вопросы отраслевого и пространственного развития российской экономики, обращение 172-го ФЗ к кругу проблем институционального стратегирования вообще носит достаточно фрагментарный характер [8, с. 47–56]. Тем не менее 172-й ФЗ вполне «федералистичен» и, при выполнении ряда условий, вполне может «работать» и как основа долговременной программы совершенствования всех составляющих федеративных отношений в стране.

Во-первых, в окончательном варианте закона более четко просматривается идея «вертикали» стратегического планирования с четким позиционированием роли и места в ней субфедерального (т. е. регионального и муниципального) звена управления, что и отвечает реалиям России как государства федеративного типа. Однако ни для кого не секрет, что вертикаль стратегического планирования как часть вертикали всей публичной (государственной и муниципальной) системы управления в целом в условиях государства федеративного типа может эффективно функционировать только при отсутствии системных изъянов в экономико-правовом механизме федеративных отношений и при их совершенствовании сообразно меняющимся приоритетам социально-экономического развития страны.

Во-вторых, давая узаконение таким документам стратегического планирования, как «Стратегия пространственного развития» и «Основы государственной политики регионального развития», 172-й ФЗ наконец-то подвел к черте практического воплощения ту самую идею разработки концептуальных и программных документов межрегионального и территориального планирования, которая декларировалась еще в стратегии 2009 г., но так и оставалась нереализованной. Другое дело, насколько эти документы смогут отразить видение проблем и перспективы федеративных отношений в России, в т. ч. и в контексте значимости эффективно функционирующих федеративных отношений как одной из первооснов национальной безопасности для России. Например, в «Основах государственной политики регионального развития»⁶ содержатся лишь отдельные позиции, которые можно рассматривать как обращение к проблематике совершенствования феде-

⁶ Указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».

ративных отношений в стране. Это вопросы стимулирования субъектов Российской Федерации и муниципальных образований к наращиванию собственного экономического потенциала; применение мер финансовой ответственности субъектов Федерации и муниципальных образований; передача полномочий субъектам Федерации по управлению зонами с особыми условиями ведения предпринимательской деятельности и пр.

Другими словами, за небольшим исключением, обращение «Основ...» к проблематике федеративных отношений в преимущественной мере сводится к достаточно традиционному кругу реформирования межбюджетных отношений. Однако при всей важности проблем бюджетного федерализма, они далеко не исчерпывают всей системы экономико-правовых основ российского федерализма. В заключительной части «Основ...» есть указание на то, что успешная реализация государственной политики регионального развития сформирует дополнительные условия для достижения целей государства в области национальной безопасности...». Однако, полагаем мы, это слишком мало и неконкретно в плане стратегического согласования двух важных направлений социально-экономической политики современного государства – политики регионального развития и политики обеспечения национальной безопасности.

Приходится признать и иные недоработки действующих стратегий по национальной безопасности Российской Федерации.

Во-первых, нельзя не обратить внимания на то, что стратегические документы по национальной безопасности 2015 г. и 2017 г. повторяют не лучшую традицию нашей системы управления, когда новые документы принимаются взамен ранее действовавших вне подведения итогов реализации последних. Отсюда частое повторение в документах практически одних и тех же фраз вне четких представлений о том, почему те или иные угрозы национальной безопасности оказались столь устойчивыми, а меры по их устранению либо оказались мало-результативными, либо вообще не предпринимались. Например, в стратегии 2009 г. констатируется такой момент, как «недостаточная эффективность государственного регулирования национальной экономики»; в стратегии 2015 г. – отмечается, что важнейшим фактором обеспечения экономической безопасности являются повышение эффективности государственного регулирования экономики; в стратегии 2017 г. говорится о такой угрозе, как «недостаточно эффективное государственное управление». Отсюда закономерно возникает вопрос: почему названная «неэффективность» государственного управления (регулирования) оказалась столь непреодолима, и играют ли в этом какую-то роль факторы, относящиеся к тем или иным аспектам функционирования федеративных отношений в стране? Ясного ответа на

этот вопрос пока не просматривается, а между тем от бесконечной повторяемости констатации тех или иных негативных явлений просто перестают на деле восприниматься как реальная угроза национальной безопасности.

Во-вторых, действующая Стратегия национальной безопасности, принятая в конце 2015 г., т. е. уже после принятия 172-го ФЗ, не означает (помимо формальной отсылки к этому нормативно-правовому документу) то, как конкретно следует ее позиционировать в системе документов стратегического планирования, какие «линии» согласования этих документов здесь являются наиболее важными. Существенных концептуальных различий между документами по национальной безопасности 2009 г. и 2015 г., казалось бы, диктуемых переходом к практике стратегического планирования, необходимостью взаимного согласования всего блока его документального оформления, не просматривается. В каком-то смысле это, наверное, можно объяснить тем, что к моменту разработки Стратегии национальной безопасности 2015 г. практическое воплощение идеи стратегического планирования находилось лишь на стартовом этапе и реализовать ее полной мере применительно к кругу вопросов национальной безопасности еще не представлялось возможным. Поэтому работа в этом направлении должна продолжаться.

Национальная безопасность Российской Федерации определяется в Стратегии 2015 г. как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Даже без формальных отсылок к федеративным отношениям, вполне убедительно то, что названные условия национальной безопасности прямо проистекают из сохранения и дальнейшего развития федеративных основ российской государственности.

В числе главных стратегических угроз национальной безопасности в области экономики Стратегия 2015 г. уже традиционно указывает на неравномерное развитие российских регионов. Соответственно, одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности Стратегия называет создание механизма сокращения уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации путем сбалансированного (???) территориального развития страны, устранения инфраструктурных ограничений, совершенствования системы стратегического и территориального планирования и размещения производительных сил на территории Российской Федерации. Сюда же документ относит обе-

спечение сбалансированности бюджетной системы и совершенствование межбюджетных отношений в Российской Федерации.

Экономический «блок» стратегии национальной безопасности 2015 г. получил развитие в Стратегии экономической безопасности 2017 г. Этот документ непосредственно в 172-м ФЗ не упоминается, но и не противоречит ему. В ст. 11, п. 3, пп.1 «в» этого закона говорится о возможности принятия и других документов в сфере обеспечения национальной безопасности. Стратегия 2017 г. специфична тем, что делает значительный акцент на внешние факторы негативного воздействия на экономику страны, способные создать существенные риски и угрозы для ее экономической безопасности. В этом плане все такие угрозы и риски для российской экономики можно условно разделить на «экзогенные» и «эндогенные». В числе последних в документе в очередной раз констатируется неравномерность пространственного развития Российской Федерации, усиление дифференциации регионов и муниципальных образований по уровню и темпам социально-экономического развития. Соответственно, в числе целей государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности стратегия обозначает сбалансированное пространственное и региональное развитие Российской Федерации, укрепление единства ее экономического пространства, сокращение межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Федерации.

Важно то, что документ указывает на конкретные инструменты решения задач в сфере пространственного развития как одной из основ устойчивости федеративных отношений, а именно на формирование производственных кластеров; развитие территорий, на которых для субъектов хозяйствования установлен льготный режим осуществления промышленной и технико-внедренческой деятельности; комплексное развитие транспортной инфраструктуры, создание современных транспортно-логистических комплексов; совершенствование территориального планирования и национальной системы расселения; создание условий для развития городских агломераций.

Стратегирование федеративной реформы как предпосылка национальной безопасности

Сказанное позволяет утверждать, что жизненно важный для судеб современной России, для ее целостности и социально-экономической устойчивости вопрос о развитии системы федеративных отношений пока не нашел системного отражения в стратегических документах по национальной безопасности страны. Отсюда – явный дефицит представлений о том, как «дефектные фрагменты» федеративных отношений в России еще не преодолены, какие угрозы для безопасности

страны они в себе содержат и как совершенствование этих отношений может позитивно повлиять на нейтрализацию угроз, реально видимых или потенциально возможных для российской государственности. Между тем такие представления могли бы определить главный вектор нового этапа федеративной реформы, отличающего от ее первого этапа как минимум наличием конкретной программы действий и четким целеполаганием.

К сожалению, у нас достаточно сильны тенденции «не выпячивать» наблюдаемые дефекты в сфере федеративных отношений, полагать, что те или иные нерешенные проблемы в этой сфере – относительно меньший источник угроз национальной безопасности, чем всякая попытка «открыть здесь ворота» для серьезных реформ. По нашему мнению, такая позиция ошибочна. Нельзя, конечно, находиться в состоянии бесконечной реформы. Но если такая реформа назрела, то она должна осуществляться, причем на основе четко определенного, целеориентированного плана, разработанного с учетом представителей научно-экспертного сообщества и гражданского общества. Убедительных аргументов для этого вполне достаточно.

Федерализм – это не только формальный атрибут российской государственности, не только воплощение территориальной целостности страны и единства населяющих ее народов. Институт современного федерализма, в том числе и в российских условиях, имеет глубокое социально-экономическое содержание. От того, насколько эффективно «работает» институт российского федерализма, от того, насколько он отвечает требованиям и вызовам времени, зависит эффективность всей системы государственного и муниципального управления. Именно это определяет способность органов власти всех уровней («вертикали управления») последовательно решать актуальные хозяйственные и социальные задачи страны в целом и каждого из ее регионов, нейтрализуя все возникающие здесь риски и угрозы.

Наконец, следует заметить, что взаимодействие федеративных отношений и национальной безопасности дезагрегируется «по вертикали». Имеется в виду то, что система федеративных отношений должна обеспечить не только экономическую и иную безопасность для государства в целом, но и безопасное развитие для каждого из ее регионов (субъектов Федерации). Экономическая безопасность региона – это совокупность факторов, характеризующих текущее состояние экономики субъекта Федерации, стабильность, устойчивость и поступательность его развития. Другими словами, такая безопасность – это комплекс условий, обеспечивающих устойчивое функционирование и модернизацию ее региональных производственных и социальных структур. Исключительная роль федерации, федеративных отношений в обеспечении безопасного развития отдельных регионов связана

с тем, что большинство факторов, традиционно относимых к условиям экономической безопасности региона, находятся в пределах полномочий федерального центра. И даже те факторы экономической безопасности регионов, которые формально находятся в пределах их собственных полномочий, на деле в практической реализуемости зависимы от того, насколько это будет обеспечено за счет федеральной поддержки субъектов Федерации.

Казалось бы, в стратегировании национальной, в т. ч. экономической безопасности страны, особенно на фоне бесконечных реляций к недостаточной эффективности системы государственного управления как на федеральном, так и на региональном уровнях, нельзя пройти мимо нерешенных вопросов в развитии российской модели федерализма. Однако в полной мере такого обращения в документах по безопасности и по социально-экономическому стратегированию в целом не наблюдается. Надо признать, что это – не единственный значимый институциональный пробел в указанных документах. Так, все эти документы постоянно акцентируют внимание на участии органов местного самоуправления в решении тех или иных хозяйственных и социальных проблем страны, в поддержании условий ее национальной безопасности и пр. А вот вопрос о том, что происходит сегодня с самим институтом российского местного самоуправления, как ему следует развиваться в дальнейшем, чтобы он соответствовал возложенным на него функциям, в т. ч. и по обеспечению национальной безопасности, явно обходится стороной. Между тем наблюдаемые ныне тенденции превращения местного самоуправления в традиционный административно-бюрократический аппарат, при минимальном использовании прямых форм народовластия и начал гражданского общества – также существенная угроза для экономического развития и социально-политической стабильности в стране [4, с. 7–17].

В том же, что непосредственно касается стратегических задач в сфере российского федерализма, прослеживается стремление разложить или дезинтегрировать проблему федеративных отношений как условия экономической безопасности на отдельные составляющие («эффективность государственного управления», «межрегиональная экономическая дифференциация», «пространственное развитие и миграционные процессы» и пр.). Конечно, каждая из этих позиций чрезвычайно важна сама по себе: при негативном повороте событий каждая из них вполне «самодостаточна» как угроза национальной безопасности.

Таким сложным вопросом выступает, в частности, обеспечение единого экономического пространства страны. При этом подобное единство в современных условиях нельзя сводить только к отсутствию каких-либо границ для перемещения товаров, капиталов и рабочей силы внутри этого пространства (на ранних этапах российской государ-

ственности попытки строить такие барьеры имели место, но сегодня все это стало историей). В настоящее время понятие подобного единства трансформируется в принцип однородности этого пространства на основе позитивного выравнивания уровней социально-экономического развития отдельных регионов и территорий. Качественно «разорванное» экономическое пространство – это не просто существенное препятствие для устойчивого развития страны как единой хозяйственной, рыночной системы и как объекта государственного управления. Это не просто причина дополнительных трудностей для бюджетной системы страны, заметно отягощенной функциями финансового выравнивания. Это еще и источник проблем для устойчивого функционирования федеративных отношений, которые постоянно упираются в противоречие между конституционным принципом равенства субъектов Федерации (в т. ч. и в их отношениях с федеральным центром) и огромными, устойчивыми межрегиональными экономическими различиями [5, с. 50–53]. Ситуация еще более осложняет в том случае, если экономическая дифференциация регионов по формальным индикаторам (например, по величине ВРП на душу населения) дополняется разрывами в темпах и масштабах модернизации их экономики с поляризацией экономического пространства страны на группу регионов – лидеров инновационных преобразований и все остальные регионы, чьи хозяйственные системы пока все еще остаются в пределах технологических укладов вчерашнего дня. Разве это не серьезная угроза для экономической безопасности страны?

Устойчиво закрепившиеся межрегиональные разрывы экономического характера не только постоянно генерируют противоречия между группами регионов (прежде всего регионами-донорами и регионами-реципиентами), но рано или поздно формируют угрозы политического свойства.

Как показывает практика, последовательное решение или, напротив, устойчивая нерешаемость задачи позитивного выравнивания социально-экономического уровня развития регионов, безусловно, относится к числу тех критериев, которые показывают, насколько федеративные отношения выполняют свою историческую функцию, в т. ч. и в контексте предпосылок национальной безопасности. К сожалению, социально-экономическая система российского федерализма пока не смогла предложить эффективные средства решения данной задачи. В этих условиях значимость серьезной угрозы для национальной безопасности страны приобретают уже не только бесконечно повторяемые негативные тренды в развитии экономики и социальной сферы, а сама ситуация, при которой эти тренды смотрятся как практически неустранимые, как бы иллюстрируя тезис о неэффективности всей системы государственного экономического регулирования.

Однако многое в данном вопросе остается предметом дискуссий. Полного экономического выравнивания регионов не достигло ни одно государство – федеративное или унитарное. Тогда при каких предельных показателях межрегиональных экономических разрывов можно говорить об устойчивости всех механизмов федеративных отношений и отсутствии угроз для национальной безопасности? Здесь явно необходимы дальнейшие исследования, интегрирующие вопросы стратегирования пространственного развития российской экономики, обоснования дальнейших шагов федеративной реформы и мер по обеспечению предпосылок национальной безопасности страны.

Примером фрагментарного подхода к стратегическому видению проблем и перспектив российского федерализма может служить постоянное обращение к проблематике межбюджетных отношений. Таковые на деле могут служить примером реформ «без начала и конца». Складывается впечатление, что именно здесь постоянно скрыт ключ к решению всех проблем федеративных отношений и регионального развития в целом, хотя во многом процесс межбюджетных взаимодействий – не самостоятельный фактор федеративных отношений, а проекция того, как складываются многообразные взаимодействия федерального центра и регионов, причем в условиях значительной экономической дифференциации последних.

Так, в названных выше «Основах...» государственной политики регионального развития, при достаточно общей постановке целого ряда важных вопросов, в высокой степени детализации дан раздел «совершенствование механизмов стимулирования субъектов Российской Федерации и муниципальных образований к наращиванию собственного экономического потенциала». Здесь представлены как уже многократно повторявшиеся предложения по совершенствованию межбюджетных отношений, так и некоторые новации в этой области. Так, предлагается частичное зачисление в бюджеты субъектов Федерации и местные бюджеты доходов от отдельных налогов и сборов, подлежащих зачислению соответственно в федеральный и региональные бюджеты, которые были дополнительно начислены на территории в результате деятельности органов государственной власти субъектов Федерации и органов местного самоуправления по наращиванию экономического потенциала территорий. Но и это – не абсолютная новация. Нечто подобное уже многократно предлагалось. Однако каждый раз это предложение подвергалось сомнению ввиду трудности выделения той доли дополнительных налоговых поступлений в субфедеральные бюджеты, которые были получены именно в результате деятельности органов государственной власти субъектов Федерации и органов местного самоуправления по наращиванию экономического и налогового потенциала территорий, а не в результате тех или

иных мер федеральной власти, благоприятных внешнеэкономических факторов и пр.

Важную роль в нормализации федерально-региональных финансовых бюджетных взаимодействий может сыграть реализация такого уже декларировавшегося ранее намерения, как поэтапное упразднение установленных на федеральном уровне льгот по региональным и местным налогам и льгот по федеральным налогам, часть которых зачисляется в региональные и/или местные бюджеты. Правда, в документе речь идет не просто об упразднении таких налоговых льгот, а об упразднении «неэффективных» льгот. Но как отличить эффективные льготы от неэффективных? Тут также необходимы исследования, иначе данное предложение, как и ранее, останется на уровне благих пожеланий.

Тем не менее в «Основах...» есть ряд предложений, способных при их практической реализации повысить эффективность государственной политики регионального развития. Это, в частности, акцент на постепенное замещение трансфертных механизмов федерального участия в софинансировании социально-экономического развития субъектов Федерации практикой адресной поддержки приоритетных для конкретных регионов инвестиционных проектов, а также путем поддержки развития региональной инфраструктуры. Принципиально важным в «Основах...» является установка на то, чтобы реализовать дифференцированный подход к реализации мер государственной поддержки регионов и муниципальных образований в зависимости от их социально-экономических и географических особенностей. Однако нельзя не вспомнить и то, что многократно предлагавшиеся ранее «дифференцированные подходы» к субъектам Федерации на основе их некоей типизации в рамках федеральной политики регионального развития, в частности, в сфере межбюджетных отношений, устойчиво отвергались как противоречащие принципу симметрии федеративных отношений в стране.

В данном случае заметно, что продвижения в обосновании новых подходов и инструментов федеральной политики регионального развития явно опережают развитие представлений об экономических и правовых основах российского федерализма. Именно поэтому применительно к вызовам и приоритетам современного этапа нуждается в конкретизации такой круг вопросов, как соотношение симметрии и асимметрии федеративных отношений, допустимые формы «индивидуализированных» отношений по линии «Федерация – регион» или «Федерация – группа регионов» с определенными специфическими признаками и условиями развития. Необходимо прояснить перспективы так называемой сегментации межбюджетных отношений; уточнить принципы межрегионального распределения феде-

ральных инвестиционных проектов, а также локализации различных видов федеральных «институтов развития». Размещение таковых пока описывается формулой «где густо, а где пусто», что часто вызывает на местах определенное недоверие к основам федеральной политики регионального развития.

* * *

Проведенное исследование показывает, что обращение в документах по стратегированию национальной безопасности и стратегическому планированию к отдельным, пусть даже принципиально важным аспектам федеративных отношений, не может заменить стратегического видения перспектив российской модели федерализма в целом, в том числе и с позиции его роли в обеспечении предпосылок национальной безопасности. Такое стратегическое видение, на наш взгляд, может быть обеспечено по двум главным направлениям.

Во-первых, введение в систему стратегического планирования и его документального закрепления широкого круга вопросов институционального характера (блок «институционального стратегирования»), в частности, касающихся ключевых ориентиров развития правовых, экономических, национально-этнических и иных основ федеративных отношений (стратегирование российской модели федерализма).

Во-вторых, в стратегических документах по вопросам обеспечения национальной безопасности крайне важно выделить разделы «Совершенствование федеративных отношений как фактор национальной безопасности» и «Участие Российской Федерации в обеспечении экономической безопасности субъектов Федерации».

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев Д.А. Современные проблемы российского федерализма // Евразийский юридический журнал. 2017. № 6 (109).
2. Бахтизин А.Р., Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. Выравнивание регионов России: иллюзии программы и реалии экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 1.
3. Бухвальд Е.М., Иванов О.Б. Федерализм как ключевой принцип политики регионального развития в России // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2017. № 2.
4. Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. Как усилить гражданские начала в российском местном самоуправлении? // ЭТАП: Экономическая теория, Анализ, Практика. 2016. № 2.
5. Заманова Л.Б. Российский федерализм: дисбаланс процессов децентрализации и централизации. В сб.: Федерализм в современной России: диалектика взаимоотношений между государством и субъектами. Уфа: Баш. Акад. Гос. службы, 2015.
6. Кахриманов Д.М. Национальная безопасность и особенности государственного устройства России // Инновации и инвестиции. 2015. № 5.

7. Назаров В.В. Безопасность федеративных отношений как составляющая национальной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки Сев-Кавк. Акад. Гос. службы. 2015. № 3.
8. Олейник О.С., Придачук М.П. Институциональное обеспечение процесса стратегического планирования в Российской Федерации // Региональная экономика. Юг России. 2017. № 1 (15).
9. Раньжина И.В. Поиск модели федеративных отношений в современной России как идея государственной безопасности // Вопросы безопасности. 2015. № 6.
10. Сосенков Ф.С. Идеи декабристов о федерализме в связи с проблемой сохранения территориальной целостности России. В сб.: Современный федерализм: отечественный и зарубежный опыт, проблемы и перспективы. Н. Новгород: 2017. С. 263–269.

ABOUT THE AUTHOR

Evgeny Moiseevich Buchwald – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Federal Relations and Regional Development, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. buchvald@mail.ru.

FEDERALISM AS A BASIS OF NATIONAL SECURITY FOR RUSSIA

The article examines the role of improving the economic and legal foundations of Russian federalism as one of the key directions for implementing the provisions of the National Security Strategy and the Strategy for Economic Security of the Russian Federation. The close connection of economic security with the balance of interests and powers of the Federation and its subjects is emphasized, as is the need to integrate the problems of federative relations into the range of objects of institutional strategic planning, as well as reflecting the problems and prospects for federal reform in the Strategy for Spatial Development of the Russian Federation.

Key words: *national security, strategic planning, the Russian model of federalism, federal reform.*

JEL: H56, H77, R58.

А.Г. КОЛОМИЕЦ

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

СУЩЕСТВЕННОСТЬ УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ ФИНАНСОВО-БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ

Автор обосновывает необходимость и целесообразность использования критерия *существенности угроз* в целях идентификации, квалификации, оценки, контроля, мониторинга и парирования угроз национальной экономической безопасности, в том числе внешних и внутренних угроз развитию финансово-банковской системы. Рассматриваются вопросы аналитического представления угроз экономической безопасности РФ, связанные с состоянием инвестиционной активности. Отмечается, что причины усиления в настоящее время данных угроз определяются особенностями позиции России в международном движении капиталов, долгосрочной тенденцией оттока капиталов из России, состоянием и качеством управления ее финансово-банковской системы.

Ключевые слова: *экономическая безопасность, финансово-банковская система, существенная угроза, инвестиции, отток капиталов.*

JEL: F52, E60, F21, H60, K42, O16.

Оценка, предотвращение и парирование существенных угроз является необходимым элементом системы обеспечения национальной экономической безопасности, в том числе безопасности финансово-банковской системы. Критерий существенности угроз принципиально важен с точки зрения их характеристики, а также решения задач по обеспечению устойчивого развития Российской Федерации, определенных Законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ.

Существенность угроз и уязвимость социально-экономических систем

Как правило, чем более динамичным является развитие социума, тем значительнее и потенциально опаснее угрозы и риски, возникающие при таком модусе развития. Общество в течение длительного периода времени может находиться на «исторической развилке» – более или менее осознаваемой. Путь, который оно выбирает на этой развилке, обычно не самый лучший, безболезненный, эффективный,

оптимальный и не самый безопасный. Тем не менее общество в целом, экономика и ее отдельные подсистемы, в том числе финансово-банковская система, как правило, имеют потенциальные возможности не только противостоять внешним и внутренним изменениям и воздействиям, но и адаптироваться к ним, используя механизмы саморегулирования, сохраняя и корректируя основы своего существования. Безопасность экономической сферы является не результатом отсутствия вызовов и угроз¹, а результатом способности общества, в первую очередь его управляющих звеньев, своевременно их обнаруживать, идентифицировать, оценивать, контролировать, парировать и одновременно адаптироваться к ним, содействовать формированию более совершенных механизмов саморегулирования экономики и общества. Социально-экономическая система, способная обеспечить свое относительно безопасное развитие, должна включать в качестве интегрированных элементов механизмы, которые позволяют поддерживать в эффективном состоянии указанные выше способности. Принятие рисков на основе определения разумных уровней их приемлемых значений – необходимый элемент современной стратегии управления. Полная безопасность социума (как и полная защищенность какой-либо социально-экономической системы) может существовать только как теоретическая иллюзия².

Относительно быстро прогрессирующая экономика всегда находится в состоянии неравновесия. Развитие ее различных сфер и подсистем зачастую не сбалансировано, что является одной из важнейших причин уязвимости экономической сферы. В современном мире, в условиях возрастания глобальной экономической и социальной неустойчивости, непредсказуемых изменений среды обитания, способность общества создавать и своевременно «включать» механизмы, которые обеспечивают устойчивое развитие экономики и тем самым содействуют национальной экономической безопасности, приобре-

¹ В соответствии с определениями (см.: Раздел 1, п. 7 [7]), здесь и далее: «вызовы экономической безопасности» – совокупность факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению угрозы экономической безопасности; «угрозы экономической безопасности» – совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере; «риск в области экономической безопасности» – возможность нанесения ущерба национальным интересам Российской Федерации в экономической сфере в связи с реализацией угрозы экономической безопасности.

² «Общей задачей является не достижение обществом состояния, при котором рисков не существует (zero risk society), но достижение разумных уровней рисков, которые могут быть наблюдаемы, если рынки функционируют эффективно и если политика правительства базируется на эффективных нормах» (перевод автора). [11, р. XXXIII].

тает первостепенное значение. Прямо и непосредственно указанная способность зависит от качества управления безопасностью финансово-банковской системы.

Задачи и методы управления безопасностью социально-экономических систем значительно более масштабны и многообразны, нежели задачи и методы управления рисками (традиционно определяемыми как риск-менеджмент). Прежде всего управление безопасностью должно решать задачи по обнаружению, идентификации, контролю и парированию неопределенных угроз, непредсказуемых и трудно предсказуемых изменений. Помимо этого, управление безопасностью включает в себя управление рисками в самом широком понимании, т. е. систему обнаружения, идентификации, оценки, контроля и парирования угроз, возможность актуализации которых и возможный ущерб от которых поддается количественной оценке. Понятие «риск», которое часто используется в рамках анализа безопасности социально-экономических систем, принципиально отличается от термина «риск» в рамках риск-ориентированного подхода. Представляется, что в более строгой классификации, понятие «риск», как оно фактически употребляется в рамках анализа безопасности социально-экономических систем, включает понятие «неопределенность». В соответствии с общепринятой трактовкой «неопределенность» – возможность наступления событий, вероятность которых не поддается прямой количественной оценке. Это принципиальное различие между неопределенностью и рисками установлено Ф. Найтом [10] и является одним из фундаментальных положений современного экономического анализа. Инновации всегда связаны с неопределенностью и рисками. Путь инновационного развития – путь, на котором неопределенность и риски не только неизбежны, но и необходимы. Стратегия обеспечения экономической безопасности может быть эффективной только как часть стратегии инновационного развития³.

Часто понятия «безопасность» и «защищенность», близкие по смыслу, употребляют как синонимы. Однако при отождествлении «безопасности» и «защищенности» происходит смещение акцентов, которое может иметь результатом неадекватное отражение объекта исследования. Понятие «защищенность» характеризует в первую очередь состояние защищаемого объекта применительно к рассматриваемому кругу проблем социально-экономической системы. Это состояние зависит: во-первых, от степени уязвимости объекта по отношению к возможным и/или актуальным угрозам (одной из объективных

³ Вопросы экономической безопасности в контексте проблем инновационного развития рассмотрены в [4].

характеристик объекта); во-вторых, от системы мер по повышению уровня защищенности объекта от возможных и/или актуальных угроз. Высокая степень защищенности далеко не всегда обеспечивает безопасность, в особенности в отношении внутренних угроз.

Безопасность социально-экономической системы является интегральной характеристикой результатов взаимодействия различных факторов: внешних и внутренних вызовов и угроз, защищенности и уязвимости («слабых мест») этой системы. Характер соединения (или сочетания) указанных факторов, влияющих на безопасность конкретных подсистем экономики и общества, в том числе финансово-банковской системы, определяет степень существенности угроз как этим конкретным подсистемам, так и системе в целом. Под существенной угрозой в данном случае понимается угроза, обладающая потенциальной способностью дестабилизировать социально-экономическую систему и стать причиной деградации жизненно-важных ее элементов и самой системы в целом. Критической угрозой признается угроза, являющаяся актуальной действующей причиной происходящих в данный момент времени процессов дестабилизации социально-экономической системы.

Критерий существенности угроз позволяет:

- во-первых, оценить интенсивность конкретных угроз и степень их потенциального и/или актуального влияния на безопасность социально-экономической системы и ее подсистем, а также оценить ресурс защищенности системы от конкретных угроз;
- во-вторых, соединить идентификацию неопределенных угроз, идентификацию и оценку рисков в рамках последовательной оценки качественных их состояний, ограничить использование при квалификации угроз дихотомий неопределенного содержания: «большая – меньшая», «основная – не основная» угрозы и т. п.;
- в-третьих, позволяет дифференцировать риски при оценке на приемлемые (которые можно, а во многих случаях и должно принять), нежелательные (существенные) и неприемлемые (критические);
- в-четвертых, при последовательной оценке качественных состояний угроз использование критерия существенности позволяет интегрировать фактор времени в их оценку и мониторинг;
- в-пятых, использование критерия существенности позволяет идентифицировать угрозы институциональным основам социально-экономических систем и выделять их из всей совокупности угроз. Например, в современной рыночной экономике такими угрозами институциональным основам являются: угрозы безопасности прав собственности, угрозы безопасности крупных финансовых трансакций, угрозы безопасности частных и государ-

ственных инвестиций, угрозы коррупционного соединения государственной администрации и бизнеса, коррупционного давления на малый и средний бизнес со стороны административных и силовых структур и другие.

С точки зрения эффективности и качества управления безопасностью принципиально важной является способность управляющих звеньев систем различать и квалифицировать малозначительные, несущественные, существенные и критические угрозы и соответственно на них реагировать. Малозначительные угрозы не должны игнорироваться – не замечать такие угрозы опасно. Но создание информационного шума вокруг таких угроз препятствует идентификации более существенных угроз. В отношении малозначительных и несущественных угроз управляющие центры имеют возможности ограничиться мониторингом и контролем. Необходимо учитывать, что грань между несущественными и существенными угрозами чрезвычайно подвижна. При изменении социальных, экономических, политических, культурных условий несущественная угроза способна быстро трансформироваться в существенную. И наоборот, угроза, которая квалифицируется как существенная, может в результате выхода социально-экономической системы на новый уровень развития или по другим причинам, снижающим уязвимости этой системы, перейти в разряд угроз второстепенных. Критические угрозы требуют быстрого и системного парирования, незамедлительной мобилизации механизмов, способных поддержать самосохранение и устойчивое развитие системы.

Существенность угроз и индикаторы безопасности финансово-банковской системы

Эффективное обеспечение безопасности финансово-банковской системы предполагает использование критерия существенности в целях определения вызовов экономической безопасности, идентификации, квалификации, оценки, контроля, мониторинга и парирования угроз и рисков, связанных с развитием финансово-банковской системы. Понятие «безопасность финансово-банковской системы» здесь и далее используется как синоним понятия «безопасность системы денежно-кредитных отношений (включая банковскую сферу) и государственных финансов (включая муниципальные финансы в той мере, в какой их состояние имеет общегосударственное значение) на макроэкономическом уровне». Финансово-банковская система, с одной стороны, является одним из объектов угроз, а с другой – сама способна порождать угрозы как другим подсистемам экономики, так и социально-экономической системе в целом. Угрозы, порожденные состоянием самой финансово-банковской системы, т. е. внутренние

угрозы обладают высокой способностью стать существенными и критическими для национальной экономической безопасности.

Роль и значение безопасности финансово-банковской системы, в более широком аспекте – «финансовой безопасности»⁴, для обеспечения экономической безопасности фундаментально рассмотрена в ряде работ российских исследователей. Так, в работах [8], [6] обосновывается необходимость создания индикативной системы анализа и прогнозирования экономической безопасности, ключевым звеном которой служат пороговые значения основных индикаторов экономической безопасности; сопоставление фактического и прогнозируемого уровней индикаторов экономической безопасности позволяет показать вектор развития экономики России, состояние ее жизнеобеспечивающих систем; разработана система индикаторов финансовой безопасности и определены количественные зависимости между этими индикаторами.

Система пороговых значений основных индикаторов безопасности финансово-банковской системы может эффективно использоваться прежде всего как система «раннего оповещения» о вызовах и угрозах. Диспропорции, как отмечено выше, – постоянный спутник развития и, как правило, сопровождаются отклонениями от показателей безопасности, признаваемых близкими к оптимальным. К тому же оптимальность многих выбранных показателей может быть предметом дискуссий. При углубленной идентификации и оценке угроз, связанных с применением критерия существенности, индикаторы безопасности необходимо рассматривать во взаимосвязи с совокупностью содержательных представлений о происходящих социально-экономических изменениях и конкретных угрозах возникновения или углубления деструктивных тенденций, о защищенности и «слабых местах» финансово-банковской системы.

В этих условиях целесообразно использование элементов компаративного анализа развития экономики РФ и развивающихся и транзитивных экономик, сопоставимых по масштабам и проблемам развития, в первую очередь экономик других стран БРИКС⁵.

⁴ Понятие «финансовая безопасность» охватывает значительно более широкий круг отношений, чем безопасность финансово-банковской системы и включает безопасность всей финансовой инфраструктуры [1].

⁵ В частности, такой анализ содержится в монографии «Инновационные преобразования как императив устойчивого развития и экономической безопасности России» [4, с. 105–108].

Недостаток внутренних инвестиций как следствие положения России в международном движении капиталов

Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. констатирует, что основные вызовы и угрозы экономической безопасности РФ создают «усиление структурных дисбалансов в мировой экономике и финансовой системе ...» и «подверженность финансовой системы РФ глобальным рискам ...» [8, п. 12]. В этом контексте необходимо рассматривать и угрозы, связанные с недостаточным объемом инвестиций в реальный сектор экономики и ограничением доступа к долгосрочным финансовым ресурсам, а также задачи «развития внутренних (национальных) источников долгосрочных финансовых ресурсов», которые указаны в Стратегии экономической безопасности РФ [7, п. 12].

В целом проблема низкой инвестиционной активности российских предприятий и организаций существует в течение длительного времени и является одним из главных препятствий перехода экономики РФ на инновационный путь развития. В последние годы эта проблема приобрела особую остроту. С 2013 г. в РФ имеет место прямое снижение физических объемов инвестиций в основной капитал. Соответствующий показатель в сопоставимых ценах по отношению к предшествующему году составил по данным Росстата: в 2013 г. – 99,3%, в 2014 г. – 98,5%, в 2015 г. – 91,6%, в 2016 г. – 97,7% (предварительная оценка). В первом полугодии 2017 г. наблюдался рост инвестиций, который составил 4,8% в годовом исчислении⁶, отчасти благодаря эффекту низкой базы. Причиной снижения инвестиций в основной капитал является не только уменьшение иностранных инвестиций в экономику РФ, которое имело место в 2014 и 2015 гг. (прямые иностранные инвестиции в текущих ценах в 2013 и 2016 гг. увеличивались)⁷. Уменьшение инвестиций главным образом является следствием падения инвестиционной активности российских предприятий и организаций. Их доля в общем объеме инвестиций превышает 85%⁸.

При этом Россия продолжает сохранять приобретенное в 90-е годы прошлого столетия положение постоянного донора мировой финансовой системы. Об этом свидетельствуют оценки чистой международной инвестиционной позиции, характеризующие место и положение

⁶ Источник: ФСГС. www.gks.ru.

⁷ Динамика прямых иностранных инвестиций в экономику РФ по данным МВФ (в % к предыдущему году): 2013 г. – 109,93%, в 2014 г. – 65,7%, в 2015 г. – 93,6%, в 2016 г. – 133,1%. Источник: [/data.imf.org](http://data.imf.org).

⁸ Источник: ФСГС. www.gks.ru.

РФ в мировом движении капитала, а также оценки чистого ввоза/вывоза капитала из РФ в 1994–2015 гг. (см. табл. 1). Вместе с тем следует констатировать, что значение России в качестве донора мировой финансовой системы в сравнении с такими странами, как Япония, Китай, Германия, Швейцария, Сингапур и другие, невелико. Нет оснований полагать, что сама по себе величина чистой международной инвестиционной позиции, как и ее положительное или отрицательное значение, или сама по себе величина чистого ввоза или вывоза капитала,

Таблица 1

Чистая международная инвестиционная позиция РФ (НИП) и чистый ввоз/вывоз капитала из РФ в 1994–2015 гг. (млрд долл. США)*

Годы	Чистая международная инвестиционная позиция РФ (НИП)	Чистый ввоз/вывоз капитала из РФ
1994	14,862	12,7
1995	13,153	7,8
1996	6,877	22,4
1997	0,612	18,4
1998	–4,37	22,6
1999	4,305	19,6
2000	64,545	23,1
2001	43,911	13,6
2002	37,179	7
2003	3,924	0,3
2004	–4,797	8,6
2005	–31,881	0,3
2006	–14,855	–43,7
2007	–148,668	–87,8
2008	250,269	133,6
2009	102,774	57,5
2010	18,366	30,8
2011	149,231	81,4
2012	142,331	53,9
2013	131,735	60,3
2014	310,105	152,1
2015	335,101	58,1

* Пояснения к табл. 1: профицит НИП – превышение активов над обязательствами; дефицит НИП – превышение обязательств над активами; вывоз капитала показан со знаком плюс (+), поскольку влияет на увеличение международных активов и чистой международной инвестиционной позиции РФ; соответственно, ввоз капитала в РФ показан со знаком минус (–).

Источники: www.cbr.ru; data.imf.org.

также как и отношение этих показателей к ВВП представляют собой или характеризуют угрозы экономической безопасности страны. В разных странах – развитых и развивающихся – эти показатели могут весьма различаться, а могут и совпадать. Только анализ всей совокупности условий и результатов формирования чистой международной инвестиционной позиции и ввоза/вывоза капитала позволит идентифицировать и оценить угрозы и риски, которые связаны с состоянием и динамикой этих показателей.

Для России на протяжении многих лет характерен разрыв между высокой нормой валового сбережения (потенциальными финансовыми ресурсами для инвестиций) и нормой валового накопления. Значительная часть этого «избыточного» капитала была вывезена за рубеж [3, с. 149]. Сохранение в течение длительного времени положительной чистой инвестиционной позиции России является главным образом результатом постоянного чистого оттока капитала. Высокую зависимость этих показателей в рассматриваемом периоде подтверждает расчет корреляции между показателями чистой международной инвестиционной позиции РФ (НИИР) и чистого ввоза/вывоза капитала из РФ в 1994–2015 гг. (коэффициент корреляции составляет 0,8740).

Снижение чистого оттока капитала из РФ в 2016–2017 гг. связано главным образом с уменьшением ресурсной базы для этого оттока вследствие произошедшего снижения цен на энергоносители. В 2016 г. чистый отток капитала по предварительной оценке составил 19,8 млрд долл. США (абсолютный минимум за последнее десятилетие), в 2017 г. чистый отток капитала по оценке Банка России вновь увеличился до 31,3 млрд долл. США⁹. [2]. Вероятно, положение РФ как донора мировой финансовой системы в среднесрочной перспективе сохранится. Альтернативным вариантом являются масштабные государственные и/или корпоративные заимствования в сочетании с завышением курса рубля, что породило бы ряд существенных угроз экономической безопасности другого порядка, аналогичных тем, которые реализовались в 1998 и 2008 гг.

Постоянный чистый отток капитала и резкие изменения потоков капитала являются «слабым местом» экономики РФ и ее финансово-банковской системы. Процесс вывода капиталов из России во многих случаях сопровождается частичной или полной «утратой ценности» активов, когда средства, полученные в кредит (реальные активы), выводятся на счета в офшорах, а обязательства, являющиеся обеспечением кредитов, оказываются обязательствами компаний, у которых реальных активов никогда не было или были, но исчезли. Капитал может

⁹ Агентство экономической информации «Прайм». 10.08.17. 1prime.ru; Пресс-релиз ЦБР от 11.09.2017. www.cbr.ru.

вернуться в РФ, но уже как полностью иностранный, вследствие чего у российских резидентов возникают обязательства по его возврату. Необходимым условием одной из популярных схем вывода активов является «cash flow» от реализации экспортных контрактов в объемах, достаточных для обслуживания текущих платежей по таким долговым обязательствам. Однако данная схема формирует, помимо прочих, высокие риски, связанные с возможными изменениями экспортных цен. Есть основания полагать, что такого рода операции стали причиной утраты активов кредитных организаций, выполнявших при их осуществлении посреднические функции, в том числе активов некоторых системно значимых банков. Эти фактические банкротства, предотвращенные экстренными санациями и докапитализациями, ставили, особенно в кризисные периоды, финансово-банковскую систему на грань дестабилизации, а конечным источником значительной части средств, используемых для докапитализации банков, были обязательства бюджета. Так или иначе, в конечном итоге активы заменяются обязательствами к выгоде бенефициаров и к ущербу для экономики, населения и национального богатства РФ¹⁰.

В 1994–2015 гг. (за 22 года) РФ только в 1998, 2004–2007 гг. имела отрицательную чистую инвестиционную позицию (т. е. активы были меньше обязательств). В 2006–2007 гг. имел место чистый ввоз капитала в страну. В 2007 г. чистая инвестиционная позиция РФ стала отрицательная, что было результатом прилива спекулятивного краткосрочного капитала, главным образом вследствие искусственной стабилизации и завышения курса рубля. В 2008 г. дефицит сменился значительным профицитом в результате разворота потоков спекулятивных капиталов. В 2014–2015 гг. профицит международной чистой инвестиционной позиции существенно вырос по сравнению с первыми годами после кризиса, а чистый отток капитала составил 210,2 млрд долл. за два года. В то же время, вследствие санкций прямые иностранные инвестиции, как отмечено выше, резко сократились.

Россия является одной из крупнейших развивающихся экономик мира. Для этих экономик проблемы инвестиционной активности имеют особое значение. Основные возможности для развивающихся экономик приблизиться к уровню развитых связаны с увеличением и эффективным использованием инвестиций. Отличающая от других

¹⁰ По оценкам американской некоммерческой организации – Национального бюро экономических исследований к настоящему времени в оффшорах накоплены средства, имеющие российское происхождение на сумму около 1,2 трлн долл. США (РИА Новости за 23.08.2017. ria.ru). Эти оценки крайне приблизительны. Однако порядок цифр в них не намного отличается от данных различных источников, приведенных автором в [5, с. 10], где отмечалось, что в течение первого десятилетия XXI в. утечка капитала из РФ превысила 800 млрд долл. США.

крупных развивающихся экономик особенность России в том, что при остром недостатке внутренних инвестиций страна имеет значительную положительную инвестиционную позицию в отношении с остальным миром. Это не типично для стран БРИКС (см. табл. 2), за исключением Китая, где большинство экспертов констатируют в последние годы перенакопление капитала. Помимо стран БРИКС в представленную в табл. 2 выборку включены также Индонезия и Аргентина – развивающиеся страны, обладающие значительными территориями и населением, ресурсным и экономическим потенциалом, экономики которых, как и экономики БРИКС, характеризует относительно высокая степень самодостаточности.

В 2009–2013 гг. в РФ показатель отношения прямых иностранных инвестиций к ВВП снижался, но в целом сохранялся на уровне, близком к значению аналогичного показателя Китая, Бразилии, Индонезии и существенно превышал его значение в Индии или в Аргентине.

Таким образом, для этого периода нет оснований говорить о существенном недостатке иностранных инвестиций. Тем не менее Россия, как отмечено выше, испытывала в эти годы острую нехватку инвестиций в обновление основных фондов, создание инновационных технологий, модернизацию технологических процессов в базовых отраслях хозяйства и во «вторичном секторе» экономики, а также в отраслях, обеспечивающих воспроизводство и повышение качества «человеческого капитала».

Заключение

Положение РФ в системе международного движения капиталов негативно влияет на уязвимость экономики РФ по отношению к вызовам и угрозам национальной экономической безопасности, связанным с усилением структурных дисбалансов в мировой экономике и финансовой системе и увеличивает подверженность финансовой системы страны глобальным рискам. С точки зрения решения задач обеспечения экономического роста это положение менее благоприятно, чем положение наиболее успешных стран с развивающейся экономикой, сопоставимых с РФ по ресурсному и экономическому потенциалу, в первую очередь ряда стран БРИКС. Главным образом такое положение определяется долгосрочными тенденциями оттока капиталов и вывода активов из РФ, которые увеличивают уязвимость российской экономики по отношению к угрозе недостатка инвестиций. Данная угроза давно приобрела фактический статус существенной и при сохранении указанных тенденций имеет потенциал трансформироваться в критическую угрозу национальной экономической безопасности.

Однако меры по усилению централизованного контроля трансграничного движения капиталов и/или по налогообложению соот-

Таблица 2
Прямые иностранные инвестиции и чистая международная инвестиционная позиция РФ и ряда крупнейших развивающихся стран в 2009–2014 гг.

Показатель	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Среднее 2009–2014
Российская Федерация							
Прямые иностранные инвестиции в экономику, млн долл. США	377447	488993	454949	514926	565654	371491	–
% к ВВП	30,9	32,1	22,4	23,7	25,4	18,0	25,4
Чистая инвестиционная позиция, млн долл. США	102774	18366	149231	142331	131735	310105	–
% к ВВП	8,4	1,2	7,3	6,6	5,9	15,0	7,4
Китай							
Прямые иностранные инвестиции в экономику, млн долл. США	1314771	1569604	1906908	2068000	2331238	2599102	–
% к ВВП	25,7	25,7	25,2	24,2	24,3	24,8	25,0
Чистая инвестиционная позиция, млн долл. США	1490516	1688032	1688416	1866388	1996008	1602745	
% к ВВП	29,2	27,7	22,3	21,8	20,8	15,3	22,8
Бразилия							
Прямые иностранные инвестиции в экономику, млн долл. США	400808	682346	695505	742144	741436	739201	–
% к ВВП	24,0	30,9	26,6	30,1	30,0	30,1	28,6
Чистая инвестиционная позиция, млн долл. США	–559109	–906164	–820506	–806489	–740520	–775411	–
% к ВВП	33,5	41,0	31,4	32,7	29,9	31,6	33,4

Окончание табл. 2

Показатель	2009	2010	2011	2012	2013	2014	Среднее 2009–2014
Индия							
Прямые иностранные инвестиции в экономику, млн долл. США	171218	205580	206354	224988	226549	253120	–
% к ВВП	12,9	12,4	11,3	12,3	12,2	12,4	12,3
Чистая инвестиционная позиция, млн долл. США	–131893	–211498	–226581	–301166	323169	–361538	–
% к ВВП	9,9	12,8	12,4	16,5	17,4	17,8	8,71
Южная Африка							
Прямые иностранные инвестиции в экономику, млн долл. США.	138751	179565	159390	163510	152124	138905	–
% к ВВП	46,9	47,8	38,3	41,3	41,5	39,6	42,6
Чистая инвестиционная позиция, млн долл. США	–57371	–98828	–43495	–55555	–145890	–26216	–
% к ВВП	19,4	26,3	10,4	14,0	39,8	7,5	19,6
Аргентина							
Прямые иностранные инвестиции в экономику, млн долл. США	79871	88456	93199	100821	91567	82399	–
% к ВВП	23,9	20,9	17,6	18,5	16,6	15,7	18,9
Чистая инвестиционная позиция, млн долл. США	51708	38322	49454	57768	61549	68214	–
% к ВВП	15,5	9,0	9,3	10,6	11,1	12,9	11,4
Индонезия							
Прямые иностранные инвестиции в экономику, млн долл. США	121625	173356	198598	227219	251187	229603	–
% к ВВП	22,5	22,9	22,2	24,8	27,5	25,8	24,3
Чистая инвестиционная позиция, млн долл. США	–213724	–291062	–318272	–361224	–371433	–383973	–
% к ВВП	39,6	38,5	35,6	39,4	40,7	43,1	39,5

Источники: International financial statistics and balance of payments databases. IMF. data.imf.org; World Bank national accounts data. data.worldbank.org.

ветствующих операций (например, введение «налога Тобина») в целях парирования данной угрозы могут оказаться малоэффективными на практике. Во-первых, технически выделить операции, связанные с безвозвратным выводом активов, не всегда возможно. Во-вторых, не следует забывать, что вывод капиталов в некоторых случаях может генерировать обратный процесс привлечения иностранных инвестиций и современных технологий; в успешных странах с развивающейся рыночной экономикой такое соединение потоков вывоза и ввоза капиталов достаточно распространено. В-третьих, источники вывоза капитала из РФ – часто активы государственных или квази-государственных монополий; дополнительное и немалые затраты на администрирование соответствующих мер в последнем случае быстро будут переложены на потребителей товаров и услуг таких монополий, не говоря уже о затратах на администрирование указанных мер. Более результативным было бы усиление персональной ответственности топ-менеджеров за финансовое состояние кредитных учреждений. Пакет мер по санации и/или докапитализации банков должен в обязательном порядке разрабатываться с участием правоохранительных органов и включать возбуждение уголовных дел в отношении высших должностных лиц этих банков. Никакая система мер по управлению безопасностью финансово-банковской системы не может быть эффективной, если она не начинается и не заканчивается персональной ответственностью за финансовое состояние конкретных кредитных учреждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.Н., Сенчагов В.К. и др. Инвестиционный климат и международный финансовый центр в Москве: тенденции и перспективы: монография / Под ред. В.Н. Алексеева и В.В. Ильина. М.: ИНФРА-М, 2012.
2. Банк России. Ввоз-вывоз капитала частным сектором в 1994–2017 годах. cbr.ru.
3. Булатов А.С. Россия в международном движении капитала: перелом тенденций // Вопросы экономики. 2017. № 5.
4. Инновационные преобразования как императив устойчивого развития и экономической безопасности России / Под ред. В.К. Сенчагова. М., 2013. Гл. 3.
5. Коломиец А.Г. Финансовые реформы русских царей. 2-е изд., дополненное. М.: НП журн. «Вопросы экономики», 2012.
6. Сенчагов В.К., Губин Б.В., Иванов Е.А. Новая индустриализация – основа обеспечения экономической безопасности и выхода из рецессии. М.: ИЭ РАН, 2016.
7. «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Утверждена Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208. static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705150001.pdf (дата обращения: 28.06.2017).
8. Экономическая безопасность. Производство-Финансы-Банки / Под ред. В.К. Сенчагова. М., 1998.

9. Knight Frank H. Risk, uncertainty, and profit, 1921.
10. Machina M.J., Kip V.W. Handbook of the Economics of Risk and Uncertainty. 2013. Vol. 1. Introduction. Elsevier.

ABOUT OF AUTHOR

Andrei Grigoryevich Kolomiets – Doctor of Economic Sciences, Leading Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. agk1807@mail.ru.

THE SIGNIFICANCE OF THREATS TO THE SECURITY OF THE FINANCIAL AND BANKING SYSTEM

The author substantiates the necessity and expediency of using the criterion of significance of threats for identification, qualification, evaluation, control, monitoring and parrying threats to national economic security, including external and internal threats to the development of the financial and banking system. The questions of the analytical presentation of threats to the economic security of the Russian Federation, related to the state of investment activity, are considered. It is emphasized, that the reasons for the strengthening of these threats at the present time are determined by the peculiarities of Russia's position in the international capital movement, the long-term trend of capital outflow from Russia, the state and quality of the management of its financial and banking system.

Key words: *economic security, financial and banking system, significant threat, investment, capital outflow.*

JEL: F52, E60, F21, H60, K42, O16.

С.И. ВОРОНОВ

доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой
«Безопасность жизнедеятельности» ФГОБУВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»

ЭКОНОМИКА ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ: КЛАССИФИКАЦИЯ И МЕТОДЫ РАСЧЕТА УЩЕРБА

В статье рассматриваются вопросы классификации, оценки и прогноза ущерба, сопровождающего чрезвычайные ситуации. Описаны процедуры оценки ущерба от чрезвычайных ситуаций и его составляющие. Раскрыты особенности проведения анализа экономического ущерба. Приведены характеристики чрезвычайных ситуаций с учетом частоты их появления. Показаны возможности оценки и прогноза редких и уникальных чрезвычайных ситуаций на основе анализа распределения Парето и отмечена необходимость количественной оценки применимости предлагаемых распределений.

Ключевые слова: *риск-ориентированный подход, ущерб, чрезвычайная ситуация, экономический ущерб, масштабирование чрезвычайных ситуаций, прогноз ущерба.*

JEL: H560, J280.

На протяжении тысячелетий человечество сопровождают катастрофы, катаклизмы и чрезвычайные ситуации (ЧС) природного, техногенного, военного и социального характера, которые уносят сотни тысяч человеческих жизней. XXI в. не стал исключением. Только в 2016 г. произошло 178 техногенных, 54 природных, 67 биолого-социальных чрезвычайных ситуаций, в которых пострадали более 130 тыс. человек. Ущерб от чрезвычайных ситуаций различного уровня растет и, как следствие, увеличивается востребованность изучения механизмов подсчета потерь от негативного воздействия природных и техногенных факторов окружающей среды¹.

Рассматривая ущерб как категорию риска, можно выделить несколько его видов: медико-биологический ущерб для человека; социальный ущерб для общества; материальный ущерб (для человека, объекта, учреждения, территории), упущенная выгода; моральный или экологический ущерб. Вместе с тем одной из основных составляющих каждого вида ущерба,

¹ Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2016 году» / МЧС России. М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2017.

которая может подвергаться статистическому анализу, является экономический ущерб. Он характеризуется следующими особенностями:

- включает все виды материальных потерь и затрат, связанных с вызванными ЧС повреждениями и разрушениями производственных и непроизводственных объектов, нарушением их функционирования;
- рассматривается, как правило, применительно к функционированию объектов экономики и социальной инфраструктуры;
- оценивается в стоимостных измерителях.

Деятельность по определению экономического ущерба вторична по отношению к определению физического ущерба от ЧС. Это означает, что прежде чем приступить к экономической оценке ущерба от ЧС, должна быть проведена работа по определению разрушений и иных потерь в натуральных (физических и иных) измерителях, т. е. определен физический ущерб от ЧС [1].

При определении физического ущерба от ЧС прямо или косвенно воспроизводятся (моделируются) физические (технические, организационные, природные и др.) процессы возникновения, развития и ликвидации ЧС. При определении экономического ущерба осуществляется переход (пересчет) показателей физического ущерба в стоимостные (денежные) измерители, прямо или косвенно воспроизводятся (моделируются) экономические процессы функционирования объектов экономики и социальной инфраструктуры применительно к условиям ЧС [1], [3], [4]. При этом выделяется прямой экономический ущерб, характеризующий непосредственное уничтожение, разрушение, повреждение любых видов имущества и материальных ценностей, иные формы исключения их из экономического оборота (производственной деятельности, использования для социальных целей и т. д.), и косвенный экономический ущерб, к которому относятся все иные формы ущерба [3], [5]. Особенностью косвенного ущерба является то, что его составляющие, как правило, не поддаются документальному подтверждению. Они определяются по соответствующим методикам или оцениваются, в т. ч. экспертно.

Полный экономический ущерб складывается из прямого экономического ущерба и косвенного экономического ущерба. В силу высокой степени неопределенности величины косвенного экономического ущерба величина полного экономического ущерба также обладает высокой степенью неопределенности. Отсюда возникает объективная необходимость раздельного представления сведений о прямом и косвенном экономическом ущербе.

Применительно к объектам ущерба от чрезвычайной ситуации экономический ущерб подлежит определению на следующих иерархических уровнях:

- нижний уровень (уровень «первичного звена»): организация (предприятие), муниципальное образование (район, населенный пункт);
- средний уровень: субъект Российской Федерации в целом, с охватом всех находящихся на его территории организаций (предприятий), всех муниципальных образований и населенных пунктов. На уровне субъекта Российской Федерации формируются сводные сведения о крупномасштабных ЧС: территориальных, региональных, а также федеральных. На этом уровне в качестве отраслевого объекта ущерба от чрезвычайной ситуации принимается совокупность организаций (предприятий), входящих в отрасль, или совокупность организаций (предприятий) или иных объектов, на которых произошли ЧС;
- верхний уровень: совокупность всех организаций и территориальных образований Российской Федерации.

Прямой экономический ущерб от ЧС на нижнем и среднем уровнях – это прежде всего ущерб имущественному комплексу – основным фондам (оборудованию, зданиям, сооружениям), материальным запасам, готовой продукции и т. д. На верхнем, федеральном уровне – это ущерб, наносимый национальному богатству страны.

Составляющими косвенного экономического ущерба являются:

- ущерб, вызванный остановкой, приостановкой, снижением интенсивности производства и любой другой экономической значимой функциональной деятельности организации (предприятия). С макроэкономических позиций именно остановка производства оказывает основное влияние на важнейшие показатели социально-экономического развития Российской Федерации, включая объем промышленного производства в отрасли, объем промышленного производства по стране в целом, объемы конечного производства, объем ВВП и т. д. В отличие от документально подтверждаемых показателей прямого экономического ущерба, получаемых преимущественно на базе данных бухгалтерской отчетности, показатели ущерба, связанные с остановкой производства, являются расчетными, получаемыми на основе планово-экономических и финансовых расчетов и оценок. Некоторые составляющие ущерба (например, показатель упущенной выгоды в связи с остановкой производства) могут быть получены лишь на уровне оценок;
- ущерб третьим лицам, который понесли другие юридические и физические лица, объекты экономики, природные и иные объекты, экономически связанные с отчитывающимся предприятием, однако непосредственно не затронутые ЧС. Экономический ущерб третьим лицам, как правило, определяется лишь

на уровне оценки наносимого ущерба. На макроэкономическом уровне проблема учета экономического ущерба третьим лицам в принципе разрешима на основе системного экономико-математического моделирования функционирования экономики в условиях ЧС;

- затраты, связанные с предупреждением и ликвидацией ЧС, по своему экономическому содержанию также могут быть отнесены к экономическому ущербу от ЧС. Как правило, это документированные фактически осуществляемые затраты, относимые к специфическому разделу косвенного ущерба от ЧС.

Поскольку ущерб является неотъемлемой составляющей чрезвычайных ситуаций, то целесообразно исходя из характеристик ЧС и их классификации присваивать прогнозное значение ущерба.

В соответствии с положением о классификации ЧС природного и техногенного характера² ЧС (событие T) распределяются в зависимости от количества людей (M), погибших или получивших ущерб здоровью в этих ситуациях, размера материального ущерба (S) и территории (J), на которой сложилась чрезвычайная ситуация и нарушены условия жизнедеятельности людей (зона ЧС) [5]. В формализованном виде ЧС описывается следующим образом – $T = \{M, S, J\}$.

ЧС, исходя из частоты их появления, целесообразно классифицировать как частые (F_1), редкие (F_2) и уникальные (F_3).

Частые ЧС характеризуются высокой частотой (вероятностью) возникновения (десятки-сотни и более ЧС) в течение отчетного периода (года). Для частых ЧС может быть осуществлена групповая типизация ЧС, выявлены законы распределения вероятности возникновения, определена частота возникновения ЧС каждой группы в течение года. Как правило, ущерб (в т. ч. экономический) от каждой ЧС, относимой к числу частых ЧС, сравнительно невелик. Высокий интегральный ущерб от ЧС достигается за счет большой частоты возникновения ЧС. Частые ЧС являются объектами систематических статистических наблюдений.

Редкие ЧС характеризуются относительно невысокой частотой (вероятностью) возникновения (несколько ЧС в год) в течение отчетного периода (года). Как правило, ущерб (в т. ч. экономический) от каждой ЧС, относимой к числу редких ЧС, может быть достаточно большим.

Уникальные ЧС характеризуются исключительно низкой частотой (вероятностью) возникновения в течение отчетного периода (года).

² Постановление Правительства РФ от 21 мая 2007 г. № 304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (с изменениями от 17 мая 2011 г.).

Фактический или прогнозируемый ущерб (в т.ч. экономический) от каждой уникальной ЧС, может быть очень большим, часто катастрофическим по своим масштабам.

Если в дополнение к существующим параметрам, характеризующим чрезвычайную ситуацию, ввести еще параметр F_i , $i = 1, 2, 3$, характеризующий частоту появления события, то ЧС можно формализовано представить как $T = \{M, S, J, F\}$.

В зависимости от параметров, характеризующих ЧС, для оценки и прогноза ущерба, необходимо использовать различные подходы [6]. Так, для анализа событий группы А (частые ЧС) целесообразно использовать распределение Гаусса, а для анализа событий Б (редкие и уникальные) целесообразно использовать распределения, описываемые степенными законами [1], [2], [7].

При анализе ЧС часто приходится делать их сравнительные оценки, производить типизацию и масштабирование тех или иных явлений, оценивать взаимосвязь между этими явлениями [8].

Масштаб любой ЧС (H_t) характеризуется территорией, на которую она распространилась (J), количеством погибших или пострадавших (M), величиной экономического ущерба от данной чрезвычайной ситуации (S). Он также определяющим образом зависит от масштаба аварии и источника возникновения чрезвычайной ситуации (T_h) [2, 5].

Количественным показателем масштаба чрезвычайной ситуации будет радиус вектор H_t в пространстве J, M, S :

$$|\bar{H}_t| = \sqrt{\bar{J}^2 + \bar{M}^2 + \bar{S}^2}, \quad (1)$$

где: $\bar{J}, \bar{M}, \bar{S}$ – уровни опасности чрезвычайной ситуации по каждому из признаков, характеризующих чрезвычайную ситуацию, от 1 до 7.

Максимальный масштаб чрезвычайной ситуации по принятой классификации составляет 12,12 баллов (в таблице приведены основные параметры классификатора ЧС). Он возможен при трансграничной ЧС с тяжелыми последствиями, когда важную роль играют не только составляющие ущерба и количество погибших, но и тот общественный резонанс, который сопровождает такие ЧС. Катастрофы и соответственно ЧС континентального и планетарного масштаба здесь не рассматриваются. Однако при принятом подходе масштаб континентальной ЧС будет достигать 13,86 балла, а свыше этого значения ЧС будут приобретать планетарный масштаб.

Стандартно применяемые методы расчета ущерба от ЧС основываются на применении средних значений. Такие подходы, однако, неприменимы для многих случаев, когда распределения ущербов описываются степенным законом. Для оценки и прогноза редких и уникальных ЧС в работах И.В. Кузнецова, В.Ф. Писаренко и М.В. Родкина

Таблица

Основные количественные и качественные параметры ЧС

Класс опасности	Характер	Территория	Количество погибших или пострадавших, человек	Ущерб, тыс. руб.	Масштаб ЧС, баллы
1	локальный	объекта	до 10	до 100	до 1,73
2	муниципальный	поселения или внутригородская города федерального значения	до 50	до 5000	2–3,46
3	межмуниципальный	двух и более поселений или две и более внутригородских территории города федерального значения	до 50	до 5000	3–4,12
4	региональный	субъекта	от 50 до 500	от 5000 до 500000	5,1–6,4
5	межрегиональный	двух или более субъектов	от 50 до 500	от 5000 до 500000	6,48–7,55
6	федеральный	любая	более 500	более 500000	6,16–9,85
7	трансграничный	двух или более государств			7,14–12,12

[2], [7] предлагается использовать подход, основанный на анализе распределения Парето. Он предполагает эффект нелинейного роста ожидаемого ущерба со временем. В частности, для ущерба от редких и уникальных ЧС характерны степенные самоподобные распределения, с «тяжелыми хвостами» в области редких сильнейших событий. Такие распределения теоретически имеют бесконечные средние значения и поэтому расчет эмпирических средних по ограниченным выборкам выявляет высокую неустойчивость подобных оценок. При этом рост объема выборки в отличие от случая конечного математического ожидания не увеличивает точности. Большая неопределенность делает выборочные средние малопригодными для решения практических задач, направленных на учет экономического ущерба от редких и уникальных ЧС и на разработку мер по его уменьшению. Для распределений с «тяжелыми хвостами» ущерб с увеличением времени T рас-

тет нелинейно (по крайней мере для T не превышающих некоторого T^* , отвечающего характерному периоду повторяемости максимально возможных ЧС данного типа). Нелинейный рост ущерба со временем может соответствовать бесконечному значению математического ожидания величины ущерба. Так, в случае распределения ущерба, моделируемого с помощью Парето, – распределения с параметром $\beta > 0$, плотность и функция распределения Парето равны соответственно:

$$f(x) = \begin{cases} \beta / (x^{1+\beta}), & x \geq 1, \beta > 0, \\ 0, & x < 1, F(x) = 1 - 1/x^\beta. \end{cases} \quad (2)$$

Приведенные в работах указанных авторов результаты расчетов показывают, насколько существенен эффект нелинейного роста ущерба в случае степенного характера распределения при $\beta < 1$. Причина нелинейного роста ущерба заключается во все увеличивающемся со временем прогноза T вкладе от наиболее редких сильнейших событий. Указанный нелинейный рост ущерба может замедлиться и стать обычным линейным по достижении ЧС своего предельно возможного уровня. Вместе с тем нужно отметить, что для практического применения функции распределения Парето необходимо определить границы ее применения и параметры ее значений.

Представляется, что использование приведенных методов расчета ущерба от ЧС расширит возможности включения государственных механизмов возмещения ущерба, причиненного жизни, здоровью граждан и их имуществу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безопасность жизнедеятельности: учебник / Седнев В.А., Воронов С.И. и др. М.: Академия ГПС МЧС России, 2014.
2. Кузнецов И.В., Писаренко В.Ф., Родкин М.В. К проблеме классификации катастроф: параметризация воздействий и ущерба // Геоэкология: Инженерная геоэкология. Гидрология. Геокриология. 1998. № 1. С. 16–28.
3. Акимов В.А., Лесных В.В., Радаев Н.Н. Риски в природе, техносфере, обществе и экономике: Монография. М.: Деловой экспресс, 2004.
4. Организация защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / Седнев В.А., Воронов С.И., Лысенко И.А., Кошечкина Е.И. М.: Академия ГПС МЧС России, 2014.
5. Единая межведомственная методика оценки ущерба от чрезвычайных ситуаций техногенного, природного и террористического характера, а также классификации и учета чрезвычайных ситуаций. М.: ФГУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2004.
6. Управление риском: Риск. Устойчивое развитие. Синергетика. (серия «Кибернетика: неограниченные возможности и возможные ограничения»). М.: Наука, 2000.

7. Кузнецов И.В., Писаренко В.Ф., Родкин М.В. Методы расчета ущерба от катастроф различного типа // Экономика и математические методы. 1997. Т. 33. Вып. 4. С. 39–50.
8. Анализ рисков и управление безопасностью (методические рекомендации). Серия Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. МГОФ «Знание», 2008.

ABOUT THE AUTHOR

Sergey Ivanovich Voronov – Doctor of Biological Sciences, Professor, Head of the Department «Safety of Life», The Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «The Financial University under the Government of the Russian Federation», Moscow, Russia. vsi08@mail.ru.

ECONOMICS OF EMERGENCIES CLASSIFICATION AND METHODS OF CALCULATING DAMAGE

The article deals with classification, assessment and forecast of damage accompanying emergency situations. Procedures for assessing damage from emergencies and their components are described. Features of the analysis of economic damage are disclosed. The characteristics of emergency situations are given, taking into account the frequency of their occurrence. The possibilities of estimating and forecasting rare and unique emergencies, on the basis of the analysis of the Pareto distribution are shown, and the need for a quantitative assessment of the applicability of the proposed distributions is emphasized.

Keywords: *risk-oriented approach, damage, emergency situation, economic damage, emergency scaling, damage forecast.*

JEL: H560, J280.

К.А. КУДРЯВЦЕВ

кандидат экономических наук, соискатель Института экономики Российской академии наук, доцент кафедры экономики и организации производства
ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»

РАЗВИТИЕ АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: НУЖЕН ЛИ ЕДИНЬЙ МЕГАРЕГУЛЯТОР?

В статье рассматривается вопрос развития антимонопольного регулирования и создания мегарегулятора за счет отнесения тарифного регулирования к компетенции ФАС России. В этой связи исследуются концепции, определяется изменение баланса интересов двух направлений регулирования, анализируются предпосылки создания эффективного мегарегулятора, а также обосновывается позиция о необходимости существования такого мегарегулятора.

Ключевые слова: антимонопольное регулирование, тарифное регулирование, конкуренция, концепция регулирования, баланс интересов в регулировании, мегарегулятор.

JEL: L40, L51.

Экономическое развитие в условиях смешанной экономики предполагает сочетание рыночного саморегулирования с государственными регуляторами. При этом для нивелирования влияния негативных аспектов развития предпринимательства и расширения масштабов конкурентной среды государство осуществляет антимонопольное регулирование.

В Российской Федерации государственное антимонопольное регулирование рассматривается, во-первых, как процесс обеспечения единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, свободы экономической деятельности, защиты конкуренции и создания условий для эффективного функционирования товарных рынков. Во-вторых, антимонопольное регулирование является ограничительной системой, т. е. осуществляет предупреждение и пресечение монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции. И в-третьих, антимонопольное регулирование выполняет функцию поддержки процесса государственного регулирования защиты и развития конкуренции через совершенствование законодательной базы, механизмов, методов и инструментов регулирования.

Проведение государственной политики по содействию развитию товарных рынков и защите конкуренции, по предупреждению, ограничению и пресечению монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции на территории РФ с 2006 г. осуществляется федеральным органом исполнительной власти – Федеральной антимонопольной службой России и ее региональными управлениями. Целью воздействия на экономику федеральных и региональных органов государственной власти РФ в области антимонопольного регулирования является достижение баланса интересов государства, хозяйствующих субъектов и потребителей через все более полное удовлетворение потребностей населения в благах путем развития первичного звена экономики – предприятий и организаций. Такой ориентир в полной мере соответствует первоочередной цели долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации – устойчивому повышению благосостояния российских граждан¹.

Изменения, внесенные в антимонопольное законодательство в последние годы, отражают стремление государства защитить интересы хозяйствующих субъектов и создать предпосылки для развития предпринимательства на различных товарных рынках. Так, до принятия «третьего антимонопольного пакета» (вступил в действие с 06.01.2012 г.)² наблюдались тенденции повышения ответственности хозяйствующих субъектов за нарушение антимонопольного законодательства: ужесточалась уголовная ответственность, были введены высокие штрафы за непредставление информации по требованию антимонопольных органов (от 300 тыс. руб. до 500 тыс. руб.) и оборотные штрафы по всем случаям злоупотребления доминирующим положением. «Третий антимонопольный пакет» существенно облегчил бремя ответственности хозяйствующих субъектов. Например, в части злоупотребления доминирующим положением, результатом которого является ущемление интересов других лиц при отсутствии ограничения или устранения конкуренции, была установлена ответственность в виде фиксированных штрафов в размере от 300 тыс. руб. до 1 млн руб.³; был снижен минимальный уровень размера штрафа (от 50 тыс.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 10.02.2017) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». www.consultant.ru/online/.

² Федеральный закон от 06.12.2011 № 401-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». www.consultant.ru/online.

³ Федеральный закон от 06.12.2011 № 404-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». www.consultant.ru/online.

руб. до 500 тыс. руб.)⁴ за непредставление информации по требованию антимонопольных органов; введен механизм предупреждения, выполнение которого исключает возбуждение антимонопольного дела и, как следствие, административную ответственность.

«Четвертый антимонопольный пакет» (вступил в действие с 05.01.2016 г.)⁵ стал еще одним шагом на пути либерализации антимонопольного регулирования. Так, хозяйствующий субъект теперь не может быть признан злоупотребившим доминирующим положением за нарушение интересов отдельных потребителей, а определенный «пакетом» уровень выручки при установлении доминирующего положения исключает возможность защиты интересов потребителей в небольших муниципальных образованиях. Таким образом, последнее пятилетие в истории антимонопольного регулирования в РФ можно характеризовать как фазу либерализации, что в целом соответствует общемировым тенденциям.

Среди хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение, отдельно следует выделять естественные монополии, так как они в огромной степени определяют структуру производственных и потребительских цен, влияют на экономические и финансовые процессы на микро-, мезо- и макроуровнях и динамику доходов населения. Методы регулирования деятельности естественных монополий выходят за пределы традиционного антимонопольного законодательства. С целью обеспечения баланса интересов государства, производителей и потребителей органы государственной власти осуществляют прямой контроль над деятельностью естественных монополий. Основным объектом регулирования в естественных монополиях являются цены и тарифы на их продукцию (услуги).

Базовые цели и методы тарифного регулирования определены в Федеральном законе «О естественных монополиях» и предполагают прямое и жесткое государственное регулирование деятельности естественных монополий. До середины 2015 г. функции тарифного регулирования осуществляли Федеральная служба по тарифам России (ФСТ) и региональные службы по тарифам в субъектах РФ. В деятельности ФСТ России отмечались негативные моменты как в части нормативного и методического обеспечения тарифного регулирования, так и в части практической реализации полномочий. По данным ФАС

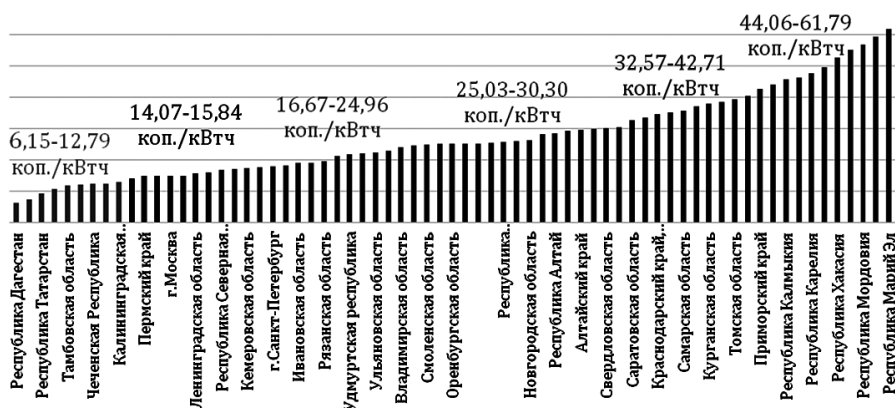
⁴ Федеральный закон от 02.12.2013 № 343-ФЗ «О внесении изменений в статью 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». www.consultant.ru/online.

⁵ Федеральный закон от 05.10.2015 № 275-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». www.consultant.ru/online.

России за 2015 г., тарифное регулирование было сведено к индексации тарифов, а баланс интересов монополий и потребителей постоянно нарушался не в пользу потребителей [2, с. 32]. Накопилось множество нерешенных методических проблем в области тарифного регулирования, среди которых выделим: отсутствие понятия справедливый тариф и, как следствие, отсутствие понимания экономической обоснованности расходов; неурегулированность оплаты услуг при отсутствии утвержденного тарифа; отсутствие системы нормирования затрат естественных монополий; непрозрачность процедуры рассмотрения тарифа и досудебного урегулирования спора по нему [4, с. 22–23].

Тенденции либерализации антимонопольного законодательства касаются и сферы тарифного регулирования. Реформа базовых институтов регулирования деятельности естественных монополий направлена в первую очередь на снижение цен на услуги их субъектов, повышение качества таких услуг и их доступности путем развития и поддержания конкурентной среды в тех секторах экономики, где она возникла, и внедрения современных методов тарифного регулирования.

Снижение цен на продукцию (услуги) субъектов естественных монополий является необходимым условием для предотвращения дальнейшего снижения уровня благосостояния населения. Однако применяемые в настоящее время методы тарифного регулирования приводят к тарифной дискриминации гарантирующих поставщиков (ГП) электрической энергии. Разброс величины сбытовой надбавки гарантирующих поставщиков для потребителей максимальной мощностью до 150 кВт достигал в 2016 г. в среднем по наиболее крупному ГП, по данным ФАС, 10 раз (Республика Дагестан – 6,15 коп./кВтч, Республика Марий Эл – 61,79 коп./кВтч) (см. рис. 1).

Источник: [3, с. 444].

Рис. 1. Размер установленной сбытовой надбавки гарантирующего поставщика в 2016 г.

Аналогичная ситуация и в сфере теплоснабжения (максимальные и минимальные тарифы в федеральных округах по конкретным регулируемым организациям представлены на рис. 2.). Например, в Южном ФО минимальный тариф ниже максимального в 169 раз (Краснодарский край – 548 руб./Гкал, Волгоградская область – 92779 руб./Гкал).

Центральный ФО	max	↑	Тульская обл. 18 353 руб./Гкал	↓	min	Тверская обл. 150 руб./Гкал
Северо-Западный ФО	max	↑	Ненецкий АО 21 705 руб./Гкал	↓	min	Вологодская обл. 591 руб./Гкал
Южный ФО	max	↑	Волгоградская обл. 92 779 руб./Гкал	↓	min	Краснодарский край 548 руб./Гкал
Северо-Кавказский ФО	max	↑	Ставропольский край 11 428 руб./Гкал	↓	min	Республика Дагестан 415 руб./Гкал
Приволжский ФО	max	↑	Республика Марий Эл 15 526 руб./Гкал	↓	min	Удмуртская Республика 418 руб./Гкал
Уральский ФО	max	↑	Ямало-Ненецкий АО 21 569 руб./Гкал	↓	min	Тюменская обл. 484 руб./Гкал
Сибирский ФО	max	↑	Красноярский край 51 270 руб./Гкал	↓	min	Алтайский край 509 руб./Гкал
Дальневосточный ФО	max	↑	Магаданская обл. 89 859 руб./Гкал	↓	min	Сахалинская обл. 635 руб./Гкал

Источник: [3, с. 447].

Рис. 2. Максимальные и минимальные тарифы на тепловую энергию с 1 июля 2016 г. в федеральных округах по конкретным регулируемым организациям

Указанные проблемы в области тарифного регулирования привели к необходимости реформирования данной сферы и отнесения ее к компетенции ФАС России. В силу п.1 Положения о Федеральной антимонопольной службе ФАС России с 21.07.2015 г. является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю в сфере государственного регулирования цен (тарифов) на товары (услуги)⁶.

Антагонизм полномочий в области государственного регулирования тарифов между ФСТ России, Минэкономразвития и ФАС России был устранен, когда ФАС стала единым мегарегулятором (в 2015 г. ФАС России также была передана часть полномочий Рособоронзаказа). При этом ФАС России фактически превратилась в мегарегулятора-монополиста, сконцентрировав в своей структуре полномочия различных ведомств, борясь за финансирование из федерального бюд-

⁶ Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 331 (ред. от 17.10.2016) «Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе». www.consultant.ru/online.

жета⁷. Проводя либерализацию и якобы приближаясь к классической концепции антимонопольного регулирования, целью которого является защита конкуренции, а не отдельных потребителей (исток антимонопольного регулирования лежат в препятствовании ограничению свободной торговли картелями и трестами), ФАС России все больше отдаляется от защиты интересов потребителей. Подтверждением тому служит сдвиг в балансе интересов, произошедший не в сторону потребителей, а также отсутствие реальных действий, направленных на снижение регулируемых тарифов. С момента передачи полномочий по тарифному регулированию ФАС России по настоящее время тарифы, также как и при ФСТ России, растут ежегодно. Следовательно, сегодня остается открытым вопрос: когда ФАС России начнет осуществлять реальные действия по совершенствованию сферы тарифного регулирования, которые приведут к снижению тарифов? Для того чтобы единый мегарегулятор стал инструментом повышения эффективности монополий, снижения издержек экономики и стимулирования конкуренции, необходимо изменить систему тарифного регулирования. Эффективным инструментом может стать бенчмаркинг (поиск и применение эталона, тариф которого и, как следствие, система организации производства будут взяты за основу).

ФАС России перегружен полномочиями. Но несмотря на это, на решение проблем, препятствующих развитию экономики, конкуренции, повышению качества товаров и снижения их стоимости для потребителя, собираемости штрафов (218,7 млн руб. по итогам 2014 г. не поступило в бюджет⁸), наличия дебиторской задолженности, в том числе из-за слабого информационного взаимодействия с Федеральной службой судебных приставов, ФАС заметного влияния не оказывает. Кроме того, широкая сфера полномочий ФАС России в сравнении с аналогичными службами в других странах, по данным исследователей Global Competition Review, ставит под сомнение глубину экономического анализа о состоянии конкуренции на товарных рынках, проводимого этой службой [5, с. 581–582].

Приведем основные аргументы, показывающие ошибочность решения о наделении ФАС России функциями мегарегулятора:

⁷ Лимиты бюджетных обязательств за 2014 г. – 2450,9 млн руб. (Заключение Счетной палаты Российской Федерации на отчет об исполнении федерального бюджета за 2014 год. (audit.gov.ru/upload/iblock/310/310102e46eed959280e9cc8a16620c51.pdf), за 2015 г. – 3639,8 млн руб. (Отчет об исполнении бюджета ФАС России за 2015 год. fas.gov.ru/about/list-of-reports/report.html?id=1673)).

⁸ Заключение Счетной палаты Российской Федерации на отчет об исполнении федерального бюджета за 2014 год. audit.gov.ru/upload/iblock/310/310102e46eed959280e9cc8a16620c51.pdf.

1) концепции антимонопольного и тарифного регулирования различны. Если антимонопольное регулирование защищает конкуренцию на рынке, то тарифное замещает рыночные механизмы государственным регулированием. Соответственно принципы и методы конкурентного и тарифного направлений регулирования неодинаковы;

2) нарушается важный принцип государственного управления, эффективность которого доказана на практике – разделение регулирования и надзора. Принцип разделения необходим для того, чтобы вывести неизбежно возникающие противоречия интересов при регулировании тарифов за пределы одного регулирующего органа. Причем эффективность работы регуляторов с узкой сферой ответственности подтверждена европейским опытом [1, с. 36–37];

3) по истечении двухлетнего периода ФАС России лишь выявил проблемы в сфере тарифного регулирования и произвел поиск способов их разрешения, но при этом на законодательном уровне существенных изменений не произошло;

4) как показала практика, создание монополиста-мегарегулятора для сдерживания роста тарифов при ранее разработанной и функционирующей системе сдерживания роста тарифов не имело никакого смысла;

5) наличие региональных служб в ФАС России (при отсутствии их у ФСТ России), по мнению автора, не является фактором, позволяющим влиять на порядок рассмотрения и установления тарифов на местах. Доказательством тому может служить то, что тарифы на уровне субъектов по-прежнему устанавливаются региональными комиссиями, в состав которых входит как правило, лишь один специалист территориального управления ФАС России. Например, автор привлекался в Верховный суд РФ как эксперт по вопросу определения необходимой валовой выручки на тепловую энергию (мощность) и теплоноситель. Состав региональной комиссии по установленному тарифу состоял из 7 человек, из которых антимонопольный орган представляет только один человек, т. е. 1 голос против 6. Да и компетенция сотрудников территориальных органов ФАС России не всегда достаточна для работы в новой для них сфере. Здесь уместно привести точку зрения гендиректора Института проблем естественных монополий Ю. Саакяна, полагающего, что у ФСТ не было прямой федеральной вертикали, ее региональные органы подчинялись местным властям и связанные с этим проблемы, например, по прозрачности тарифных решений, останутся и у нового регулятора [6].

6) создав мегарегулятор и устранив при этом положительную практику разделения регулирования и надзора, государство повторяет волну концентрации. С наделением в 2015 г. ФАС России дополнительными полномочиями в очередной раз победу одержала противостоящая демократической гипергосударственная тенденция, имманентно присущая российскому обществу [7, с. 60].

Подводя итог исследования развития антимонопольного регулирования, отметим, что, по нашему мнению, в целях совершенствования регулирования естественных монополий следует подчинить все региональные регуляторы федеральному органу, т. е. создать профессиональный независимый регулятор со своей вертикальной структурой. Развитие конкуренции в сферах естественных монополий должно происходить естественным путем, т. е. снизу вверх без стимулирования этого процесс государством, т. к. технологически государство и общество еще не готовы к конкуренции в регулируемых сферах, которая в итоге может привести к новой концентрации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдашева С.Б., Корнеева Д.В. Задачи и ограничения антимонопольного контроля регулирования тарифов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 4.
2. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2015 год. fas.gov.ru/about/list-of-reports/report.html?id=1685.
3. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2016 год от 14.04.2017 г. fas.gov.ru/about/list-of-reports/report.html?id=1720.
4. Долматов И.А., Золотова И.Ю. Тарифное регулирование: правила или ограничения? // ЭнергоРынок. 2015. № 6.
5. Игошина Д.Р. Реформирование системы антимонопольных органов в России // Фундаментальные исследования. 2016. № 5.
6. Путин подписал указ о присоединении ФСТ к ФАС. www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/07/21/601496-putin-podpisal-ukaz-o-prisoedinenii-fst-k-fas.
7. Савченко П.В., Федорова М.Н. Российская общественная система как выражение противоречивых исторических тенденций развития России // Общество и экономика. 2011. № 8–9.

ABOUT THE AUTHOR

Konstantin Aleksandrovich Kudryavtsev – Candidate of Economic Sciences, Applicant of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Production Organization of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Volga State University of Technology», Yoshkar-Ola, Russia. KudryavcevKA@volgatech.net.

THE DEVELOPMENT OF ANTI-MONOPOLY REGULATION: IS A SINGLE MEGA REGULATOR NEEDED?

The article consider the issue of development of anti-monopoly regulation and the creation of a mega-regulator due to the attribution of tariff regulation to the competence of the Federal Anti-Monopoly Service of Russia. In this connection, the concepts are examined, the change of the balance of interests of the two directions of regulation is defined, the prerequisites for creating an effective mega-regulator are analyzed, and the position on the necessity of the existence of such a mega regulator is substantiated.

Keywords: *anti-monopoly regulation, tariff regulation, competition, regulation concept, balance of interests in regulation, mega-regulator.*

JEL: L40, L51.

Ю.Г. ГЕРЦИК

кандидат биологических наук,
доцент кафедры «Промышленная логистика» МГТУ им. Н.Э. Баумана

А.Н. РОГОЗА

доктор биологических наук, профессор, заведующий отделом
функциональной диагностики Национального медицинского
исследовательского центра кардиологии Минздрава России

С.А. БОЙЦОВ

член-корр. РАН, доктор медицинских наук, профессор, директор
Национального медицинского исследовательского центра кардиологии
Минздрава России

**УПРАВЛЕНИЕ КЛАСТЕРНЫМИ СТРУКТУРАМИ
В СФЕРЕ МЕДИЦИНЫ И МЕДИЦИНСКОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРИНЦИПОВ
НЕЙРОБИОЛОГИИ**

В статье изложены некоторые проблемы, связанные с выбором критериев эффективного отбора потенциальных участников формируемого или уже функционирующего кластеров в сфере медицины и медицинской промышленности. На основании существующих публикаций в области нейробиологии и нейроэкономики (нового направления междисциплинарных исследований, находящихся на стыке экономической теории и нейробиологии) делается предположение о целесообразности использования соответствующих принципов взаимодействия в биологических и искусственных нейросетях для выбора и сравнительного анализа имеющихся социально-экономических показателей, характеризующих деятельность участников кластерных структур, а также и желаемых результирующих показателей функционирования кластера.

Ключевые слова: менеджмент, кластер, нейробиология, нейронные сети, предприятие медицинской промышленности, конкурентоспособность, организационно-экономическая устойчивость.

JEL: I15, L65.

Эффективный менеджмент является крайне важным фактором развития предприятий медицинской промышленности (ПМП), повышения их конкурентоспособности и организационно-экономической устойчивости (ОЭУ) [1], [2]. Для анализа эффективности ПМП в структуре кла-

стера, по нашему мнению, представляется перспективным использование результатов нового направления исследований, находящихся на стыке нейробиологии, психологии и экономики, – нейроэкономики, которая начиная с 2009 г. интенсивно развивается [3], [4], [5], [6], [7].

В настоящее время для принятия решений в менеджменте, в частности для прогнозирования риска возникновения нештатных ситуаций, вызванных воздействиями внутренней и внешней среды, для обеспечения устойчивого развития экономических систем, начинают использоваться принципы работы головного мозга, являющегося сложной биоинформационной системой [10]. Перспективность применения методов и технологий нейробиологии в схемах управления кластерными структурами¹, в том числе и в сфере медицины и медицинской промышленности, обусловлена сложностью выбора и учета критериев оценки эффективности и конкурентоспособности предприятий медицинской промышленности лечебно-профилактических учреждений (ЛПУ). Недостаточный учет критериев приводит к необходимости реструктуризации ПМП и объективизации оценки механизмов управления интегрированными структурами [2].

Так, например, М. Родионов и А. Самарин в своей работе [3], рассматривая методы оценки эффективности формирования региональных кластерных структур, включающие интегральные (как количественные, так и качественные) показатели эффективности каждого участника кластера и кластера в целом, утверждают, что формирование регионального кластера, даже если это определяется интересами региона, целесообразно только при определенном соотношении указанных интегральных показателей – равным единице или большим. Но такое утверждение исключает возможность участия в кластере организаций, представляющих малые предприятия, показатели которых исходно не могут быть сравнимы с показателями якорных предприятий. Возможно, что при наличии государственного финансирования формирования кластера, целесообразность такого подхода оправдана. Однако с учетом основополагающих принципов и имеющегося опыта создания и развития кластерных структур [1], [2], [3], по мнению авторов, необходимо при формировании кластерных структур в сфере медицины и медицинской промышленности придерживаться приоритетов, главным из которых являются инициативность и компетентность, а отбор участников формируемого кластера производить на основе результатов исследований в области нейробиологии и нейроэкономики [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10].

¹ Биологическая нейронная сеть представляет собой систему соединенных между собой нейронов мозга, а искусственная нейронная сеть – математическую или физическую модель биологической нейронной сети [8], [9].

Отдельные структуры предприятия подобно нейронным сетям имеют входной информационный и ресурсный каналы (в нейронной сети отдельные нейроны способны воспринимать информационные и энергетические сигналы на входе, а также сигналы от других нейронов из внутренней среды). На предприятии такие функции выполняют отделы маркетинга, входного контроля и отдел кадров. Полученная информация трансформируется и поступает на выходной канал. На предприятии роль выходного канала выполняют отделы сбыта, продаж, взаимодействия с потребителями.

Рассмотрим более подробно возможности многочисленных связей нейронов мозга человека при реализации своих регуляторно-управленческих функций. Кооперацию нейронных образований мозга мы можем рассматривать как сложную кластерную структуру, эффективность, конкурентоспособность и выживаемость которой во многом определяется эффективностью информационного взаимодействия ее «участников» – нейронов [5]. Естественно, должна учитываться и энергообеспеченность «участников», но, при прочих равных условиях, критерии эффективности должны быть уникальны, также как единственен в своем роде мозг каждого человека. По мнению авторов, такими критериями должны быть: способность создания уникальных продуктов деятельности в различных областях.

Необходимо подчеркнуть, что материализация сознания была достаточно сложным процессом и понимание его биологической природы (первым такое предположение сделал Уильям Джемс [14]) позволило сделать значительные открытия в естественных и гуманитарных науках [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10]. Отметим, что механизм гомеостаза биологических систем (способность поддерживать устойчивость основных параметров организма – температуры, артериального давления и т.п.) также во многом обусловливается регулирующей деятельностью биологической нейронной сети, управляемой биофизическими информационными сигналами, что позволяет сравнить его с механизмом обеспечения организационно-экономической устойчивости предприятий, в том числе кластеров (способностью поддерживать устойчивость своих финансовых параметров при воздействии различных факторов внутренней и внешней среды). Если при этом производственная система находится в «гомеостазе» (достаточный уровень ОЭУ), то государственные органы должны поддерживать имеющуюся и, при необходимости, создавать новую нормативно-правовую базу, обеспечивающую эффективность деятельности системы в целом для поддержания исходного состояния или для перевода системы на новый уровень, отвечающий требованиям и воздействиям изменяющейся внешней конкурентной среды рынка. Отметим, что ОЭУ во многом определяется имеющимися у участников кластера ресурсами

и методологией управления кластером, в том числе в сфере медицины и медицинской промышленности [2], [15], [16]. Методология управления непременно включает информационное обеспечение функционирования кластерной системы, эффективность управления определяется в первую очередь уровнем компетентности лиц, принимающих решения о деятельности участников кластерной системы и не всегда однозначно связана с материальными ресурсами и показателями конкретных ее участников, особенно, в сфере здравоохранения, относящихся к разным отраслям хозяйствования и зачастую имеющих слабо коррелируемые показатели эффективности своей деятельности.

Мы полагаем, что формирование кластера только по интегральным показателям экономической эффективности участников не может быть рекомендовано в качестве основного метода для принятия административных решений при создании не только региональных, но и любых других типов кластеров. Информационное обеспечение, как и уровень компетентности отдельных участников кластера, может обеспечить проявление синергетического эффекта при взаимодействии с другими участниками кластера и, соответственно, значительное повышение исходных значений интегральных экономических показателей участников. Применительно к биологическим и социальным системам (к человеческому кластеру) такой опыт выбора участников сообщества по «техничко-экономическим показателям» оказался неэффективным [17].

Для обеспечения выбора критериев эффективности формирования и дальнейшего функционирования кластера, необходимо классифицировать формы и этапы развития кластерных систем с учетом возможности и необходимости их эволюционного развития.

1. Формируемые кластеры, не использующие для создания и функционирования бюджетных средств. Для таких кластеров критериями отбора участников должны стать показатели инициативности и компетентности участников формируемого кластера, а не их экономическая эффективность, которая может быть определена только по результатам реализации совместных проектов. В настоящее время Минпромторг требует показывать экономическую эффективность участников формируемого кластера [18], что не может являться показателем эффективности кластера в дальнейшем. Это может приводить к явлениям, когда предприятия, ранее получавшие бюджетное финансирование, на основе которого и было сформировано их финансовое благополучие, получают, в силу законов рынка, возможность подавлять вероятных конкурентов, а структуры чиновников имеют возможность оказывать им в этом содействие. Для того чтобы минимизировать такие процессы, мы предлагаем использовать модели выявления соответствия входных показателей экономической системы критерию «выживания», а также

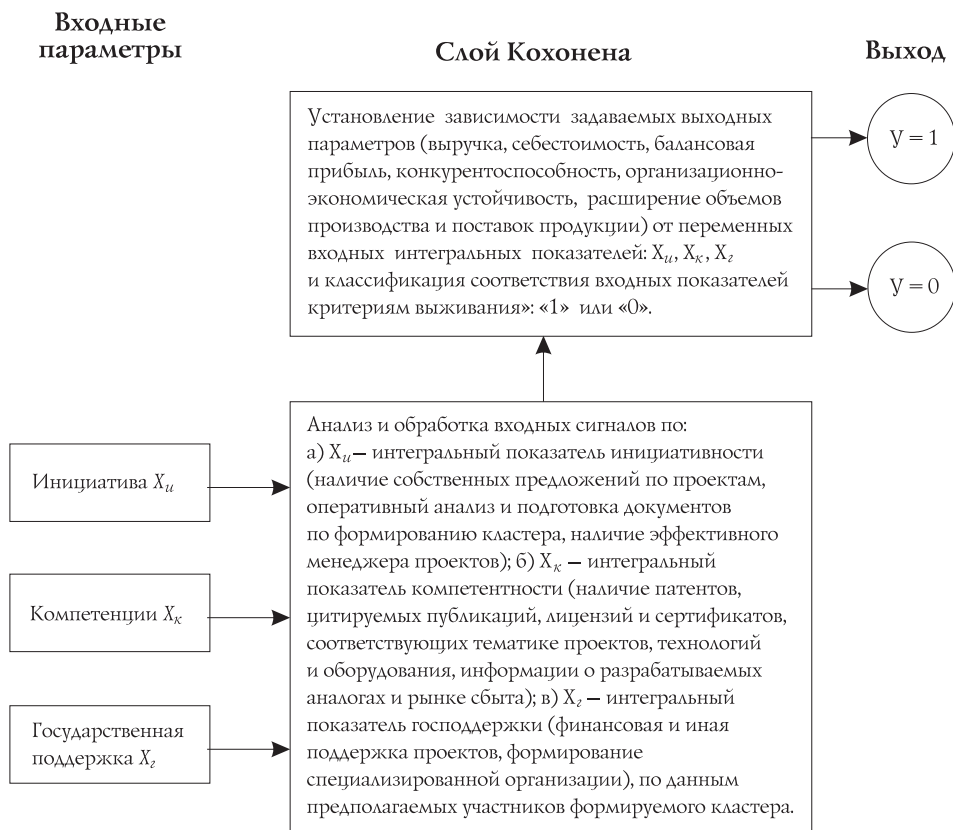

Рис. Модель выявления соответствия входных показателей экономической системы «критерию выживания» с использованием ИНС Кохонена

другим, наиболее существенным, с нашей точки зрения, показателям, подобные нейронным сетям Кохонена² [5], [19] (см. рис.).

Для формируемого кластера анализ и обработка входных сигналов должна проводиться по следующим показателям: а) $X_{и}$ — интегральный показатель инициативности (наличие собственных предложений по проектам, оперативный анализ и подготовка документов по формированию кластера, наличие эффективного менеджера проектов); б) $X_{к}$ — интегральный показатель компетентности (наличие патентов, цитируемых публикаций, лицензий и сертификатов, соответствующих тематике проектов, технологий и оборудования, информации о разрабатываемых аналогах и рынке сбыта); в) $X_{г}$ — интегральный показатель господдержки (планируемая финансовая

² Нейронные сети Кохонена — отдельный класс нейронных сетей, используемых для решения различных задач классификации и производных от них.

и иная поддержка проектов, формирование специализированной организации.

При соответствии предполагаемых участников кластера этим критериям Минпромторг должен зарегистрировать формируемый кластер без его финансовой поддержки, но с возможностью доступа к информационным каналам Минпромторга по участию в тендерах именно как кластерной структуры. Можно ее ранжировать по рискам возможности эффективного развития для информирования экспертных комиссий, проводимых тендеров, но с обязательным отражением ее возможностей как кластерной структуры. При обеспечении фактора выживаемости, когда критерии эффективности участников кластера по показателям реализации совместных проектов станут выше экономических показателей предприятий до вступления в кластер, кластер может претендовать на статус функционирующего, с соответственным повышением требований к своим участникам, в том числе со стороны финансирующих его развитие, государственных структур;

2. Функционирующие кластеры, получающие государственную поддержку. Для таких кластеров устанавливаются зависимости задаваемых выходных экономических параметров (выручка, себестоимость, балансовая прибыль, конкурентоспособность, организационно-экономическая устойчивость, положительная динамика объемов производства и поставок продукции) от перечисленных переменных входных интегральных показателей: X_w , X_k , X_z и классификация соответствия входных показателей критериям «выживания»: «1» или «0» (см. рис.). Соответственно, участниками могут стать только те предприятия, которые будут удовлетворять параметрам этой зависимости, определяемым государственными структурами.

Анализ простейших искусственных нейронных сетей (ИНС) подтверждает значительную роль информационных процессов в повышении эффективности управления. Так, Трофимова Е.А., Мазуров Вл.Д., Гилев Д.В. в своей работе [5] утверждают, что при наличии сформированного и функционирующего кластера в модели ИНС целесообразно использовать показатели факторов производства участников кластера в качестве независимых переменных входных сигналов ИНС, а функция от этих независимых переменных – результирующий показатель деятельности интегрированной структуры (кластера) – становится выходным показателем, который сравнивается с задаваемым его значением.

В работах [5], [19] показано, что основной задачей ИНС является получение такого отображения из множества X во множество Y , при котором $X \rightarrow Y$ так, чтобы на любой входной сигнал X формировался выходной сигнал, обладающий минимальной погрешностью и неопределенностью по сравнению с заданным (желаемым).

Методология системного анализа, используемая разработчиками ИНС [4], [5], нацелена на максимальный учет всех значимых входных контролируемых параметров X , влияющих на объективность и целесообразность выбираемых параметров выходного управляющего решения Y , с учетом их взаимосвязи и взаимовлияния. При этом данная методология включает выбор вариантов решения, оценку степени неопределенности по каждому варианту, сопоставление вариантов по тому или иному критерию эффективности, а также должна соответствовать требованиям и возможностям ее применения для анализа и решения задач в области формирования кластеров в сфере медицины и медицинской промышленности.

Вопросы формирования производственно-экономической интегрированной структуры являются и должны являться важнейшими в менеджменте, вследствие чего критерии эффективности (предполагаемые – в формируемом кластере и реальные – в функционирующем) приобретают особую значимость. Выбор таких критериев (см. [3], [18]) обуславливает возможность участия/неучастия отдельно взятых предприятий, желающих вступить в кластер. Поэтому в работе Е. Трофимовой, Вл. Мазурова, Д. Гилёва [5] подчеркивается, что при моделировании деятельности предприятий вопрос о критериях их деятельности принципиально важен, в том числе и главный критерий, предложенный авторами [5], – выживание предприятия К важным критериям также следует отнести и максимизацию прибыли. Результат анализа этих критериев свидетельствует о том, что неэффективные предприятия не выдерживают конкурентной борьбы в рыночных условиях. При разработке технологии выживания огромную роль играет методика прогнозирования. С этой целью и используются ИНС, в которых входная информация (переменные параметры) подается на слой входных нейронов (на сенсорный слой), затем преобразованные сигналы поступают на сеть «скрытых» нейронов (на ассоциативный блок ИНС). Результаты работы этого слоя поступают на выходные нейроны (на реагирующий или решающий блок).

Анализ результатов, полученных с помощью ИНС, с учетом выбранных переменных входных параметров и задаваемых выходных, дает возможность проверить правильность выбора исходных переменных параметров, определить эффективность формирования производственно-экономической структуры или оценить качество менеджмента.

Одними из наиболее применимых в практике экономических исследований, по мнению авторов, являются ИНС Кохонена [19], относящиеся к многослойным ИНС прямого распространения и использующие принцип обратной связи для коррекции ошибки. Как правило, входные сигналы в таких сетях представляются в виде векторов, характеризующихся определенными параметрами (компонентами). Количество ней-

ронов входного слоя ИНС функционально определяется параметрами/компонентами этих входных векторов. Более простая реализация нейронной сети Кохонена – «победитель забирает все», когда каждый нейрон выходного слоя может принимать значения «0» или «1» («0» – несоответствие входных параметров требованиям заданного класса «выживаемости», «1» – полное совпадение). Эту схему, по нашему мнению, целесообразно использовать в качестве модели при анализе возможности формирования кластера с учетом входных параметров (критериев) предполагаемых участников и заданных выходных параметров (интегральных показателей деятельности кластера в целом) (см. рис.).

Модель строится с учетом интегральных показателей (X_u , X_k , X_z) каждого из предполагаемых участников кластера.

Для анализа эффективности функционирующего кластера или экономической целесообразности формирования кластера на основе государственных дотаций входные показатели (параметры) должны определяться следующим образом: X_u – должен отражать наличие эффективно реализованных проектов и наличие портфеля заказов новых проектов для реализации их силами участников кластера, наличие документированной отчетности по реализации или проектов реализации программы развития кластера, наличие показателей эффективности работы менеджера по реализации интегральных проектов; X_k – должен характеризоваться наличием приобретенных лицензий на интеллектуальную собственность участника, публикаций в высокоцитируемых российских и международных журналах, относящихся к проектам кластера, наличием отечественных и собственных технологий и современного оборудования для реализации проектов кластера, наличием отчетности по маркетингу существующих и перспективных технологий и изделий, конкурирующих с проектами кластера, наличием долгосрочного прогноза появления научных и технологических решений в области тематики проектов кластера, которые могут с большим эффектом заменить технологии и изделия, отвечающие тематике проектов кластера; X_z – наличие бюджетных грантов по тематике проектов кластера, наличие специализированной организации кластера, сформированной государственной структурой.

Авторы считают необходимым дальнейшее изучение возможности использования принципов функционирования биологических систем при различных преобразованиях экономических систем, в частности, кластеров, а также использование принципов сетевой организации при ликвидации, реорганизации, при прогнозировании банкротств участников кластера. Биологические системы в подобных случаях страхуют себя, создавая механизмы обновления неспособных к функционированию клеток и регенерации тканей без разрушения системы как таковой, что на наш взгляд, наиболее целесообразно и для эволюционного развития социально экономических систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джамай Е.В., Зинченко А.С., Юдин М.В. Методы оценки организационно-экономической устойчивости и управляемости реструктуризируемых предприятий машиностроения // Вестник Университета (ГУУ), 2015. № 13. С. 26–30.
2. Герцик Ю.Г., Омельченко И.Н. Организационно-экономическая устойчивость и конкурентоспособность предприятий медицинской промышленности. Концепция и методология формирования. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2016.
3. Родионов М.Г., Самарин А.М. Применение нейросетевых технологий для разработки кластерной структуры территориально-административных образований // Вестник СибАДИ. 2015. Вып. 2 (42). С. 150–155.
4. Murray A. Applications of Neural Networks. 2014. Springer.
5. Трофимова Е.А., Мазуров Вл.Д., Гилёв Д.В. Нейронные сети в прикладной экономике. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017.
6. Балабан П.М., Гуляева Н.В. Нейрофилософия // Журнал высшей нервной деятельности И.П. Павлова. 2015. Т. 65. № 4. С. 498.
7. Раквиашвили А.А. Нейробиология и новые возможности экспериментальной экономики // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 124–137.
8. Интернет-ресурс «Новости высоких технологий»: определение нейробиологии. hi-news.ru/tag/nejrobiologiya (дата обращения 5.10.2017).
9. Волков М.В. Моделирование на основе нейронных сетей. Этапы и примеры // Иннов: электронный научный журнал. 2012. № 1 (10). www.innov.ru/science/tech/modelirovanie-na-osnove-neuronnykh- (дата обращения: 05.10.2017).
10. Плеханов П.А. Применение искусственных нейронных сетей для нахождения взаимосвязей в экономике // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2014. № 26. С. 130–133.
11. Porter M.E. The Five Competitive Forces that Shape Strategy // Harvard Business Review. 2008, January P. 86.
12. Осипов В.С. Кластеры как инструмент экономической политики государства // Вестник экономики Российской академии наук, 2012. № 6. С. 92–97.
13. Gertsik Y.G. Prospects of cluster initiatives in Russia and the worldwide in development and implementation of high-tech medical equipment // Health and Social Care Journal. 2016. N 2 (3). P. 9–23.
14. Wozniak, Robert H. Mind and Body: Rene Descartes to William James serendip.brynmawr.edu/Mind/; Bryn Mawr College, Serendip 1995 Originally published in 1992 at Bethesda, MD & Washington, DC by the National Library of Medicine and the American Psychological Association.
15. Герцик Ю.Г. Био-Медико-Технический Кластер как основа формирования организационно-экономической устойчивости и конкурентоспособности предприятий медицинской промышленности // Вестник института экономики Российской академии наук. 2016. № 3. С. 80–91.
16. Gertsik Yu.G. Analysis of factors affecting the competitiveness and organizational-economic sustainability of medical industry companies // European Social Science Journal. 2015. № 7. P. 29–36.
17. Физическая культура Древней Греции – Военно-физическое воспитание в Спарте. www.fizkulturaimport.ru/fizvospitanie.html (дата обращения: 05.10.2017).

18. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 июля 2015 г. № 779, «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров».
19. Портал искусственного интеллекта: Нейронные сети Кохонена. neuronus.com/theory/961-nejronnye-seti-kokhonena.html (дата обращения: 06.10.2017).
20. Sigov A.S., et al. Bionic-oriented information system for innovation activity // Indian journal of science and technology. 2016. № 30 (9). P. 98743.
21. Ткачук В.А. Физиологические механизмы обновления клеток и регенерации тканей // Технологии живых систем. 2017. т. 14. № 4. С. 4–11.

ABOUT THE AUTHORS

Yuri Genrikhovich Gertsik – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department «Industrial Logistics» of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow, Russia. gerzik@mail.ru.

Anatoly Nikolayevich Rogoza – Doctor of Biological Sciences, Professor, Head of the Functional Diagnostics Department of the National Medical Research Center for Cardiology of the Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia.

Sergey Anatolyevich Boitsov – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, (the RAS), Doctor of Medical Sciences, Professor, Director of the National Medical Research Center for Cardiology of the Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia.

MANAGEMENT OF CLUSTER STRUCTURES IN THE SPHERE OF MEDICINE AND MEDICAL INDUSTRY WITH THE USE OF THE PRICIPLES OF NEUROBIOLOGY

The article outlines some problems associated with the selection of criteria for the effective selection of potential participants of the formed or already functioning clusters in the sphere of medicine and medical industry. Based on the existing publications in the sphere of neurobiology and neuroeconomics (a new area of interdisciplinary research at the junction of economic theory and neurobiology), it is proposed that it is expedient to use the appropriate principles of interaction in biological and artificial neuronets to select and compare the socio-economic indicators, which characterize the activities of participants cluster structures, as well as the desired resulting performance indicators of the functioning of cluster.

Key words: *management, cluster, neurobiology, neural networks, enterprise of medical industry, competitiveness, organizational and economic sustainability.*

JEL: I15, L65.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

А.Г. ПЫЛИН

кандидат экономических наук, заведующий сектором Центра постсоветских исследований ФГБУН Институт экономики РАН, старший преподаватель
Департамента мировой экономики и мировых финансов ФГБОУ ВО
«Финансовый университет при Правительстве РФ»

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ТОРГОВЫХ ЭФФЕКТОВ СОГЛАШЕНИЯ О СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛЕ МЕЖДУ ЕАЭС И ВЬЕТНАМОМ¹

В статье проводится анализ торгово-экономической связанности и комплементарности стран Евразийского экономического союза и Вьетнама в контексте создания зоны свободной торговли. Исследуются предварительные торговые эффекты имплементации соглашения в разрезе стран-участниц и основных товарных позиций. Отмечается, что объем и структура прироста российского экспорта в СРВ оказались весьма ограниченными по сравнению с импортом России из Вьетнама. Делается вывод о необходимости усиления позиций стран ЕАЭС (прежде всего РФ) путем активизации бизнеса, расширения и диверсификации товарных потоков в целях получения ими более устойчивых и долгосрочных эффектов на вьетнамском рынке.

Ключевые слова: ЕАЭС, Вьетнам, торгово-экономическая связанность, комплементарность, зона свободной торговли, торговые эффекты интеграции.

JEL: F14, F15, F21, F53.

Торгово-экономическая связанность и комплементарность ЕАЭС и Вьетнама

Потенциальные эффекты интеграции во многом определяются достигнутым ранее уровнем и характером торгового взаимодействия стран на допреференциальной стадии развития [1]. В настоящей статье для оценки степени и интенсивности экономического взаимодействия стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Социалистической Республики Вьетнам (СРВ) применим коэффициент торгово-экономической связанности (КТЭС), который исчисляется как отношение

¹ * Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ № 16-27-09001 «Проблемы имплементации и ожидаемые эффекты Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам».

стоимостных объемов взаимного товарооборота к суммарному ВВП (в текущих ценах) взаимодействующих стран и умножения полученной величины на 100. Этот коэффициент позволяет соизмерять связь роста экономики и взаимной торговли. Его позитивная динамика свидетельствует об опережающем росте (интенсивности) торговых связей, и чем выше коэффициент – тем выше уровень связанности экономик. Косвенно он отражает уровень комплементарности (взаимодополняемости) экономик, причем как на двусторонней основе, так и в разрезе интеграционных объединений. Анализ динамики КТЭС позволяет также оценить направленность процессов неформальной интеграции (на примере торговых связей) рассматриваемых стран.

Проведенные расчеты показали, что сравнительно высокий уровень торгово-экономической связанности (0,109–0,259) отмечается лишь в двух парах стран: Россия – Вьетнам и Казахстан – Вьетнам, причем за последние несколько лет у них этот показатель демонстрировал положительную динамику (см. табл. 1). Как и следовало ожидать, весьма низкий уровень связанности у Вьетнама с Арменией и Кыргызстаном, что во многом обусловлено слабым производственным потенциалом указанных постсоветских стран.

Таблица 1

Коэффициент торгово-экономической связанности (КТЭС) стран ЕАЭС и Вьетнама (2010–2016 гг.)

Страны и регионы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Россия – Вьетнам	0,127	0,126	0,157	0,165	0,131	0,185	0,259
Казахстан – Вьетнам	0,015	0,018	0,033	0,058	0,067	0,055	0,109
Беларусь – Вьетнам	0,086	0,108	0,083	0,069	0,037	0,060	0,048
Армения – Вьетнам	0,008	0,007	0,010	0,008	0,010	0,007	0,011
Кыргызстан – Вьетнам	0,003	0,001	0,005	0,002	0,002	0,003	0,002
ЕАЭС – Вьетнам	0,123	0,124	0,153	0,161	0,130	0,179	0,259
Вьетнам – Корея Респ.	1,064	1,349	1,532	1,854	1,809	2,318	...
Вьетнам – Япония	0,288	0,342	0,388	0,471	0,547	0,618	...
Вьетнам – Китай	0,452	0,476	0,480	0,511	0,546	0,578	...
Вьетнам – АСЕАН	1,351	1,506	1,575	1,589	1,664	1,719	...

Источники: составлено и рассчитано автором по данным ИТС. Trade Map. September 2017; IMF. World Economic Outlook Database, April 2017.

Вместе с тем сопряженность экономики СРВ с его другими торговыми партнерами значительно превышает аналогичные показатели по ЕАЭС. Так, связанность Вьетнама со странами АСЕАН на порядок (в 10 раз) превышает данный показатель по ЕАЭС, а связанность СРВ с основными торговыми партнерами (Китай, Япония, Республика

Корея – с ними страна имеет зоны свободной торговли) – в 3–13 раз выше, чем с РФ. Столь высокий уровень связанности Вьетнама с указанными азиатскими странами обусловлен не только их выгодным транспортно-географическим положением и развитием морских грузоперевозок, но и активным участием СРВ в глобальных цепочках добавленной стоимости (ГЦС) путем привлечения иностранных инвестиций крупнейших ТНК региона [2], [3]. В этой связи одними из сдерживающих факторов реализации соглашения ЕАЭС – СРВ могут стать удаленность их внутренних рынков и высокие транспортные издержки.

Потенциальные торговые эффекты от экономической интеграции стран также во многом определяются уровнем их взаимодополняемости, или комплементарности. Для этого в научной литературе применяется индекс *торговой комплементарности*². Как известно, две страны с более высоким индексом комплементарности при прочих равных условиях могут в большей степени выиграть от углубления торгового взаимодействия после заключения преференциального торгового соглашения. При этом также необходимо учитывать расстояние между странами и транспортные издержки, размеры их экономик.

Анализ данных индекса комплементарности между странами ЕАЭС и Вьетнамом (см. табл. 2) позволяет выделить три группы пар стран:

1. С *относительно высоким индексом* (0,4), среди которых четыре пары стран: Вьетнам–Казахстан, Вьетнам–Россия, Беларусь–Вьетнам и Вьетнам–Беларусь. Именно в этой группе имеется наибольший потенциал для активизации торгового взаимодействия.

2. Со *сравнительно средним уровнем комплементарности* (0,3), куда вошли также четыре пары стран: Кыргызстан–Вьетнам, Вьетнам–Кыргызстан, Вьетнам–Армения и Россия–Вьетнам. Эти пары стран имеют средние возможности наращивания взаимных торговых связей.

² Индекс торговой комплементарности показывает, насколько экспортный профиль одной страны соответствует импортному профилю другой. Индекс торговой комплементарности между странами k и j определяется следующим образом:

$$S_{ej}m_k = 1 - \frac{\sum_i |E_{ij} - M_{ik}|}{2},$$

где $S_{ej}m_k$ – индекс торговой комплементарности между экспортером j и импортером k , i – товары с трехзначным кодом МСТК (SITC Rev. 3), j – экспортер (страна или группа стран), k – импортер (страна или группа стран), E_{ij} – доля товара i в общем экспорте страны j , M_{ik} – доля товара i в общем импорте страны k .

Значение индекса равняется 0 в том случае, если одна страна не импортирует ни одного вида товара, экспортируемого другой страной; значение индекса равно 1 в том случае, если доли экспорта и импорта в этих странах в точности совпадают.

3. С относительно низким индексом (0,1), которую образуют только две пары – Армения–Вьетнам и Казахстан–Вьетнам с наименьшим потенциалом увеличения торгового взаимодействия.

Таблица 2

Индекс торговой комплементарности стран ЕАЭС и Вьетнама

Экспортер – импортер	2000	2005	2008	2010	2011	2012	2013	2010–2013
Вьетнам – Казахстан	0,250	0,304	0,364	0,384	0,410	0,417	0,430	0,410
Вьетнам – Россия	0,296	0,300	0,328	0,389	0,388	0,380	0,389	0,386
Беларусь – Вьетнам	0,503	0,432	0,419	0,389	0,370	0,340	0,400	0,375
Вьетнам – Беларусь	0,386	0,420	0,408	0,334	0,329	0,341	0,364	0,342
Кыргызстан – Вьетнам	0,155	0,255	0,214	0,297	0,353	0,320	0,343	0,328
Вьетнам – Кыргызстан	0,186	0,197	0,261	0,305	0,315	0,308	0,309	0,309
Вьетнам – Армения	0,214	0,210	0,268	0,309	0,313	0,304	0,292	0,305
Россия – Вьетнам	0,354	0,361	0,345	0,265	0,275	0,277	0,304	0,280
Армения – Вьетнам	0,148	0,126	0,147	0,151	0,152	0,170	0,119	0,148
Казахстан – Вьетнам	0,122	0,149	0,151	0,150	0,145	0,136	0,149	0,145

Источник: составлено и рассчитано автором по данным UNCTAD. January 2018.

Таким образом, в среднесрочной перспективе при реализации ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам существует значительный потенциал для увеличения вьетнамского экспорта в Казахстан и Россию, а также в Беларусь. Вместе с тем сохраняются значительные возможности для роста белорусского экспорта во Вьетнам, но для этого необходимо будет улучшить транспортную доступность и логистику между двумя странами. В то же время возможности существенного наращивания армянского и казахстанского экспорта во Вьетнам будут крайне ограничены ввиду низкого соответствия их нынешнего экспортного профиля импортному профилю СРВ.

Торговые эффекты зоны свободной торговли ЕАЭС – СРВ

Соглашение о свободной торговле между государствами – членами ЕАЭС и СРВ³ (ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам) вступило в силу 5 октября 2016 г. и для евразийской пятерки стало первым подобным соглашением с третьей страной. Согласно документу, с момента его вступления в силу таможенные пошлины были обнулены почти на 60% товарных

³ См.: Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами – членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны.

позиций. После завершения переходного периода (через 5–10 лет) будут сокращены или обнулены пошлины на почти 90% наименований. Сразу после вступления соглашения в силу страны ЕАЭС получают беспошлинный доступ на вьетнамский рынок по таким приоритетным товарам, как молочная продукция и сливочное масло, меласса, семена льна, калийные удобрения и др. Через 5–12 лет будут обнулены пошлины на поставки в СРВ алкогольной продукции (водка, пиво), нефтепродуктов, шин, стали и проката из стали, автомобилей. Соглашение также предусматривает значительное снижение или обнуление таможенных пошлин на ввоз таких вьетнамских товаров, как тропические фрукты, орехи и овощи, некоторые виды спортивной одежды. По завершении переходного периода средняя ставка таможенной пошлины для поставляемых из ЕАЭС в СРВ товаров снизится с 9,5 до 1%, а для поставляемых вьетнамских товаров – с 9,7 до 2%⁴.

Вместе с тем, удалось сохранить защиту рынка ЕАЭС по ряду чувствительных позиций: все виды мяса, молоко, чай, кофе, сахар и кондитерские изделия, трубы из стали, легковые и грузовые автомобили, пиджаки, костюмы и кожаная обувь. В свою очередь, Вьетнам включил в список изъятий отдельные виды мяса, птицы, соль, изделия из драгоценных металлов. В результате отмена ввозных пошлин не охватит примерно 12% товарных позиций с обеих сторон. По некоторым товарным позициям (товары легкой промышленности, мебель и др.) предусмотрены более сложные формы торговой защиты в виде триггерного механизма, позволяющего вводить пошлины в случае превышения Вьетнамом установленных квот. Например, Россия ввела триггерные значения на ввоз вьетнамского риса. В целом, по оценкам экспертов, наиболее значимые статьи взаимной торговли не попали под снижение или обнуление пошлин, или же были защищены другими мерами нетарифного регулирования [4].

Предварительные итоги функционирования ЗСТ ЕАЭС – СРВ в целом носят позитивный характер, хотя и заметно различаются по странам. За январь – ноябрь 2017 г. товарооборот ЕАЭС с Вьетнамом увеличился на 36,8% и достиг 5,4 млрд долл., в том числе экспорт вырос на 40,8% – до 2,0 млрд долл. Наибольший прирост (36–53%) произошел в казахстанско-вьетнамской и российско-вьетнамской торговле, в том числе в силу более высокой связанности и комплементарности их экономик, а наименьший (13%) – в кыргызско-вьетнамской

⁴ По данным ЕЭК, по окончании переходных периодов снижение средних ставок в отношении товаров из ЕАЭС во Вьетнаме составит в сельском хозяйстве с 16,0% до 0,2%, в промышленности – с 8,9% до 0,0%. Снижение аналогичных показателей для вьетнамских товаров в ЕАЭС составит: в сельском хозяйстве – с 9,9% до 0,4%, в промышленности – с 8,0% до 0,5%.

торговле, где импорт из СРВ остался практически на прежнем уровне. В то же время экспорт из Армении и Кыргызстана во Вьетнам вырос в 3–7 раз ввиду своих крайне незначительных объемов и ограниченной товарной номенклатуры. Достаточно высокий потенциал белорусско-вьетнамской торговли оказался относительно слабо выраженным из-за небольшого прироста экспорта из Беларуси (см. табл. 3).

Таблица 3

**Динамика внешней торговли стран ЕАЭС с Вьетнамом
(данные за январь – ноябрь)**

Страны	Темпы роста, 2017 г. в % к 2016 г.			Доля в обороте, %	
	оборот	экспорт	импорт	2016	2017
ЕАЭС	136,8	140,8	134,5	0,87	0,95
Армения	122,0	в 7 р.	120,9	0,35	0,35
Беларусь	118,0	107,0	133,9	0,44	0,43
Казахстан	153,2	174,1	136,4	0,76	0,94
Кыргызстан	113,2	в 2,6 р.	101,9	0,09	0,10
Россия	135,8	138,4	134,4	0,91	0,99

Источник: составлено автором по данным ЕЭК.

Торговые эффекты от первого года реализации данного соглашения на уровне отдельных товарных групп носили еще более неравномерный характер. Для их оценки за основу были взяты статистические данные о российско-вьетнамской торговле (на которую приходится свыше 88% всей торговли между ЕАЭС и СРВ) ровно за один год реализации соглашения – с октября 2016 г. по сентябрь 2017 г. включительно – в сравнении с аналогичными данными предыдущего периода. За указанный период российский экспорт во Вьетнам вырос лишь на 4,0%, тогда как встречный импорт – на 20,9%⁵. Рассмотрим динамику российско-вьетнамской торговли по основным товарным группам.

Российский экспорт во Вьетнам. Наибольший выигрыш от вступления в силу соглашения о свободной торговле получило российское сельское хозяйство. За первый год реализации договора экспорт продовольственных товаров и с/х сырья из РФ в СРВ вырос почти в 9 раз и достиг 280,4 млн долл. При этом здесь основной прирост (свыше 4/5) пришелся практически исключительно за счет поставок (с нулевых значений) пшеницы и кукурузы, что во многом и стало результатом либерализации

⁵ Здесь и далее (если не указано иначе) расчеты автора по данным ИТС. Trade Map. January 2018.

зации. Благодаря снятию таможенных пошлин существенно возросли поставки мяса и пищевых субпродуктов домашней птицы (кур), а также семян льна и мелассы (см. табл. 4). Эффект от снятия пошлин на молочную продукцию – полностью отсутствовал ввиду нулевых значений по данной товарной группе. На втором месте с более скромными показателями оказалась *продукция химической промышленности*, поставки которой увеличились на 22,0% и составили 143,8 млн долл. Прирост в этой отрасли был обеспечен в основном за счет наращивания экспорта удобрений на 13,7%⁶, а также органических химических соединений и фармацевтической продукции. Отметим, что поставки калийных удобрений, на которые также были обнулены пошлины, сократились. Третьей позицией с преимущественно позитивной динамикой стали поставки *древесины и целлюлозно-бумажных изделий* (бумага и книги), которые выросли на 60,5% – до 43,1 млн долл.

По другим основным товарным группам российского экспорта отмечался спад. Так, экспорт *минеральных продуктов* сократился на 7,3% и составил 235,4 млн долл., в основном за счет снижения поставок российских нефтепродуктов. Существенно (на 38,2%) сократились поставки *металлов и изделий из них* – до 103,0 млн долл. на фоне бурного развития сталелитейной промышленности Вьетнама. России также не удалось нарастить поставки *машин, оборудования и транспортных средств*, объемы которых снизились на 21,0% и составили 221,3 млн долл. В этой отрасли заметно улучшилась ситуация лишь с поставками энергетического оборудования (паровые котлы и механические устройства). При этом отказ Вьетнама от проектов строительства атомных электростанций (в том числе российской АЭС «Ниньтхуан-1») [5] впоследствии будет сдерживать рост поставок и по этой статье. Локальным успехом можно считать существенный рост поставок электрических аккумуляторов и навигационных приборов (см. табл. 4).

Российский импорт из Вьетнама. За рассматриваемый период рост импорта вьетнамских товаров в РФ значительно превышал встречные поставки российской продукции и основывался на более разнообразной товарной номенклатуре. Возобновление умеренного роста российской экономики и укрепление курса рубля поддерживали спрос прежде всего на вьетнамские потребительские товары. Среди укрупненных товарных групп наибольший прирост произошел в поставках вьетнамской *продукции химической промышленности* – на 45,4%, составив 79,7 млн долл., в основном за счет пластмасс, каучука, резины

⁶ Отметим, что прирост произошел за счет поставок минеральных удобрений, содержащих два или три питательных элемента (рост в 3,1 раза – до 36,6 млн долл.) и азотных удобрений, тогда как экспорт калийных удобрений снизился на 27,3% – до 50,5 млн долл.

Таблица 4

Экспорт России во Вьетнам, тыс долл.

Коды ТН ВЭД	Товарные группы	2015-Q4 – 2016-Q3	2016-Q4 – 2017-Q3	Изме- нение, %
	Все товары	1 630 557	1 695 003	4,0
'9999	Нераспределенные товары	749 860	664 939	–11,3
'2701	Каменный уголь	172 268	180 682	4,9
'1005	Кукуруза	0	139 408	в разы
'7208	Прокат плоский из железа или нелегированной стали	113 774	74 371	–34,6
'1001	Пшеница и меслин	0	61 787	в разы
'3104	Калийные удобрения	69 505	50 530	–27,3
'8404	Вспомогательное оборудование для использования с котлами	0	37 693	в разы
'3105	Удобрения, содержащие два или три питательных элемента	11 840	36 638	209,4
'8402	Паровые или другие парогенериру- ющие котлы	2 267	28 366	в разы
'0207	Мясо и пищевые субпродукты домашней птицы	4 174	26 920	544,9
'9014	Направляющие; другие навигац- ионные приборы	6 310	20 945	231,9
'2710	Нефть и нефтепродукты, кроме сырых	49 444	19 493	–60,6
'8704	Автомобили для перевозки грузов	50 982	17 562	–65,6
'2617	Руды и концентраты	13 937	17 002	22,0
'4002	Синтетический каучук	10 402	13 351	28,4
'8507	Аккумуляторы электрические	374	12 621	в разы
'8526	Аппаратура радиолокационная, радионавигационная	54 365	12 236	–77,5
'2524	Асбест	15 563	10 656	–31,5
'4901	Печатные книги, брошюры, листовки и аналогичные печатные материалы	3 746	11 382	203,8
'1204	Семена льна, дробленые или недро- бленые	1 344	9 848	632,7
'8471	Автоматические машины и агрегаты обработки данных	15 754	9 858	–37,4
'7601	Необработанный алюминий	4 490	9 390	109,1

Примечание: в таблице представлены товарные группы с объемом торговли не менее 10 млн долл.

Источник: составлено и рассчитано автором по: данным ИТС. Trade Map. January 2018.

и изделий из них, фармацевтической продукции, фото- и кинотоваров. На второе место по темпам прироста торговли вышли *текстильные изделия*, которые выросли на 30,3% и составили 622,4 млн долл. Здесь основной рост пришелся на предметы одежды и обувь. И наконец, на третьем месте оказались *продовольственные товары и с/х сырье*, где прирост составил 23,5%, а их совокупный объем достиг 412,6 млн долл. В этой товарной группе основной рост вьетнамского ввоза в РФ пришелся на рыбу, орехи кешью, продукты переработки овощей, фруктов, орехов (см. табл. 5).

Таблица 5

Импорт России из Вьетнама, тыс долл.

Коды ТН ВЭД	Товарные группы	2015-Q4 – 2016-Q3	2016-Q4 – 2017-Q3	Изме- нение, %
	Все товары	2 381 520	2 878 114	20,9
'8517	Телефонные аппараты, сотовые телефоны	875 765	1 042 945	19,1
'8542	Схемы электронные интегральные	161 116	141 692	-12,1
'0901	Кофе	124 131	134 672	8,5
'6404	Обувь с подошвой из резины, пластмассы, натуральной или композиционной кожи и с верхом из текстильных материалов	97 582	130 100	33,3
'8443	Машины печатные, прочие принтеры	49 680	118 247	138,0
'6403	Обувь с подошвой из резины, пластмассы, натуральной или композиционной кожи и с верхом из натуральной кожи	100 175	113 546	13,3
'8508	Пылесосы	55 564	77 537	39,5
'8471	Вычислительные машины и их блоки; магнитные или оптические считывающие устройства	90 520	76 445	-15,5
'6402	Прочая обувь с подошвой и с верхом из резины или пластмассы	50 843	59 911	17,8
'0304	Филе рыбное и прочее мясо рыбы, свежие, охлажденные или мороженные	40 172	50 934	26,8
'6201	Пальто, полупальто, накидки, плащи, куртки мужские или для мальчиков	46 075	48 901	6,1
'6109	Майки, фуфайки с рукавами и прочие нательные фуфайки трикотажные	22 791	42 724	87,5

Окончание табл. 5

Коды ТН ВЭД	Товарные группы	2015-Q4 – 2016-Q3	2016-Q4 – 2017-Q3	Изме- нение, %
'6202	Пальто, полупальто, накидки, плащи, куртки женские или для девочек	39 101	39 703	1,5
'0801	Орехи кешью, свежие или сушеные, очищенные или не очищенные	23 464	34 558	47,3
'6204	Костюмы, жакеты, платья, юбки, брюки, комбинезоны, бриджи и шорты (кроме купальных) женские	20 878	33 297	59,5
'4202	Сундуки дорожные, чемоданы, кейсы для деловых бумаг, портфели, школьные сумки	30 832	31 600	2,5
'0902	Чай	28 857	31 115	7,8
'0904	Перец	18 590	24 936	34,1
'8473	Части и принадлежности	19 007	24 037	26,5
'6203	Костюмы, пиджаки, брюки, комбинезоны, бриджи и шорты (кроме купальных) мужские	15 644	23 409	49,6
'8507	Аккумуляторы электрические	18 823	22 891	21,6
'8470	Машины счетные и карманные машины для записи, воспроизведения и визуального представления данных с вычислительными функциями	12 287	21 656	76,3
'2101	Экстракты, эссенции и концентраты кофе, чая или мате	17 497	21 243	21,4
'9503	Трехколесные велосипеды, самокаты, педальные автомобили и аналогичные игрушки	11 138	20 997	88,5
'6110	Свитеры, пуловеры, кардиганы, жилеты и аналогичные изделия трикотажные	9 620	20 539	113,5
'8518	Микрофоны и подставки для них	11 171	20 043	79,4

Примечание: в таблице представлены товарные группы с объемом торговли не менее 20 млн долл.

Источник: составлено и рассчитано автором по: данным ИТС. Trade Map. January 2018.

Сравнительно ограниченный прирост основной товарной группы в импорте СРВ в Россию – машины, оборудование и транспортные средства – в размере 17,5% (до 1,6 млрд долл.) обусловлен преимущественно беспошлинным режимом ввоза на основные статьи вьетнам-

ского машинотехнического экспорта еще до вступления соглашения в силу. Единственной укрупненной товарной группой, где произошел спад в поставках на российский рынок, оказались вьетнамские металлы и изделия из них, который составил -35,3%, что практически не повлияло на общий рост поставок ввиду небольших объемов данной группы (24,3 млн долл.).

Отметим, что обнуление пошлин ЕАЭС в основном затронуло продукцию химической промышленности, минеральные продукты, кожевенное сырье и др. По оценкам ЕЭК, рост импорта вьетнамских товаров, по которым произошло «обнуление» пошлин, составило 30% от общего прироста. При этом более 58% прироста импорта было обеспечено товарами, по которым и ранее сохранились действовавшие нулевые ставки ЕТТ – преимущественно смартфоны и компьютерная техника. При этом более интенсивный рост некоторых вьетнамских товаров (рис, морепродукты, некоторые виды текстильной продукции) ограничивался действующими защитными механизмами.

* * *

Таким образом, в первый год реализации соглашения (с октября 2016 г. по сентябрь 2017 г.) ЗСТ ЕАЭС – СРВ российский импорт из Вьетнама существенно превышал встречные поставки из РФ. Структура прироста российского экспорта оказалась весьма ограниченной по сравнению с импортом из СРВ⁷. Анализ показал, что не по всем товарным группам, где произошла либерализация, отмечался рост поставок, хотя по некоторым из них России удалось впервые выйти на вьетнамский рынок. В то же время в импорте из Вьетнама наблюдался рост поставок практически по всем укрупненным товарным группам. Для укрепления позиций РФ и других стран ЕАЭС во Вьетнаме необходимо наращивать взаимные инвестиции в совместные проекты, диверсифицировать товарную номенклатуру поставок за счет расширения участия бизнеса, совершенствовать логистику и развивать транспортную инфраструктуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пылин А.Г. Внешнеторговое взаимодействие ЕАЭС и Вьетнама в контексте создания зоны свободной торговли // Россия и современный мир. 2017. № 3. С. 164–176.
2. Аксенова Е. ТНК и социально-экономическое развитие Вьетнама // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 7. С. 86–95;

⁷ Расчеты показали, что в российском экспорте во Вьетнам из 21 товарной позиции (свыше 10 млн долл.) положительный прирост показали 14 товаров; а в российском импорте из СРВ среди 26 товарных позиций (свыше 20 млн долл.) – 24.

3. Хейфец Б. Политика «открытых дверей» и экономической интеграции ответ Вьетнама на вызовы глобальной экономики XXI века // Общество и экономика. 2017. № 12. С. 92–103.
4. Цветов А. Шесть вопросов о ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам. РСМД. 29 июня 2015 г. russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/shest-voprosov-o-zst-eaes-vietnam.
5. Цветов А. Почему во Вьетнаме не будет российской АЭС // Московский Центр Карнеги. 11.04.2017.

ABOUT THE AUTHOR

Artem Gennadievich Pylin – Candidate of Economic Sciences, Head of Sector of the Center for Post-Soviet Studies; Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Senior Lecturer – Department of World Economy and World Finance, The Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «The Financial University under the Government of the Russian Federation». artem-pylin@yandex.ru.

ON THE EVALUATION OF THE TRADE EFFECTS OF THE FREE TRADE AGREEMENT BETWEEN THE EAEU (THE EURASIAN ECONOMIC UNION) AND THE SRV (THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM)

In the paper, analysis of trade and economic coherence and complementarity of the Eurasian Economic Union and Vietnam in the context of creation of the free trade area, is carried out. Preliminary trade effects of implementation of the agreement in the context of member countries and the main commodity positions are examined. It is emphasized, that the volume and structure of the Russian export growth were very limited in comparison with import from Vietnam. The conclusion about necessary to strengthen the EAEU (Eurasian Economic Union) countries' (primarily Russia's) positions by revitalization of business, expansion and diversification of commodity flows, in order to obtain more sustainable and long-term effects on the Vietnamese market, is drawn.

Keywords: *EAEU, Vietnam, trade and economic coherence, complementarity, free trade area, trade integration effects.*

JEL: F14, F15, F21, F53.

ЭКОНОМЕТРИКА

В.Е. МАНЕВИЧ

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления «Экономическая политика» ФГБУН Институт экономики РАН

Л.Н. СЛУЦКИН

Ph. D. по математике, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ДОЛГОВРЕМЕННЫЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДИНАМИКИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье представлен анализ зависимости динамики валовой добавленной стоимости в российской экономике от эффективности инвестиций в различных видах деятельности и отраслевой структуры инвестиций. Делается вывод, что перераспределение инвестиций между видами деятельности могло бы способствовать ускорению роста российской экономики без увеличения доли сбережения и наращивания общей суммы инвестиций. Построение и эконометрический анализ производственных функций позволяет дать количественную характеристику зависимостей, постулированных на основе первичной обработки статистического материала, и выявить влияние изменения каждого из двух основных объясняющих переменных – труда и капитала – на динамику валовой добавленной стоимости. В статье также сформулирована оптимизационная задача перераспределения инвестиций между видами деятельности и дано ее решение.

Ключевые слова: инвестиции, накопление капитала, добавленная стоимость, виды деятельности.

JEL: C1, E22.

1. Введение

На длинном отрезке времени экономическая динамика детерминируется накоплением капитала и ростом числа занятых работников (или часов рабочего времени) при прочих неизменных условиях: доступности природных ресурсов, уровне технологии, квалификации работников, состоянии инфраструктуры. Циклические и краткосрочные колебания не изменяют базисных, глубинных факторов, определяющих эффективность дополнительных вложений труда и капитала, например, ограниченности природных или трудовых ресурсов.

В статье представлен анализ зависимости экономического роста от эффективности дополнительных затрат труда и капитала по отдельным видам экономической деятельности, тогда как совокупный объем инвестирования в основной капитал по основным видам экономической деятельности принимается как заданный.

Зависимость между темпом роста затрат труда и капитала и темпом роста выпуска или валовой добавленной стоимости описывается производственной функцией типа функции Кобба – Дугласа. В течение последних 10–12 лет был опубликован ряд работ, посвященных построению производственной функции для российской экономики¹.

Мы исходим из того эмпирического факта, что эффективность дополнительных затрат труда и капитала в российской экономике качественно различается по видам деятельности. Следовательно, при каждом заданном совокупном приросте основного капитала динамика ВВП зависит от доли отдельных видов деятельности в совокупном приросте основного капитала, а построению агрегированной производственной функции для российской экономики в целом должно предшествовать построение и тестирование соответствующих моделей для отдельных видов деятельности.

Между тем большинство исследователей-эконометристов стремится построить производственную функцию непосредственно для российской экономики в целом, используя совокупные данные о числе работников, наличном основном капитале и, возможно, еще одной или двух-трех переменных. В тех немногих работах, в которых представлены производственные функции по видам экономической деятельности (в частности, в [3]), производственная функция по экономике строится независимо от функций по видам деятельности и скорее предшествует им, а не является результатом их агрегирования.

Наш анализ ограничивается динамикой добавленной стоимости в основных видах экономической деятельности. Соответствующие показатели для прочих видов деятельности мы не рассматриваем, принимая допущение, что именно инвестиции, прирост занятого труда и капитала в основных видах деятельности детерминируют соответствующие процессы в экономике в целом. Это допущение можно подкрепить данными об удельном весе основных видов деятельности в инвестициях, наличном основном капитале, валовой добавленной стоимости и валовой прибыли по экономике в целом, которые обнаруживают значительную устойчивость. После кризиса 2008–2009 гг. доля инвестиций в основной капитал базовых видов деятельности оставалась на уровне 76–77%, доля в наличных основных фондах – 64–65%,

¹ Содержательный обзор этих работ представлен в статье [3], хотя со временем этот обзор неизбежно становится неполным.

доля в валовой добавленной стоимости – 71–72%. Доля основных видов экономической деятельности в валовой прибыли по экономике в целом составляла в 2008–2016 гг. около 90%.

Рассмотрение факторов, детерминирующих сложившуюся отраслевую структуру инвестиций, выходит за рамки данной статьи². Мы исходим из того, что в принципе отраслевая структура инвестиций может быть целенаправленно изменена, следовательно, при каждом заданном объеме инвестиций по экономике в целом агрегированная эффективность инвестиций может быть повышена.

Сложившаяся в прошлом отраслевая структура инвестиций может со временем стать иррациональной, а ее осознанная или неосознанная консервация может привести экономику в состояние, которое мы бы назвали «инвестиционный тупик», когда для поддержания даже умеренных темпов роста требуется все большее увеличение сбережения и накопления. В конце концов может сложиться ситуация, когда никакие реально мыслимые нормы сбережения и накопления не обеспечат приемлемых темпов роста экономики, не говоря уже о том, что длительное снижение нормы потребления ведет к деградации социума.

Вместе с тем нужно иметь в виду, что при определении эффектов от инвестирования в различные виды деятельности следует учитывать не только взаимное замещение, но и взаимное дополнение. Так, низкая непосредственная отдача от прироста основного капитала в инфраструктурных отраслях (транспорт и электроэнергетика) не может служить основанием для сокращения инвестиций в этих отраслях, потому что главный положительный эффект от развития инфраструктуры реализуется в других видах деятельности³. Тем не менее в российской экономике возможности перераспределения инвестиций между видами деятельности существуют и могут оказаться критически важными для возобновления и ускорения ее роста.

² Отраслевая структура инвестиций и прироста основного капитала зависит прежде всего от сложившегося распределения добавленной стоимости и прибыли между видами деятельности, потребности в кредите, динамики процентных ставок, величины и направления государственных инвестиций. Отраслевая структура добавленной стоимости и прибыли, в свою очередь, детерминируется многими факторами, в частности, рентной составляющей добавленной стоимости, экспортной направленностью тех или иных видов деятельности, динамикой валютного курса и т. д. Об искаженном распределении добавленной стоимости между видами деятельности, влияющем на все воспроизводственные процессы в российской экономике, убедительно пишет А. Корнев [4]. Он правомерно связывает аномальное распределение добавленной стоимости между видами деятельности с присвоением ренты субъектами нефтегазового комплекса, хотя вопрос о природе этой ренты остается в его работе открытым.

³ Так, А. Афанасьев и О. Пономарева [1] вводят в функцию Кобба–Дугласа, наряду с трудом и капиталом, динамику основных фондов в инфраструктурных отраслях как один из факторов динамики российской экономики в целом. См. также [5] и [6].

Второй раздел статьи содержит упорядоченные статистические данные, характеризующие изменения в инвестициях, в приросте основного капитала и приросте валовой добавленной стоимости по основным видам деятельности и их первоначальный качественный анализ. В подразделе 2.1 исследуется зависимость прироста капитала от динамики инвестиций, в подразделе 2.2 рассматривается отношение между приростом основного капитала и приростом валовой добавленной стоимости.

В третьем разделе статьи представлен эконометрический анализ вклада двух основных факторов, определяющих динамику валовой добавленной стоимости, – труда и капитала. Производственные функции (типа функции Кобба – Дугласа), построенные для каждого из основных видов деятельности, в целом позволяют подтвердить выводы, полученные в первом разделе статьи на основе первичной обработки статистического материала. Только затем строится эконометрическая модель агрегированной производственной функции и формулируется задача оптимизации распределения инвестиций между видами деятельности. В последнем разделе представлены краткие выводы из проведенного анализа.

2. Динамика инвестиций, наличного основного капитала и валовой добавленной стоимости

2.1. Инвестиции в основной капитал и прирост основных фондов

При заданном совокупном объеме инвестиций в основных видах деятельности I_s и заданной доле n -ного вида деятельности в совокупных инвестициях λ_n , объем инвестиций в n -ном виде деятельности I_n описывается выражением

$$I_n = \lambda_n I_s. \quad (2.1)$$

Доля инвестиций в добычу полезных ископаемых несколько снижалась в 2004–2008 гг., но существенно росла в 2010–2015 гг. В 2004 г. инвестиции в добычу полезных ископаемых и производство нефтепродуктов и кокса превосходили инвестиции в остальные обрабатывающие производства в 1,1 раза, в 2015 г. – в 1,8 раза.

Валовое накопление капитала, продуцируемое равными инвестициями, существенно различается в разных видах деятельности.

Хотя нас интересует не валовое, а чистое накопление капитала (обозначим его как ΔK), мы вводим коэффициент, отражающий отношение инвестиций в основной капитал I и валового накопления капитала δK :

$$\gamma = \frac{I}{\delta K}. \quad (2.2)$$

Дело в том, что коэффициент, связывающий инвестиции и чистое накопление основного капитала, зависел бы не только от двух названных параметров, но также от удельного веса амортизации в валовом накоплении капитала.

Если для n -ного вида деятельности задан объем инвестиций I_n и коэффициент γ_n , валовое накопление капитала δK_n можно представить как отношение I_n/γ_n . Вычитая из валового накопления капитала начисленный износ D , получаем выражение для чистого накопления основного капитала:

$$\Delta K = \frac{I}{\gamma} - D. \quad (2.3)$$

Прирост основного капитала выражается положительной величиной при условии, что $I/\gamma > D$. Если объем инвестиций таков, что $I/\gamma = D$, тогда $\Delta K = 0$ (чистое накопление капитала равно нулю). Если $I/\gamma < D$, тогда $\Delta K < 0$, т. е. происходит абсолютное уменьшение основного капитала. Такой, например, была ситуация в сельском хозяйстве в 2005 и 2006 гг., когда валовые инвестиции были меньше износа основных фондов.

Поскольку инвестиции в каждом виде деятельности определяются их долей в совокупных инвестициях, чистое накопление основного капитала в отдельном виде деятельности ΔK_n , можно представить так:

$$\Delta K_n = \frac{\lambda_n I_s}{\gamma_n} - D_n. \quad (2.4)$$

На рассматриваемом отрезке времени во всех видах деятельности объем инвестиций в основной капитал (за редким исключением) превышает валовое накопление капитала.

Разрыв между объемом инвестиций и валовым накоплением основного капитала может быть обусловлен рядом факторов. К числу этих факторов нужно отнести, во-первых, сроки строительства производственных объектов, разные в разных отраслях, и объем начатого в данном периоде, но не завершеного строительства и переоборудования предприятий.

Во-вторых, в процессе создания новых производственных мощностей возможны потери или сопутствующие затраты, в результате которых осуществленные инвестиции не полностью воплощаются в наличные производственные фонды. Как пишет И.А. Буданов [2], неразвитость инфраструктуры – основной фактор, сдерживающий развитие строительства и препятствующий инвестиционному процессу в раз-

личных видах деятельности. Возможно, что неразвитость инфраструктуры обуславливает необходимость дополнительных затрат, которые не воплощаются в прирост функционирующих основных фондов, и, следовательно является одной из причин расхождения между объемом инвестиций и валовым накоплением основного капитала.

В-третьих, оценка стоимости новых производственных мощностей может не совпадать с затратами на их создание. Наконец, в-четвертых, возможны расхождения между оценкой инвестиций и оценкой прироста наличного основного капитала вследствие несовершенства статистики.

Значения коэффициентов γ в основных видах деятельности имеют четко выраженную тенденцию к снижению, что само по себе является благоприятным фактом. Тенденция к снижению коэффициента γ в разных видах деятельности проявляется с различной интенсивностью. Она достаточно четко обнаруживается в сельском хозяйстве, в обрабатывающих производствах, электроэнергетике, но в добыче полезных ископаемых едва прослеживается, а в таком виде деятельности, как транспорт и связь, наблюдается тенденция не к уменьшению коэффициента γ , а к его увеличению, хотя и небольшому.

Соотношение между коэффициентами γ_n в разных видах деятельности имеет не меньшее значение, чем общий тренд. Если в 2005–2009 гг. инвестиции в добычу полезных ископаемых обеспечивали большее валовое накопление капитала, чем в обрабатывающих производствах, то после 2009 г. ситуация качественным образом изменяется: в 2010–2014 гг. инвестиции в обрабатывающих отраслях оказываются в этом отношении значительно более эффективными.

В 2009 г. инвестиции сократились во всех видах деятельности, однако, показатели эффективности инвестиций улучшились (коэффициент γ уменьшился), что можно объяснить эффектом накопленных инвестиций (начатых проектов) за предшествующие годы. Напротив, в 2010 г., когда объем инвестиций вырос, коэффициент γ увеличился (увеличилось отношение инвестиции/прирост основного капитала), причем особенно резко в добыче полезных ископаемых. Это можно объяснить лагом эффекта сокращения инвестиций в 2009 г.

В сельском хозяйстве, в обрабатывающих производствах, в энергетике повышение эффективности инвестиций в 2009 г. выглядит как часть общего тренда, который сохранялся и в последующие годы.

Нужно иметь в виду, что в обычных условиях эффекты лагов разных лет взаимно гасят друг друга; существенное отклонение от долговременного тренда под воздействием лагов наблюдается только в кризисные и посткризисные годы, причем далеко не в равной степени по разным видам деятельности. Поэтому представляется наиболее рациональным пренебречь эффектом лагов, а при вычислении средних

показателей за ряд лет и сопоставлении средних для разных периодов исключать из расчетов для некоторых видов деятельности данные за 2009 и 2010 гг.

2.2. Динамика основного капитала и валовой добавленной стоимости

Теперь мы должны рассмотреть зависимость между чистым приростом основного капитала и приростом валовой добавленной стоимости. Обозначив это отношение символом κ , мы можем записать выражение для прироста валовой добавленной стоимости в n -ном виде экономической деятельности:

$$\Delta Y_n = \kappa_n \Delta K_n \quad (2.5)$$

Подставляя в уравнение (2.5) выражение для чистого прироста капитала из уравнения (2.4), получаем уравнение (2.6), описывающее зависимость прироста валовой добавленной стоимости в n -ном виде экономической деятельности от суммы инвестиций в основных видах деятельности I_s , доли данного вида деятельности в сумме инвестиций λ_n , коэффициента, отражающего эффективность инвестиций, γ_n и коэффициента κ_n :

$$\Delta Y_n = \kappa_n \left(\frac{\lambda_n I_s}{\gamma_n} - D_n \right). \quad (2.6)$$

Все переменные и параметры этого уравнения, кроме величины коэффициента κ_n , были определены ранее.

Табл. 2.1 содержит результаты расчета прироста валовой добавленной стоимости на единицу прироста основного капитала κ для основных видов деятельности.

Коэффициент $\kappa = \Delta Y / \Delta K$ теряет экономический смысл, если либо прирост добавленной стоимости, либо прирост капитала выражается отрицательной величиной. Поэтому в табл. 2.1 ряд клеток остались незаполненными и пропущен 2009 г., когда прирост основного капитала сопровождался не ростом, а снижением валовой добавленной стоимости.

В добыче полезных ископаемых в 2006, 2007 и 2013 гг. валовая добавленная стоимость не росла, а сокращалась, несмотря на значительные инвестиции и соответствующий прирост основного капитала. Колебания фондоотдачи в сельском хозяйстве в решающей степени зависели от урожая данного года. В 2010 и 2012 гг. были низкие урожаи, так что, несмотря на некоторый прирост капитала, валовая добавленная стоимость снизилась.

Таблица 2.1

Прирост валовой добавленной стоимости на единицу прироста капитала, $\kappa = \Delta Y / \Delta K$, в постоянных ценах 2004 г.

	Годы								
	2005	2006	2007	2008	2010	2011	2012	2013	2014
Основные виды деятельности	1,184	1,505	0,982	0,680	0,782	0,579	0,342	0,135	0,042
Сельское и лесное хозяйство			1,296	7,588		4,489		1,302	0,694
Добыча полезных ископаемых	0,177			0,069	0,716	0,277	0,140		0,139
Обрабатывающие производства	0,948	1,306	1,186		1,000	0,751	0,618	0,469	0,000
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,226	0,913		0,046	0,179	0,001	0,045	0,051	
Строительство			5,657	8,389	3,689	3,801	1,825	0,051	
Торговля и ремонт*	9,670	12,178	6,825	6,126	4,211	2,329	2,626	0,274	0,547
Транспорт и связь	0,395	0,599	0,279	0,272	0,417	0,254	0,139	0,099	0,018

* Вид деятельности «торговля и ремонт» включает в себя: оптовую и розничную торговлю; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования.

Источник: расчеты авторов по: данным Росстата за соответствующие годы.

В обрабатывающих производствах прирост валовой добавленной стоимости в 2008 г. был отрицательным, а в 2014 г. – близок к нулю. В производстве и распределении электроэнергии, газа и воды прирост валовой добавленной стоимости в 2013 и 2014 гг. был отрицательным, в строительстве – в 2014 г. В 2015 г. валовая добавленная стоимость уменьшилась во всех основных видах деятельности за исключением сельского хозяйства и добычи полезных ископаемых.

В строительстве в 2005 и 2006 гг. прирост капитала был близок к нулю, так что отношение $\Delta Y / \Delta K$ выражалось числом, терявшим экономический смысл (прирост добавленной стоимости был в 60–70 раз больше прироста основного капитала). Очевидно, что рост добавленной стоимости в строительстве в эти годы определялся не ростом капитала, а другими факторами, в частности ростом числа занятых работников. В 2014 г. прирост валовой добавленной стоимости в строительстве был отрицательным.

Как видно из табл. 2.1, предельная эффективность капитала по основным видам экономической деятельности, начиная с 2006 г. почти

монотонно снижается. Предельная эффективность капитала, средняя за 2011–2014 гг., была ниже соответствующего среднего показателя за 2005–2008 гг., по основным видам деятельности – в 3,9 раза, по обрабатывающим производствам – в 2,7 раза. Особенно резкое снижение происходит в предкризисные годы (2008 и 2014 гг.), но оно не прекращается и в годы подъема. Очевидно, что здесь мы имеем дело с трендом, обусловленным долговременными факторами, а не циклическими колебаниями.

Вместе с тем динамика предельной эффективности капитала по отдельным видам деятельности существенно различается. В среднем за рассматриваемый период в сельском хозяйстве прирост валовой добавленной стоимости на единицу прироста капитала остается выше единицы; в строительстве он примерно равен единице.

В сельском хозяйстве в 2005 и 2006 гг. основной капитал в абсолютном выражении сокращался, а в неурожайные 2010 и 2012 гг. уменьшалась валовая добавленная стоимость, поэтому применительно к сельскому хозяйству трудно говорить о четко прослеживаемом тренде фондоотдачи.

Предельная эффективность капитала в добыче полезных ископаемых в течение всего рассматриваемого периода (за исключением 2010 г.) была крайне низкой. В среднем за 2011–2014 гг. предельная эффективность капитала в добыче полезных ископаемых была в 4 раза ниже, чем в основных видах деятельности в целом, и в 6,5 раза ниже, чем в обрабатывающих производствах.

Чем обусловлена тенденция к снижению эффективности дополнительных вложений капитала по основным видам деятельности в целом?

В добывающих отраслях хронически низкая фондоотдача, очевидно, обусловлена ограниченностью природных ресурсов, возрастающими затратами труда и капитала, необходимыми для поддержания текущего уровня выпуска. Так, Ю. Синяк и А. Колпаков пишут, что «хотя рост удельных затрат на добычу углеводородов является общемировой тенденцией, в России он происходит заметно более высокими темпами по сравнению с зарубежными компаниями» [7, с. 33].

Динамика отдачи в ряде отраслей, представляющих собой интегральную часть нефтегазового комплекса, связана общим трендом с динамикой отдачи в добыче топливно-энергетических ресурсов. Это относится к производству нефтепродуктов и трубопроводному транспорту. В некоторой степени это относится также к оптовой торговле, значительная часть дохода которой формируется за счет торговой наценки на продукцию нефтегазового комплекса. При этом в рамках общего тренда динамика отдачи в этих видах деятельности может быть разнонаправленной, что отражает перераспределение валовой добавленной стоимости внутри нефтегазового комплекса, поскольку в раз-

ные годы складывается разное соотношение между темпами роста цен и тарифов в этих видах деятельности.

Эффективность прироста капитала в инфраструктурных отраслях (производство и распределение электроэнергии, газа и воды, транспорт и связь, без трубопроводного транспорта) также связана с динамикой фондоотдачи в топливно-энергетическом комплексе, поскольку инфраструктурные отрасли являются важными потребителями энергоресурсов, а топливно-энергетический комплекс – крупнейшим потребителем электроэнергии и услуг транспорта.

Динамика фондоотдачи в инфраструктурных отраслях также зависит от изменения цен на топливо и тарифов на электроэнергию и услуги транспорта, которое ведет к периодическому перераспределению добавленной стоимости и прибыли между названными видами деятельности. При суммировании добавленной стоимости в нефтегазовом комплексе и в отраслях инфраструктуры эти изменения взаимно гасят друг друга.

Взаимное погашение изменения доходов нефтегазового комплекса и инфраструктурных отраслей особенно ярко проявляется при сопоставлении их доли не в совокупной валовой добавленной стоимости, а в совокупной сальдированной прибыли по экономике в целом. В 2008–2013 гг., несмотря на значительные колебания доли прибыли каждого из рассматриваемых видов деятельности, совокупная доля нефтегазового комплекса и инфраструктурных отраслей оставалась вполне стабильной (40–41% от сальдированной прибыли по экономике в целом). Следовательно, изменения в доле сальдированной прибыли отраслей нефтегазового комплекса и инфраструктуры практически полностью обуславливались процессами перераспределения (разновременным изменением цен и тарифов) и взаимно гасили друг друга.

В обрабатывающих отраслях и сельском хозяйстве снижение отдачи от прироста основного капитала, как можно предположить, связано с двумя основными причинами. Во-первых, в этих видах деятельности в течение длительного времени снижалась занятость, так что прирост капитала должен компенсировать сокращение числа работников. Во-вторых, в силу опережающего роста цен и тарифов на продукцию добывающих и инфраструктурных отраслей, прослеживается тенденция к повышению доли промежуточного потребления и снижению доли валовой добавленной стоимости в стоимостном объеме выпуска отраслей, производящих продукцию, предназначенную для конечного потребления.

Согласно прогнозам ИНП РАН [8], к 2030 г. ежегодные объемы инвестиций в топливно-энергетический комплекс России должны удвоиться по сравнению с уровнем 2000–2010 гг. При этом предполагается, что после 2020 г. рост физического объема добычи нефти пре-

кратится, после 2030 г. добыча нефти начнет сокращаться, несмотря на массивированные капиталовложения. Другими словами, при сохранении нынешней отраслевой структуры производства перераспределение инвестиций в пользу нефтегазового комплекса продолжится в обозримой перспективе и будет сопровождаться падением фондоотдачи как в самом нефтегазовом комплексе, так и в экономике в целом. При этом, как констатируют авторы прогноза, «высокие цены на энергоносители (в пересчете на ППС) в сравнении с другими странами лишают российскую экономику преимуществ на мировых рынках» [8, с. 5].

Если изменяется структура инвестиций по видам деятельности, изменяются значения коэффициентов γ и κ для основных видов деятельности в целом. Следовательно, изменяется агрегированный темп роста валовой добавленной стоимости при заданном объеме совокупных инвестиций.

Построение производственных функций по каждому из основных видов деятельности позволяет дать количественную характеристику зависимостей, выявленных на основе первичной обработки статистического материала, и определить влияние изменения каждого из двух основных объясняющих переменных – труда и капитала – на динамику валовой добавленной стоимости.

3. Эконометрический анализ производственных функций для основных видов экономической деятельности

3.1. Различные представления модели производственной функции

В общем виде производственная функция Кобба–Дугласа может быть записана в виде

$$Y_t = A_t K_t^\alpha L_t^\beta \exp(\varepsilon_t), \quad t = 1, 2, \dots, T, \quad (3.1)$$

где Y – выпуск, A – технологический коэффициент, K, L – нестохастические факторы производства (затраты капитала и труда), $\alpha, \beta > 0$ – коэффициенты эластичности по фондам и труду, ε – ошибка, t – момент времени. Ошибки $\varepsilon_1, \dots, \varepsilon_T$ предполагаются взаимно независимыми и одинаково распределенными нормальными случайными величинами.

Возможны следующие три случая:

$\alpha + \beta < 1$ – убывающая отдача от масштаба,

$\alpha + \beta = 1$ – постоянная отдача от масштаба,

$\alpha + \beta > 1$ – возрастающая отдача от масштаба.

В нашем случае $T = 9$, поэтому естественно предположить, что на достаточно коротком временном интервале (с 2006 г. по 2014 г.) технологический коэффициент A менялся незначительно. Уравнение (3.1) может быть преобразовано в классическое линейное уравнение регрессии с нестохастическими регрессорами $\log(K)$ и $\log(L)$.

$$\log(Y_t) = c + \alpha \log(K_t) + \beta \log(L_t) + \varepsilon_t, \quad (3.2)$$

где $c = \log(A)$.

Другое представление производственной функции при постоянном технологическом коэффициенте можно получить, если предположить, что мы располагаем реализацией значений переменных в уравнении (3.1) для некоторого момента времени $t_0 \neq 1, \dots, T$:

$$Y_{t_0} = AK_{t_0}^\alpha L_{t_0}^\beta \exp(\varepsilon_{t_0}). \quad (3.3)$$

В отличие от уравнения (3.1), где ε_t является случайной величиной, ε_{t_0} в (3.3) – фиксированное число, определяемое однозначно при данных значениях $Y_{t_0}, K_{t_0}, L_{t_0}$; A, α, β . Разделив почленно (3.1) на (3.3), мы получим уравнение для роста Y, K, L по отношению к моменту времени t_0 :

$$Y_t/Y_{t_0} = (K_t/K_{t_0})^\alpha (L_t/L_{t_0})^\beta \exp(\varepsilon_t - \varepsilon_{t_0}). \quad (3.4)$$

Перейдя теперь к логарифмам, получим следующее линейное регрессионное уравнение:

$$\log(Y_t/Y_{t_0}) = c' + \alpha \log(K_t/K_{t_0}) + \beta \log(L_t/L_{t_0}) + \varepsilon_t, \quad (3.5)$$

где $c' = -\varepsilon_{t_0}$.

Кроме того факта, что уравнения (3.4) и (3.5) могут быть применены в том случае, когда данные представлены в виде роста по отношению к некоторому моменту времени, они могут также оказаться полезными при построении модели для агрегированных данных с учетом спецификации видов деятельности народного хозяйства⁴.

3.2. Модели производственной функции по видам деятельности народного хозяйства

Для построения модели производственной функции использовались следующие данные Росстата⁵ с 2006 по 2014 г.:

⁴ Последнее будет продемонстрировано в подразделе 3.5 статьи.

⁵ www.gks.ru.

1. Индексы физического объема валовой добавленной стоимости (ВДС), в процентах к предыдущему году (в сопоставимых ценах).

2. Индексы наличия основных фондов, в процентах к предыдущему году (в сопоставимых ценах).

3. Динамика числа занятых работников по видам деятельности.

Все данные были приведены к единообразному виду, в процентах к 2005 г.

Так как в дальнейшем будут рассматриваться только логарифмы роста (по отношению к 2005 г.), то для краткости будем записывать y_t , k_t , l_t вместо $\log(Y_t/Y_{t_0})$, $\log(K_t/K_{t_0})$, $\log(L_t/L_{t_0})$. Все расчеты производились в статистическом пакете EViews 6.

1. Отбор моделей. Сначала для каждого вида деятельности мы построим модель (3.5) с регрессорами k и l . Если оба регрессора – значимые при уровне 5%, то модель принимается за рабочую. Если оба регрессора – незначимые, и нулевая гипотеза об одновременном равенстве нулю коэффициентов при регрессорах не отвергается, то модель исключается из дальнейшего рассмотрения.

В оставшихся случаях первоначальная модель (3.5) не отбрасывается автоматически, а рассматривается наряду с моделями (3.6) и (3.7):

$$y_t = c' + \alpha k_t + \varepsilon_t, \quad (3.6)$$

$$y_t = c' + \beta l_t + \varepsilon_t. \quad (3.7)$$

Окончательное решение принималось на основании сравнения значений АИК (информационный критерий Акайке) и скорректированных $R^2 = R^2_{adj}$ для моделей-претендентов. Также принималась во внимание экономическая обоснованность знаков коэффициентов.

Интересно отметить, что все отобранные модели, за исключением модели для вида деятельности «транспорта и связи», могли быть получены методом исключения, обычно применяемым при отборе моделей. Однако незначимость регрессора l в уравнении для «транспорт и связь» не могла явиться достаточным основанием для невключения его в окончательную модель, так как по двум другим критериям (R^2_{adj} и АИК) она превосходила альтернативные модели.

В производстве и распределении электроэнергии, газа и воды незначимыми оказались оба регрессора. В сельском и лесном хозяйстве, добыче полезных ископаемых и торговле оказался незначимым труд. В строительстве – основные фонды. Этим результатам оценивания производственных функций можно дать определенную экономическую интерпретацию.

В производстве и распределении электроэнергии, газа и воды в течение рассматриваемого периода валовая добавленная стоимость практически не росла, несмотря на рост наличных основных фондов

и числа занятых; колебания объема ВДС от года к году зависели не от прироста труда и капитала, а от других факторов.

В сельском и лесном хозяйстве в течение всего рассматриваемого периода происходило значительное сокращение числа занятых работников, поэтому весь прирост добавленной стоимости был обусловлен валовым накоплением капитала. При этом наблюдалась слабо возрастающая отдача от масштаба, поскольку природные условия для приложения капитала в сельском хозяйстве России (но не других стран) практически не ограничены.

В добыче полезных ископаемых в течение рассматриваемого периода рост валовой добавленной стоимости был медленным и неустойчивым. В силу ограниченности природных ресурсов отдача от дополнительных вложений труда и капитала снижалась, но поскольку рост наличных основных фондов значительно опережал рост числа занятых, весь прирост добавленной стоимости в этом виде деятельности можно вменить приросту капитала. Прирост капитала должен был компенсировать не только ухудшение природных условий добычи полезных ископаемых, но и более медленный рост (относительно прироста капитала) числа занятых.

Вид экономической деятельности, который в наших построениях обозначается как «торговля и ремонт», в действительности очень неоднороден. Он включает торговлю автомобилями, оптовую торговлю, розничную торговлю и бытовой ремонт. Доступная статистика не позволяет выделить основные фонды, число занятых работников и ВДС в каждом из подразделений данного агрегированного вида деятельности. Можно, однако, констатировать, что основная часть валовой сальдированной прибыли (82 % – по итогам 2015 г., 78 % – в январе–ноябре 2016 г.), т. е. наиболее подвижной, изменчивой части добавленной стоимости, приходится на оптовую торговлю, и предположить, с достаточной долей уверенности, что основная часть занятых работников приходится на розничную торговлю и бытовой ремонт. Следовательно, изменения в числе занятых работников (в основном в розничной торговле) слабо сказываются на изменении ВДС (детерминируемом в основном процессами в оптовой торговле). В силу неоднородности вида деятельности «торговля и ремонт», труд как регрессор в соответствующей производственной функции оказывается незначимым.

В строительстве, как ни в каком другом виде деятельности, динамика занятости, выпуска и добавленной стоимости подвержена резким циклическим колебаниям. Число занятых работников изменяется синхронно с изменением добавленной стоимости. Этим обусловлен тот факт, что на рассматриваемом отрезке времени, включающем два циклических спада, капитал, как регрессор в уравнении валовой добавленной стоимости, оказался для строительства незначимым.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что изменение валовой добавленной стоимости в модели Кобба–Дугласа может, при определенных условиях, определяться только одним фактором (трудом или капиталом). Второй фактор, хотя и присутствует, не несет информационной нагрузки при оценке изменения ВДС.

2. Модели. Следующая таблица содержит уравнения регрессий с соответствующими характеристиками для выбранных в предыдущем пункте моделей.

Таблица 3.1

Уравнения регрессий

	Модель	Значимость регрессоров	R^2
Сельское и лесное хозяйство	$y = 0,05 + 1,22*k$	k^{**}	$R^2 = 0,539$
Добыча полезных ископаемых	$y = -0,07 + 0,22*k$	k^{***}	$R^2 = 0,593$
Обрабатывающие производства	$y = 0,05 + 0,99*k + 1,74*l$	k^{***}, l^{***}	$R^2 = 0,949$
Строительство	$y = 0,14 + 0,99*l$	l^{***}	$R^2 = 0,850$
Торговля и ремонт	$y = 0,16 + 0,45*k$	k^{***}	$R^2 = 0,857$
Транспорт и связь	$y = 0,06 + 0,36*k + 1,33*l$	k^*, l	$R^2 = 0,859$

***, **, * – обозначают уровни значимости при 1, 5 и 10% соответственно.

Самые высокие значения коэффициента детерминации ($R^2 = 0,95$) оказались у модели «обрабатывающие производства», имеющей оба значимых регрессора.

3.3. Диагностирование моделей

Диагностирование модели состоит из ряда тестов, предназначенных для проверки исходных предположений модели. В нашей работе мы ограничились двумя тестами: на нормальность и автокорреляцию ошибок.

1. Тест на нормальность ошибок

Статистика Харке–Бера ($J - B$) применяется для проверки нулевой гипотезы о нормальности ошибок и вычисляется по формуле [9]⁶:

⁶ Тест Харке–Бера основан на сверке выборочных моментов (асимметрии и эксцесса) ошибок с соответствующими моментами нормального распределения.

$$J - B = N \left(\frac{S^2}{6} + \frac{K^2}{24} \right), \quad (3.8)$$

где S – выборочный коэффициент асимметрии, а K – выборочный коэффициент эксцесса для остатков регрессии. Большие значения статистики Харке–Бера свидетельствуют не в пользу нулевой гипотезы. Статистика Харке–Бера асимптотически подчиняется распределению χ^2 с двумя степенями свободы, χ^2_2 . Однако для малых выборок она может значительно отличаться от χ^2_2 и, вообще говоря, зависит от матрицы регрессоров Z . Тестирование ошибок регрессии на нормальность производилось для каждого вида деятельности отдельно в соответствии с приведенным ниже разработанным нами алгоритмом. 95%-ные квантили определялись методом Монте-Карло с числом испытаний $N = 10000$.

Алгоритм

1. Формируется матрица Z , соответствующая значениям регрессоров. Размерность Z будет 9×2 или 9×3 в зависимости от того, было ли в модели два или один регрессор. Первый столбец матрицы состоит из единиц, что соответствует свободному члену уравнения регрессии.

2. Вычисляется идемпотентная матрица

$$M = I_9 - Z(Z'Z)^{-1}Z', \quad (3.9)$$

где I_9 – единичная матрица порядка 9.

3. Генерируется случайная выборка размера 9 из нормального распределения $N(0; 1)^7$. Эта выборка соответствует ошибкам регрессии.

4. Находится девятимерный вектор остатков уравнения регрессии по формуле [10]:

$$e = M\varepsilon \quad (3.10)$$

где ε – девятимерный вектор ошибок из п. 3.

5. Вычисляются выборочные коэффициенты асимметрии и эксцесса S , K для вектора e из пункта 4.

6. Находится значения статистики Харке–Бера по формуле (3.8).

7. Пункты с 3 по 6 повторяются 10000 раз.

8. Полученные в п. 7 значения сортируются в порядке возрастания и находится 95%-ный квантиль.

⁷ Значение дисперсии σ^2 не влияет на результаты теста. Это следует из формул (3.8) и (3.10).

Таблица 3.2

Результаты тестов Харке–Бера

	Статистика Харке–Бера	95%-ный квантиль
Сельское и лесное хозяйство	1,720	2,205
Добыча полезных ископаемых	0,341	2,199
Обрабатывающие производства	0,833	2,044
Строительство	0,104	2,397
Торговля и ремонт	0,390	2,219
Транспорт и связь	1,607	2,555

Отметим, что 95%-ный квантиль для χ^2_2 равен 5,99. Так как значения статистики Харке–Бера не превосходят полученные методом Монте-Карло 95%-ные квантили, то нулевая гипотеза о нормальности ошибок регрессии не отвергается при 5%-ном уровне значимости ни для одного вида деятельности (см. табл. 3.2).

2. Тест на автокорреляцию ошибок

Ввиду очень небольшого количества наблюдений ($T = 9$) было принято решение не использовать асимптотические тесты, а ограничиться тестом Дарбина–Уотсона на наличие автокорреляции первого порядка между нормальными ошибками. За нулевую гипотезу принималось отсутствие автокорреляции.

Нулевая гипотеза об отсутствии положительной автокорреляции между ошибками не отвергалась во всех случаях. Нулевая гипотеза об отсутствии отрицательной автокорреляции не отвергалась во всех случаях, кроме «сельского и лесного хозяйства» и «транспорта и связи». В двух последних случаях вопрос оставался открытым.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что нулевая гипотеза об отсутствии автокорреляции между ошибками не отвергается ни для одного вида деятельности. Хотя в нескольких случаях вопрос остался открытым, тем не менее нет оснований полагать, что автокорреляция может послужить причиной для беспокойства.

3.4. Проверка гипотезы о постоянной отдаче от масштаба

За нулевую гипотезу принимается наличие постоянства отдачи от масштаба:

$$H_0 : \alpha + \beta + 1. \quad (3.11)$$

Нулевая гипотеза представляет собой ограничение, накладываемое на коэффициенты уравнения регрессии, и в случае нормальных ошибок тестируется с помощью F -теста. F -статистика следует F -распределению с i и j степенями свободы $F_{i,j}$, где i – количество линейных ограничений, а j равно разности между числом наблюдений T и числом коэффициентов (включая свободный член) $m + 1 : T - (m + 1)$.

Таблица 3.3

F -тест на постоянную отдачу от масштаба (по возрастанию отдачи от масштаба)

	$\hat{\alpha} + \hat{\beta}$	F -статистика	p -значение
Добыча полезных ископаемых	0,225 ($\beta = 0$)	120,177	0,000***
Торговля и ремонт	0,452 ($\beta = 0$)	62,079	0,000***
Строительство	0,989 ($\alpha = 0$)	0,005	0,944
Сельское и лесное хозяйство	1,218 ($\beta = 0$)	0,263	0,624
Транспорт и связь	1,691	1,238	0,308
Обрабатывающие производства	2,733	36,448	0,001***

Примечание: p – значения в последнем столбце даны для распределения $F_{1,6}$ для уравнений с двумя регрессорами и для распределения $F_{1,7}$ для уравнений с одним регрессором.

Можно заключить, что нулевая гипотеза не отвергается для видов деятельности «сельское и лесное хозяйство» и «строительство». Также она не отвергается для деятельности «транспорт и связь», несмотря на высокое значение $\hat{\alpha} + \hat{\beta} = 1,691$. Это объясняется тем фактом, что для малых выборок требуется достаточно большое значение показателя $\hat{\alpha} + \hat{\beta}$ (как, например, в случае «обрабатывающих производств»), чтобы отвергнуть нулевую гипотезу даже при 10%-ном уровне значимости.

Возрастающая отдача от масштаба в обрабатывающих производствах свидетельствует о росте производительности труда в этом виде деятельности, что подтверждается также большим коэффициентом при переменной l . Добыча полезных ископаемых характеризуется убывающей отдачей от масштаба, что объясняется убывающей производительностью дополнительных затрат труда и капитала в силу ограниченности природных ресурсов.

Судя по полученным результатам, убывающая отдача от масштаба характерна также для торговли, но в силу неоднородности агрегированных показателей по данному виду деятельности, этому факту трудно

дать экономическую интерпретацию с достаточной долей уверенности. Возможно, что снижение отдачи от масштаба в торговле обусловлено тесной зависимостью соответствующих индикаторов в данном виде деятельности и в отраслях нефтегазового комплекса, поскольку большая часть добавленной стоимости в торговле формируется за счет торговой наценки при реализации нефти, нефтепродуктов и газа.

Доступная статистика не позволяет количественно определить долю торговой наценки на энергоносители в валовой добавленной стоимости торговли в рассматриваемом периоде, поскольку публикуемые Росстатом в настоящее время таблицы «затраты – выпуск», в отличие от таблиц за 1995–2003 гг., содержат агрегированный показатель торговых и транспортных наценок. Согласно данным за 2003 г., валовая добавленная стоимость в отрасли «торгово-посреднические услуги» была равна 3547,2 млрд руб., торгово-посреднические наценки на продукцию нефтедобычи, нефтепереработки и газовой промышленности в сумме составляли 1473,5 млрд руб., или 41,5% от валовой добавленной стоимости данной отрасли.

3.5. Модель производственной функции для агрегированных данных

Рассмотрим модель Кобба–Дугласа в применении к агрегированной экономике РФ по семи⁸ видам деятельности народного хозяйства за 2006–2014 гг. (см. рис. 3.1).

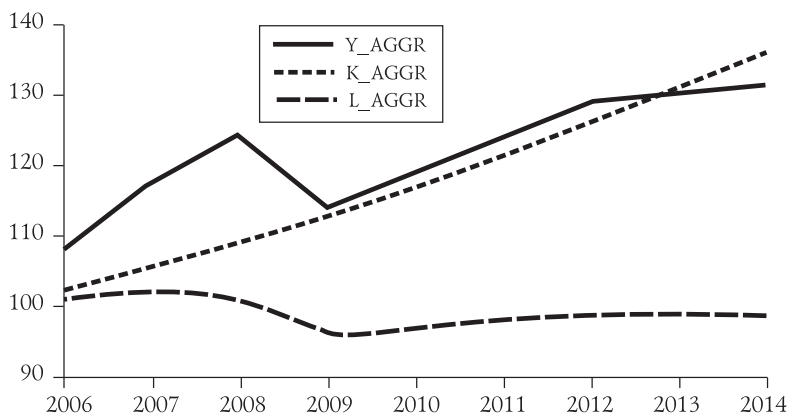

Рис. 3.1. Динамика изменения агрегированных индикаторов ВДС, труда и капитала, в % к 2005 г.

⁸ Вид деятельности «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» был также включен в агрегированные данные. Это объясняется тем, что, хотя этот вид деятельности отдельно и не описывается производственной функцией на данном периоде, его вес в экономике в целом значителен.

Данный период характеризовался монотонным ростом капитала (k_{aggr}) при нестабильном уровне занятости. Рост ВДС был прерван кризисом в 2009 г., с последующими возобновлением в 2010–2012 гг. и стагнацией в 2013–2014 гг. Модель Кобба–Дугласа, в процентах к 2005 г., выглядит следующим образом:

$$\log(Y_t) = c' + \alpha \log(K_t) + \beta \log(L_t) + \varepsilon_t, \quad (3.12)$$

где Y_t , K_t , L_t – рост ВДС, капитала и труда относительно к 2005 г.

Наряду с моделью (3.12) рассмотрим модель

$$\log(Y_t) = c' + \alpha \log(K'_t) + \beta \log(L'_t) + \varepsilon_t, \quad (3.13)$$

где K'_t , L'_t – рост капитала и труда (относительно 2005 г.), представленные, как средневзвешенные по видам деятельности. Таким образом, в любой период t :

$$K'_t = \sum_i \lambda_{it} K_{it}, \quad (3.14)$$

$$\sum_i \lambda_{it} = 1. \quad (3.15)$$

где K_{it} – рост капитала (относительно 2005 г.) вида деятельности i , а λ_{it} – удельный вес вида деятельности i в период t . Аналогичная формула верна для L' .

Результаты регрессий приведены в табл. 3.4.

Таблица 3.4

Агрегированные уравнения регрессии

Уравнение	Модель	Значимость регрессоров	R^2 , DW
3.12	$y = 0,1 + 0,66*k + 1,11*l$	k^{***}, l^*	$R^2 = 0,863$; DW = 1,60
3.13	$y = 0,08 + 0,43*k' + 1,27*l'$	k'^{***}, l'^{**}	$R^2 = 0,906$; DW = 1,29

Качество агрегированной модели с весами (3.13) выше, чем качество простой модели (3.12): оба коэффициента регрессии значимы при 1%, и значение коэффициента детерминации $R^2 = 0,906$ более высокое, чем у модели (3.12). Что же касается диагностических тестов, то нулевые гипотезы о нормальности остатков и об отсутствии автокорреляции не отвергаются ни для одного из уравнений. F -тест также не отвергает нулевую гипотезу о постоянстве отдачи от масштаба в обоих случаях. Коэффициент эластичности при капитале ниже, а при труде выше в уравнении с весами. В обоих случаях коэффициент эластичности при труде превосходит единицу, что, по всей видимости, указывает

на влияние латентной переменной технологического коэффициента. Также интересно отметить, что суммы оцененных коэффициентов эластичности $(\hat{\alpha} + \hat{\beta})$ примерно равны между собой ($\approx 1,7$) для обоих уравнений.

4. Оптимизационная задача

Рассмотрим следующую оптимизационную задачу в наиболее общем виде. Пусть имеются N различных видов экономической деятельности. Валовая добавленная стоимость Y_n для отрасли n зависит от целого ряда факторов $z_1, \dots, z_{m_n}$, одним из которых является основной капитал K_n . Фиксируем все остальные факторы, кроме K_n . В таком случае

$$\Delta Y_n \approx \kappa_n \Delta K_n, \quad (4.1)$$

где коэффициент κ_n , вообще говоря, зависит от данного значения K_n и значений остальных факторов.

Прирост основного капитала ΔK_n равен (см. формулу (2.4)):

$$\Delta K_n = \frac{\lambda_n I_s}{\gamma_n} - D_n. \quad (4.2)$$

Из формул (4.1) и (4.2) следует, что

$$\Delta Y_n = \kappa_n \left(\frac{\lambda_n I_s}{\gamma_n} - D_n \right). \quad (4.3)$$

Просуммировав ΔY_n от 1 до N , получим для суммарного изменения ΔY_s валовой добавленной стоимости

$$\Delta Y_s \approx \sum_{n=1}^N \kappa_n \left(\frac{\lambda_n I_s}{\gamma_n} - D_n \right). \quad (4.4)$$

Теперь мы можем сформулировать задачу следующим образом: как изменить значения долей

$$\lambda_1, \dots, \lambda_N, \quad \sum_{n=1}^N \lambda_n = 1, \quad (4.5)$$

так чтобы величина ΔY_s в формуле (4.4) увеличилась максимально. При этом предполагается, что перераспределению подлежит некоторая фиксированная сумма S_0 , то есть суммарное количество инвестиций, изъятых из одних видов деятельности и добавленных в остальные, не должно превосходить S_0 .

Рассмотрим новый набор долей:

$$\lambda'_1 = \lambda_1 + \Delta\lambda_1, \dots, \lambda'_N = \lambda_N + \Delta\lambda_N, \sum_{n=1}^N \Delta\lambda_n = 0. \quad (4.6)$$

В таком случае

$$\Delta Y_{s'} - \Delta Y_s \approx \sum_{n=1}^N \left(\kappa_n \frac{\Delta\lambda_n I_s}{\gamma_n} \right) = I_s \sum_{n=1}^N \left(\frac{\kappa_n}{\gamma_n} \Delta\lambda_n \right). \quad (4.7)$$

Так как суммарное значение инвестиций I_s не зависит от распределения долей, то задача может быть переформулирована следующим образом: найти значения

$$\begin{aligned} \Delta\lambda_1, \dots, \Delta\lambda_N, \quad \sum_{n=1}^N \Delta\lambda_n &= 0, \\ I_s \sum_{n=1}^N |\Delta\lambda_n| &\leq 2S_0, \end{aligned} \quad (4.8)$$

при которых выражение

$$\sum_{n=1}^N \left(\frac{\kappa_n}{\gamma_n} \Delta\lambda_n \right) \quad (4.9)$$

принимает максимальное значение.

Для этого надо взять $\Delta\lambda_{n'} = S_0/I_s$, при котором величина

$$v_n = \frac{\kappa_n}{\gamma_n} \quad (4.10)$$

принимает наибольшее значение и $\Delta\lambda_{n''} = S_0/I_s$, при котором v_n в формуле (4.10) принимает наименьшее значение. Другими словами, все доступные средства из вида деятельности с наименьшим значением v_n следует вложить в вид деятельности с наибольшим значением v_n ⁹. Инвестиции во все остальные виды деятельности при этом остаются без изменений. Из формулы (4.7) получим, что максимальное увеличение в валовой добавленной стоимости, соответствующее S_0 , определяется формулой

$$\Delta Y_{s'} - \Delta Y_s \approx S_0 (v_{\max} - v_{\min}). \quad (4.11)$$

При этом следует помнить, что решение задачи носит локальный характер, то есть все величины $\Delta\lambda_{n'}$, $n = 1, \dots, N$ принимают небольшие

⁹ Если таких видов деятельности несколько, то перераспределение между ними можно производить произвольным образом.

значения. Это связано с тем, что формулы (4.1), (4.3), (4.4) и (4.7) дают хорошие приближения только при малых значениях ΔK_n .

Величина v_n в формуле (4.10) является мерой эффективности инвестирования в данный вид деятельности (при относительно линейном характере зависимости прироста валовой добавленной стоимости Y_n от прироста основного капитала K_n и при фиксированном наборе остальных факторов $z_1, \dots, z_m$). Значение v_n возрастает как при увеличении прироста валовой добавленной стоимости на единицу прироста капитала – k_n , так и при уменьшении отношения инвестиций к валовому накоплению основного капитала – γ_n .

Таблица 4.1

Среднее значение показателя эффективности инвестирования $v_n = k_n / \gamma_n$ по основным видам деятельности (в порядке возрастания) за период 2011–2014 гг.

	v_n
Добыча полезных ископаемых	0,048
Транспорт и связь	0,108
Обрабатывающие производства	0,359
Строительство	0,706
Торговля и ремонт	0,772
Сельское и лесное хозяйство	1,00

В действительности инвестиции не могут распределяться произвольным образом между различными видами деятельности. Так, например, инвестиции в любой из видов деятельности не могут быть меньше износа D_n ; доли инвестиций в определенные виды деятельности (например, в отрасли инфраструктуры – транспорт и электроэнергетику), даже при низкой их номинальной эффективности, не могут быть уменьшены из соображений экономической безопасности или долгосрочного планирования. Поэтому целесообразно представить общий объем инвестиций I_s как сумму

$$I_s = I_{s'} + I_{s''}, \quad (4.12)$$

где: $I_{s'}$ – часть инвестиций, заданных априори и не подлежащих изменениям, а $I_{s''}$ – инвестиции, которые могут меняться. Таким образом, оптимизационная задача, рассмотренная выше, может быть применима в полной мере только к части $I_{s''}$.

Формула (4.11) для изменения агрегированной валовой добавленной стоимости при перераспределении инвестиций между различными видами деятельности может быть использована при стра-

тегическом планировании. Рассмотрим пример перераспределения инвестиций при упрощающем допущении: сокращается доля только одного вида деятельности (например, добыча полезных ископаемых и увеличивается доля также только одного вида деятельности (например, обрабатывающих производств).

Пример. Допустим, что инвестиции в добычу полезных ископаемых ограничиваются восполнением износа, а прироста основного капитала в этом виде деятельности не происходит. Коэффициент γ , связывающий валовое накопление капитала с инвестициями в добычу полезных ископаемых, равен 1,341. Следовательно, инвестиции, обеспечивающие восполнение износа, равного 1463,8 млрд руб., должны составить $1463,8 \times 1,341 = 1963,0$. Тогда инвестиции в добычу полезных ископаемых могут сократиться с 3098,8 млрд руб. до 1963,0, т. е. на 1135,8 млрд руб. Пусть инвестиции в обрабатывающие производства вырастут на ту же величину, т. е. до 4362,1 млрд руб. Тогда доля добычи полезных ископаемых уменьшается до 0,118, доля обрабатывающих производств увеличивается до 0,261.

Чистое накопление капитала в добыче полезных ископаемых равно нулю. Соответственно, равен нулю прирост добавленной стоимости. В обрабатывающих производствах, вследствие увеличения валового и чистого накопления капитала, прирост валовой добавленной стоимости увеличивается с 477,4 до 882,6 млрд руб. Совокупный прирост валовой добавленной стоимости по основным видам деятельности увеличивается с 1441,5 до 1791,2 млрд руб., т. е. в 1,24 раза. В такой же пропорции, с некоторым временным лагом, должен ускориться рост ВВП.

4. Выводы

Анализ временных рядов, описывающих динамику инвестиций, прироста капитала и валовой добавленной стоимости по видам деятельности, показывает, что в течение рассматриваемого периода растущие издержки в добыче полезных ископаемых обуславливали снижение эффективности дополнительных затрат капитала в экономике в целом. Производственные функции (типа функции Кобба–Дугласа) позволяют выделить вклад двух основных факторов – труда и капитала – в динамику валовой добавленной стоимости в каждом из основных видов деятельности, а также подтвердить в целом выводы, полученные на основе качественного анализа временных рядов. Следует также отметить, что при определенных условиях изменение валовой добавленной стоимости в модели Кобба–Дугласа может определяться только одним фактором (трудом или капиталом). Второй фактор, хотя и присутствует, не несет информационной нагрузки при оценке изменения величины добавленной стоимости.

Поскольку значительная часть валютных поступлений от экспорта используется для вывоза капитала и выплаты доходов иностранных инвесторов, регулирование трансграничного движения капитала позволило бы сократить экспорт нефти и газа без ущерба для импорта товаров и услуг и внутренней экономики в целом. В среднесрочной перспективе ориентация нефтегазового комплекса в основном на удовлетворение внутренних потребностей в энергоносителях позволила бы качественно снизить издержки добычи и транспортировки нефти и газа, перераспределить инвестиции в пользу отраслей, обеспечивающих экономический рост и технический прогресс.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьев А.А., Пономарева О.С.* Производственная функция народного хозяйства России // Экономика и математические методы. 2014. № 4.
2. *Буданов И.А.* Ресурсы и условия развития инфраструктуры в РФ // Проблемы прогнозирования. 2013. № 5.
3. *Кириллук И.Л.* Модели производственных функций для российской экономики // Компьютерные исследования и моделирование. 2013. Т. 5. № 2.
4. *Корнев А.К.* Потенциал обновления производственного аппарата реальной экономики // Проблемы прогнозирования. 2013. № 3.
5. *Мамонов М.Е., Пестова А.А.* Анализ технической эффективности национальных экономик: роль институтов, инфраструктуры и ресурсной ренты // Журнал новой экономической ассоциации. 2015. № 3.
6. *Мамонов М.Е., Пестова А.А., Сабельникова Е.М., Апоков А.Ю.* Подходы к оценке факторов производства и технологического развития национальных экономик: обзор мировой практики // Проблемы прогнозирования. 2015. № 6.
7. *Синяк Ю.В., Колпаков А.Ю.* Анализ динамики и структуры затрат в нефтегазовом комплексе России в период 2000–2011 годов и прогноз до 2020 года // Проблемы прогнозирования. 2014. № 5.
8. *Синяк Ю.В., Некрасов А.С., Воронина С.А., Семикашев В.В., Колпаков А.Ю.* Топливо-энергетический комплекс России: возможности и перспективы // Проблемы прогнозирования. 2013. № 1.
9. *Jarque C.M., Bera A.K.* A Test for Normality of Observations and Regression Residuals // International Statistical Review. 1987. 55 (2).
10. *Mittelhammer R., Judge G., Miller D.* Econometric Foundations. Cambridge University Press, 2000.

ABOUT THE AUTORS

Vitaliy Efimovich Manevich – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Research Direction «Economic Policy» of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. manevitch.vitaly@yandex.ru.

Lev Naumovich Slutskin – Ph. D. in Mathematics, Leading Researcher of the Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia. levslutskin@yandex.ru.

THE LONG-TERM MARCOECONOMIC FACTORS AFFECTING THE DYNAMICS OF THE RUSSIAN ECONOMY

The article presents analysis of dependence of the dynamics of the gross value added in the Russian economy on the efficiency of investments in various activities and on the sectoral structure of investments. It is concluded that the redistribution of investments between activities, could contribute to accelerating of Russian economic growth without increase in the share of savings and the total investment. The construction and econometric analysis of production functions make it possible to quantify the dependencies postulated on the basis of the primary processing of statistical material and to reveal the effect of changes in the two main explanatory variables, labor and capital, on the dynamics of gross value added. The article also formulates optimization task of redistribution of investments between activities and its solution is given.

Keywords: *investment, capital formation, value added, activities.*

JEL: C1, E22.

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Г.А. МАСЛОВ

аспирант Экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

ПРОБЛЕМЫ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В статье рассматриваются теоретические аспекты продолжительности рабочего времени. Показаны технико-экономические основания проблемы. В частности, то, что за технологическими сдвигами следует рост внимания к вопросу объема труда. С увеличением производительности производства создается запрос на смягчение условий труда. Существуют предпосылки для сокращения рабочего времени в ближайшее время, что делает вопросы условий труда и количества рабочего времени более актуальными.

Ключевые слова: рабочее время, условия труда, экономическая мысль, политическая экономия, свободное время.

JEL: B10, B20, J81.

Проблема продолжительности рабочего времени и условий труда работников в настоящее время редко поднимается в экономической науке. Исключением можно назвать отдельные гетеродоксальные направления левого толка, не влияющие существенно на «лицо» теории, формируемое доминирующими школами. Количество общественных человеко-часов трактуется как изначально заданное, определяемое техническими инструкциями, а не как результат гибкого общественного соглашения. Поэтому важно выделить условия, при которых формировались и развивались теоретические положения, касающиеся рабочего времени, отметить их роль в трактовке проблемы. Учитывая значительные качественные трансформации мировой экономической системы, бурное развитие технико-экономических элементов процесса производства, логично поставить вопрос о содержании и продолжительности труда в современной экономике. Стремительное инновационное развитие ведущих стран на пороге четвертой промышленной революции приводит к системным изменениям, в т. ч. в характере труда, его интенсивности и продолжительности. Эти

изменения в значительной степени определяются технологическими особенностями процесса производства.

Обращаясь к истории, можно получить ценный материал для изучения будущей реактуализации проблемы продолжительности рабочего времени, учитывая генезис тех или иных теоретических концепций. Кроме того, сопоставляя исторические условия с вызовами практики настоящего и будущего, можно очертить примерные контуры и направления будущих исследований.

Наиболее значительные сдвиги в сторону снижения рабочего времени произошли в XX в. (см. табл. 1), хотя существенные улучшения начали происходить уже во второй половине XIX в. Теоретическая актуальность проблемы рабочих часов в этот период становилась тем меньше, чем большее время для отдыха получали рабочие.

Таблица 1

**Ежегодное число рабочих часов на одного трудящегося
в Великобритании, Германии, Франции, США**

Страна\год	1870	1900	1913	1950	1973	1995	2005
Великобритания	2755	2656	2656	2112	1919	1667	1624
Германия (с 1950г. и далее – Западная Германия)	3284	3056	2723	2372	1532	1494	1437
Франция	3168	3115	2933	2233	1540	1650	1529
США	3096	2938	2900	2016	1898	1853	1791

Источники: [5, с. 437], [11, р. 43].

Продолжительность рабочего времени является неотъемлемой и одной из главных составляющих условий труда. Потенциальный работник при приеме на работу будет в первую очередь интересоваться размером заработной платы, характером и режимом работы и, безусловно, количеством рабочих часов. Этим априорно заявляется важность продолжительности труда. В истории экономической мысли непосредственное обсуждение проблемы объема рабочего времени встречается редко. Но учитывая, что условия труда, положение рабочего (безотносительно к его зарплате) неизбежно включают проблему продолжительности труда, окажется, что наука так или иначе формировала систему взглядов на данную тему. При этом важно сопоставить теоретические взгляды на проблему с технико-экономическими условиями того или иного периода развитых национальных экономик. Выбор временного промежутка объясняется зрелостью капитализма со свойственными ему отношениями работников и их нанимателей,

принципами заключения договоров и другими характерными особенностями экономической системы.

В период господства классической политической экономии апологеты свободного рынка очень редко обращались к теме количества общественных рабочих часов, воспринимая его как величину, определяемую естественным путем. Так, Дж.Ст. Милль, державший относительно «компромиссную» линию в дискуссиях о благотворных сторонах промышленного капитализма и его пороках, оправдывал существовавший порядок организации и продолжительности труда. Больше внимание уделил этой теме Н.У. Сениор, чью позицию можно выразить в цитате: «При естественных отношениях между капиталистом и рабочим, когда сумма заработной платы и размер выполненной работы являются предметом свободной и открытой сделки... Напряжение усилий и строгая бережливость [рабочего] – вот его первые помощники в нужде» [8, с. 464]. Критика этой концепции содержится в параграфе «Капитала» К. Маркса «Последний час Сениора».

Критики капитализма первой половины XIX в., в первую очередь английские социалисты, левые рикардianцы, развившие положение Д. Рикардо о делении между зарплатой и прибылью неизменного общего размера стоимости, фиксировали явление эксплуатации, недоплату рабочим за их труд. В то же время следует отметить, что обосновывая несправедливость условий обмена на рынке труда, авторы в большей степени подчеркивали необходимость дополнительной финансовой компенсации рабочим, а не сокращения рабочего дня при сохранении текущей зарплаты. Это можно объяснить недостаточным уровнем производительности труда для обеспечения базовых потребностей широких групп населения – важнее было увеличивать доходы, а не свободное время. Тем не менее при констатации несоответствия между большими трудовыми усилиями и вознаграждением имплицитно подразумевается чрезмерность объема работы на действующих рыночных условиях.

С критикой сложившейся системы выступали и французские утописты. А. Сен-Симон выступал за создание индустриальной организации с научной системой планирования, предполагающей более благоприятные условия труда. Однако в большей степени непосредственно проблеме характера работ и их продолжительности внимание уделил Ш. Фурье. Он предлагал внедрение разнообразия труда, средства повышения его привлекательности. Перспективы сокращения рабочего времени отражались в положении о социальных «паразитах», согласно которому примерно $\frac{2}{3}$ населения пользуются благами, созданными другими, и не производят соответствующего объема общественно полезной продукции. Следовательно, при сокращении их доли открываются возможности для смягчения условий труда «производительных» слоев населения.

Много внимания проблеме рабочего дня уделил К. Маркс: в первом томе «Капитала» выделена целая глава «Рабочий день». В этой главе содержится история нарождающегося рабочего движения Англии середины XIX в. не только за увеличение заработной платы, но и за сокращение рабочего дня. К. Маркс суммировал суть требований рабочего, выразившись от его имени: «Я требую нормального рабочего дня, потому что, как всякий другой продавец, я требую стоимости моего товара» [6, с. 269]. С теоретической точки зрения ключевыми стали обоснование абсолютной прибавочной стоимости и выделение необходимого рабочего времени в рамках общего. Тем самым прямо показывалась избыточность навязываемого капиталистом реального объема работы, так как базовые потребности рабочего могли удовлетворяться и при меньшем количестве часов. При достижении определенного приемлемого уровня дохода, но сохраняющихся тяжелых условиях труда, логичным образом проблема эксплуатации рассматривалась не только под углом недостаточности уровня зарплаты, но и чрезмерности объема работы.

Увеличение производительности труда на рубеже XIX–XX веков, внедрение достижений второй научно-технической революции, сопровождавшееся в том числе и новыми формами организации производства, заметно повысило уровень доходов всех слоев населения. Имелся большой ресурс для увеличения уровня жизни, при том что принципиально проблема социальной, классовой дифференциации не разрешилась.

Этот период можно назвать самым интенсивным с точки зрения борьбы за сокращение рабочего дня со стороны рабочих, что соответствующим образом отражалось и в теории. Прежде всего к данному вопросу обращались марксисты, в текстах которых темы условий труда занимали важное место наряду с освещением новых явлений капитализма: монополизма, империализма, финансового капитала. Стоит при этом отметить, что среди авторов была определенная степень «специализации». Например, К. Каутский основное внимание уделял ситуации в аграрном секторе, В.И. Ленин обращался к особенностям «потогонной» системы тейлоризма. Безусловно, выделялись и национальные различия.

Более умеренную позицию занимали представители так называемой новой немецкой исторической школы. Они выступали за идею организации и поддержки отстаивающих права рабочих институтов (фонды взаимопомощи, профсоюзы, различные виды коопераций). В теоретической части важное место в качестве обоснования занимала этическая составляющая. В то же время нужно отметить неоднородность взглядов по этому вопросу внутри школы. Так, Г. Шёнберг, polemизируя с Л. Брентано, подчеркивал, что нельзя переходить определенную границу, слишком близко подходя к социализму. Например,

если ввести восьмичасовой рабочий день, то чрезмерный досуг может привести к развращению работника. Но определенное смягчение условий труда необходимо. Он указывал, что разумное сокращение рабочего дня не только не приведет к падению производства, но напротив, способно дать ему дополнительные стимулы. Близкую позицию занимал и лидер направления Г. Шмоллер.

Маржинализм, исходя из своих методологических основ, специально не поднимал вопрос отношений внутри производства и условий труда. Но имеются и исключения. Например, Ф. Визер обосновывал поощрение деятельности профсоюзов, смягчающих чрезмерное социальное расслоение. Говоря в целом, маржиналистская революция не привела к появлению новой теории, касающейся норм и продолжительности труда.

Отдельно следует сказать о взглядах А. Маршалла, во многом соединившего достижения классической политической экономии и первых маржиналистских направлений. Он отмечал, что экономическая наука не может избегать общих проблем гуманизма и поиска их решений на основе соблюдения взаимных интересов. Условия на производстве – одна из этих проблем, и в данном случае рабочее движение играет основную роль. А. Маршалл, однако, писал, что в ряде случаев самим капиталистам выгоднее сократить рабочий день, например, организовав две смены «неуставших» работников с целью постоянства работы машин¹.

Школа «традиционного» американского институционализма не сосредоточивалась на марксистском делении работник-капиталист с целью раскрытия противоречий в отношениях между ними. Однако выделялись общественные группы, имеющие специфические интересы и проводящие собственную линию поведения. На этой основе закладывались базовые теоретические положения, опосредованно влиявшие на вопросы условий труда. Важно, что они реализовывались в благотворном для класса рабочих ключе, когда институционалисты занимали высокие государственные посты. Ревизия концепции «экономического человека», в частности, доказывала принципиальность ухода от сугубо рыночных критериев благосостояния, от необходимости безудержного стремления потреблять как можно больше, в том числе и за счет чрезмерного количества работы.

После окончания Второй мировой войны актуальность проблемы объема работы как условия трудового договора резким образом снизилась: в развитых странах: был введен восьмичасовой рабочий день, приняты нормы, гарантирующие приемлемые условия труда. Исключением

¹ «Предпринимателю часто выгоднее платить каждой из двух смен рабочих столько же за 8-часовой рабочий день, сколько он теперь платит за 10-часовой рабочий день в одну смену» [7, с. 465].

была и остается Япония. В богатых США объем рабочего времени ненамного, но все же больше, чем в наиболее развитых европейских странах [13, р. 29, 31]. Нельзя однозначно сказать о роли всех факторов (например, большие возможности для женщин на рынке труда), предопределивших данные благоприятные для работников условия. Но можно уверенно сказать о важности возросшей производительности труда.

В теории существовало несколько подходов к вопросу общих условий труда. Кейнсианский и некейнсианский мейнстрим придерживались подхода стимулирования спроса и недопущения чрезмерного разрыва в уровне доходов. Его представители поэтому выражали как минимум частичное одобрение силам, сдерживавшим потенциальный разрыв в уровнях благосостояния, в частности, профсоюзам. Так называемые «левые» кейнсианцы (М. Калецкий, Дж. Робинсон, П. Сраффа,...) еще незадолго до Второй мировой войны с макроэкономических позиций подходили к вопросу поддержки рабочего движения. Последователи традиционного институционализма Ф. Перру и Дж.К. Гэлбрейт, внося вклад в исследование и разработку систем планирования, также поддерживали эту позицию.

Отдельно следует отметить «технологическое» направление второй половины XX в. Их представителей объединял взгляд на общество как на проекцию господствовавших в нем технологических условий, определяющих не только сугубо экономические элементы, но и характер жизнедеятельности людей в широком смысле. При этом конкретная предметная специализация и политические рекомендации могли значительно различаться. Например, Ж. Фурастье обращался к психофизиологическим последствиям технического прогресса для населения, изменяющимся моделям поведения. Он интерпретирует развитие сферы услуг как появление предпосылки для «стабильного» функционирования экономики. Т. Стюарт выделял явления информатизации, «интеллектуальных компаний». Одной из основ теории Э. Тоффлера было деление развития общества на три стадии (три волны). На будущей, третьей стадии снимутся особенности нынешней, второй стадии, заключающиеся в системах стандартизации, специализации, синхронизации, концентрации, максимизации, централизации.

Человек в долгосрочной перспективе получает больше свободного времени и более комфортное рабочее место за счет роста общей производительности. В то же время он все больше зависим от технологий, и его деятельность во многом лишь подстраивается под особенности техники при производстве товаров.

В настоящее время все более востребованы научные результаты неoinституционализма, теории человеческого капитала, хотя и с самого начала своего распространения в XX в. они привлекали к себе большое внимание. Применительно к вопросу условий труда стоит сказать

о теории контрактов и проблеме «принципал-агент». Затрагиваемые темы становятся особо востребованными в наше время. Подтверждение этому – Нобелевская премия 2016 г., врученная О. Харту и Б. Хольмстрему за «вклад в теорию контрактов» [14]. Схожими проблемами среди макроэкономистов также занимаются «новые кейнсианцы» (Дж. Стиглиц², Дж. Акерлоф, ...). В значительной степени это можно объяснить усложнением процесса производства и внутрифирменных взаимодействий, наличием уникальных способностей и знаний у работников «интеллектуальных» индустрий, и, соответственно, необходимостью разрабатывать механизмы контроля, создания стимулов, поиска эффективной модели составления трудовых договоров. Теория человеческого капитала, рассматривая человека как носителя специфических знаний и навыков, описывает и возможности сторон (работника и нанимателя) в переговорном процессе.

Практическим результатом стала более гибкая система стимулирования квалифицированных сотрудников, включающая в себя большую свободу в составлении рабочего графика, сокращение продолжительности работы, меньшую привязку к рабочему месту. Однако речь идет главным образом о небольшой (хотя и «авангардной», с точки зрения развития, экономики) категории работников.

Характеризуя эволюцию взглядов на проблемы продолжительности и характера работы, можно говорить о значительной роли технико-экономических условий в распространении соответствующих теорий при безусловном признании возможности существования других основополагающих факторов.

Упрощенную схему можно представить следующим образом. Капитализм на позднем мануфактурном этапе и в период промышленной революции обнажил противоречия между собственниками материальных средств производства и наемными рабочими. Социалисты, высвечивая пороки такой системы, говорили о тяжелых условиях труда, но в первую очередь акцентировали внимание на недостаточном уровне зарплаты. При повышении производительности труда в большей степени стали освещаться продолжительность и интенсивность работы, так как появились резервы для их снижения. Дальнейшее технологическое развитие, новым толчком к которому стала вторая научно-техническая революция, вкупе со значительным ростом зарплаты, и вовсе поставило проблему рабочего времени и условий труда на самые передовые позиции в сравнении с предыдущими и будущими эпохами.

² Нужно сказать, что Дж. Стиглиц уделял внимание и формированию потребительских предпочтений, ориентированных во многом на поведение индивидов. Эти предпочтения также влияют на важность досуга в глазах отдельного рыночного агента [12].

После кардинального улучшения условий труда и практически повсеместного введения восьмичасового рабочего дня в развитых странах логичным образом снизился градус дискуссий. Однако усложнившаяся экономическая система, как оказалось, подверженная масштабным разрушительным кризисам, требовала внешних инструментов поддержки рабочего движения. Это нашло свое отражение в теории.

Информационная революция, выведя существенную часть населения из сферы физического труда и сгенерировав спрос на высококвалифицированных работников с уникальными знаниями, стала предпосылкой их активного стимулирования улучшенными условиями труда. Отдельные профессии, связанные с компьютерными технологиями, имеют широкий выбор объема, времени и места работы. В данном случае роль конкурентного рыночного механизма оказалась куда более значимой по сравнению с деятельностью рабочего движения (которое в последнее время переживает далеко не лучшие времена) сравнительно с периодом рубежа XIX–XX вв. Однако настоящего скачка в области сокращения рабочего времени не произошло.

Дальнейший технический прогресс в условиях ожидаемой так называемой четвертой научно-технической революции еще больше увеличит соотношение мощности производительных сил и общественного рабочего времени. Тем самым появятся основания для его сокращения. Если использовать термины неоклассики, предельная полезность досуга должна становиться более привлекательной сравнительно с убывающей полезностью потребления по мере его увеличения (интересно, что мейнстримом сегодня это вспоминается крайне редко).

Вероятнее всего, большее значение будут иметь качественные изменения, а не количественные, – в виде большей производительности и потребления.

Во-первых, автоматизация производства позволит частично или даже полностью заменить человека во многих профессиях, то есть для воспроизводства будет достаточно меньшего количества человеко-часов. Не стоит, правда, забывать о современной демографической структуре в развитых странах, которой присуще старение население и сокращение его экономически активной доли. Рецепт от массовой безработицы должно стать сокращение совокупного рабочего времени с параллельным переобучением “высвобождаемых”.

В марксистской школе принципиальным вопросом является выделение свободного времени для творческого развития человека в рамках общего объема времени, не приходящегося на обязательную работу³.

³ При этом всестороннее развитие человека подразумевается высшей ценностью, а свободное время – основной дорогой к его достижению. Стоит выделить работы советского политэконома П. Кузнецова [9], современных исследователей А.В. Бузгина и А.И. Колганова [1].

Творческая деятельность в силу самого своего характера способна по факту стереть грань между свободным и рабочим временем, если речь идет о труде, которым человек желает заниматься добровольно и без финансового вознаграждения.

Таким образом, встает вопрос о том, чем человек будет занимать себя и как самореализовываться в условиях большого количества нерабочего времени. Объем работы, характер труда (и отдыха) в значительной степени будут определяться устремлениями и ценностями людей, культурными установками, которые ключевым образом формируются внешней средой. На указанные факторы обращал внимание и Дж.М. Кейнс в своей футурологической статье «Экономические возможности наших внуков» [4], где он предполагал наличие в развитых странах пятнадцатичасовой рабочей недели, что кардинально изменит все общество. Наступление этой новой эры представлялось автору реальным через 100 лет, то есть уже при жизни сегодняшнего поколения.

Во-вторых, работники креативного труда, доля которых возрастает и они становятся все более необходимыми для развития экономики, в своей продуктивной деятельности не могут быть ограничены строгими рамками регламентированной и продолжительной работы. Как пишет Д. Джаббаров, «креатоемкое содержание труда...предполагает развитие форм и институтов...ориентированных на прогресс человеческих качеств [2, с. 72]», что, в свою очередь, требует достаточного свободного времени для отдыха и постоянного обучения.

В-третьих, хотя «грязные» производства активно переносятся в развивающиеся страны, снижение объемов выпускаемой продукции за счет сокращения рабочего времени в развитых странах необходимо для решения современных и ожидаемых в будущем экологических проблем⁴. Таким образом, создаются объективные предпосылки для усиления внимания к идее сокращения рабочего времени в научных и публицистических пространствах. Важно понимать, в рамках каких теоретических парадигм будут проводиться исследования проблем рабочего времени и условий труда. Вероятно, станет востребована фундаментальная теория, условно говоря, политическая экономия второго поколения. На ведущие позиции способны выйти институционализм, науки о человеке, его поведении и мотивациях. Будет востребован широкий междисциплинарный подход.

Проблемой условий труда обычно больше занимались экономисты, сочувствующие левому политическому флангу. Так, можно отметить подход А.Г. Худокормова, связывавшего перемену лидерства «левых» и «правых» теорий с циклами Н.Д. Кондратьева [10]. Если имело место

⁴ См., например, данные ООН по экологии и глобальным стратегиям обеспечения устойчивого «зеленого» развития: www.greeningtheblue.org.

чередование «левых» и «правых» направлений, то можно говорить и о цикличности внимания к проблеме условий труда и, в частности, его продолжительности. «Левые» теоретики не могли избежать этой темы. В то же время существуют объективные условия обращения к данному вопросу у «правых» и «центристов», хотя они всегда это делали в меньшем объеме. Из этого следует, что если сейчас пришло время критики капитализма после господства монетаризма и теории рациональных ожиданий, то возникает дополнительная предпосылка интенсификации исследований проблем рабочего времени и характера труда.

Однако любая генеральная тенденция обычно сопровождается рядом изменений первоначальной траектории. Поэтому не следует к ней относиться как к буквальному и детальному прогнозу. Например, культурные факторы в Японии и отчасти в США предопределяют меньший период отдыха работников. Нельзя также отрицать зачастую противоречивые интересы работников и их нанимателей, когда профсоюзы способствуют достижению более мягких условий труда.

Необходима также более достоверная и дифференцированная статистика, а не только общие усредненные показатели. Так, за одинаковыми средними данными по количеству рабочих часов в неделе может скрываться умеренное расслоение среди работников. Возможна и ситуация, когда одна многочисленная группа привязана к *part-time job*, а у других наблюдается сильно загруженный график. Это явление регулярно встречается на практике.

Наиболее квалифицированные работники, имея свои козыри в договорах об условиях труда, могут столкнуться с ограниченным спросом на свой труд. Не исключено, что тогда эти козыри будут биты. Кроме того, при неустойчивости мировой экономики и хронической проблеме безработицы работники будут «цепляться» за занятость, жертвуя своим свободным временем. Как писал Дж.М. Кейнс, «Для человека, который долго оставался безработным, некоторые трудовые затраты не только не будут в тягость, но, напротив, могут доставлять ему удовлетворение» [3, с. 128].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х тт. Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015.
2. Джаббаров Д.Б. Прогресс человеческих качеств: рыночные и пострыночные механизмы стимулирования социально-экономического развития // Экономическое возрождение России. 2016. № 4.
3. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / Пер. с англ. проф. Н.Н.Любимова. М.: Гелиос АРВ, 2012.
4. Кейнс Дж.М. Экономические возможности наших внуков (послесловие Д. Шестакова) // Вопросы экономики. 2009. № 6. Первый перевод оригинальной статьи на русский.

5. Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Т. 2: 1870 – наши дни / Пер. с англ. Н.Эдельмана / Под ред. Т. Дробышевской. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
6. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Т. I: [пер. с нем., фр., англ.] / Карл Маркс; [введ. О.И. Ананьина; предисл. Л.Л. Васиной, В.С. Афанасьева]. М.: Эксмо, 2011. (Капитал. Карл Маркс).
7. Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Прогресс, 1993.
8. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. / Сопред. редкол. Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов. Т. I. От зари цивилизации до капитализма / Отв. ред. Г.Г. Фетисов. М.: Мысль, 2004.
9. По ту сторону отчуждения (сборник политико-экономических гипотез). М.: Изд-во МГУ им.М.В. Ломоносова, 1990. С. 227– 251.
10. Худокормов А.Г. Развитие экономической мысли через ее периодические кризисы (к вопросу об общем принципе эволюции мировой экономической теории в XX веке). М.: Институт экономики Российской академии наук, 2012.
11. Huberman M. Working Hours of the World Unite? New international evidence of worktime, 1870–2000 / CIRANO Scientific Series 2002s-77 (Montreal, CIRANO), 2002.
12. Stiglitz J. Toward a General Theory of Consumerism: Reflections on Keynes's Economic Possibilities for our Grandchildren / Revisiting Keynes: Economic Possibilities for our Grandchildren. MIT Press, 2008
13. Working Time Around the World. Trends in working hours, laws and policies in a global comparative perspective. Sangheon Lee, Deirdre McCann and Jon C. Messenger / Routledge, 2007.
14. www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/2016/ Раздел, посвященный премии памяти А. Нобеля по экономике за 2016 г. на сайте Нобелевского комитета.

ABOUT THE AUTHOR

Gleb Andreevich Maslov – post-graduate student of the Faculty of Economics, Moscow State University named after M.V. Lomonosov Moscow, Moscow, Russia. glemiach@yandex.ru.

WORKING TIME ISSUES IN ECONOMIC THEORY

The article deals with theoretical aspects of working hours. The technical and economic grounds of the problem are shown. In particular, the fact that technological changes are followed by an increase in attention to the issue of the volume of labor. With the increase in production productivity, a request is made for the softening of working conditions. There are prerequisites for reducing working hours in the near future, which will make the issues of working conditions and the number of working hours more relevant.

Key words: *working time, working conditions, economic thought, political economy, free time.*

JEL: B10, B20, J8.

А.А. ЦЕЛУЙКО

аспирантка Тюменского государственного университета (ТюмГУ),
кафедра экономической теории и прикладной экономики

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ОТКРЫТОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

В статье представлены результаты теоретического анализа национальных инновационных систем (НИС), а также роли международных отношений в их развитии. Автором исследованы концепции открытой национальной инновационной системы (ОНИС), проанализирован процесс трансформации знания в открытой системе, выделены меры государственной политики, реализация которых может способствовать открытию границ национальной системы.

Ключевые слова: национальная инновационная система, интернационализация инноваций, абсорбционная способность государства, открытые инновации, открытая национальная инновационная система.

JEL: F020.

Сырьевая модель развития экономики России в последние годы показывает свою непригодность. Все более актуальным для страны становится инновационный путь развития. Важно также понимать, как осуществить переход от экспортно-сырьевой модели к инновационной социально ориентированной [34]. В этой связи особое значение приобретают возможные пути становления и развития национальной инновационной системы государства. Одним из таких направлений является «открытие» границ системы для интеграции в международное пространство.

Для обоснования данного направления в качестве инструмента инновационного развития и, как следствие, повышения уровня конкурентоспособности страны в целом, обратимся к теоретическим основам, т. е. – сопутствующим инновационной открытости понятиям и явлениям. Это поможет обосновать авторское понимание концепции открытой национальной инновационной системы и возможные стратегические направления инновационного развития страны. При этом знания, полученные в той или иной стране, все чаще переходят национальные границы и способствуют росту производительности в других географических районах [5]. В эпоху глобализации между-

народное сотрудничество реализуется не только через торговые отношения, но и посредством обмена опытом и знаниями в области инновационного развития. Международные процессы влияют на развитие национальной инновационной системы, усиливают сотрудничество между внутренними и внешними агентами и компонентами [10], [16].

Концепция национальной инновационной системы во многом была предвосхищена в работах известного германского экономиста Ф. Листа. Лист изучал феномен национальных экономических систем, обосновывая невозможность существования абстрактной хозяйственной деятельности, оторванной от присутствующих на конкретной территории институтов и социальных структур.

Как отмечают Б. Джонсон, Ч. Эдквист, Б. Лундвалл [17], впервые понятие «национальная инновационная система» появилось в неопубликованной работе К. Фримена (1982 г.). Он работал для экспертной группы Организации экономического сотрудничества и развития по науке, технологиям и конкурентоспособности. В его труде «Технологическая инфраструктура и международная конкурентоспособность» особое значение придавалось активной роли правительства в продвижении технологической инфраструктуры [14].

Р. Нельсон, Ч. Эдквист, С. Меткалф и другие исследователи указывали, что границы национальной инновационной системы должны быть четко определены. Тем самым они ограничивали функционирование НИС определенными рамками [11], [20]. Однако, на наш взгляд, несмотря на дифференциацию стран по географическим и технологическим признакам, инновационные системы в современном мире следует все же рассматривать как открытые системы.

В последние годы широкое распространение получил термин «открытые инновации», введенный Х. Чесбро. Он предполагает использование знаний, поступающих не только из внутренней среды предприятия, но и из внешней среды, для ускорения процесса генерации инноваций внутри предприятия, а также для расширения рынка внешнего использования инноваций [7].

Концепция открытых инноваций применима на макроуровне, то есть не для отдельной компании или региона, а для страны в целом. Открытая национальная инновационная система (ОНИС) ориентирована не только на внутреннюю, но и на внешнюю среду. Под внешней средой мы понимаем совокупность объектов, которые находятся за границами системы, воздействуют на нее, но не принадлежат ей, а под внутренней средой – совокупность объектов, находящихся в рамках системы, влияющих на ее поведение и принадлежащих ей.

В настоящее время в научной литературе нет единого определения открытой национальной инновационной системы и не сформирована общепринятая концепция функционирования ОНИС. Так, С. Барто-

ломью исследовал взаимодействие национальных инновационных систем США, Великобритании, Японии и Германии. Однако его исследование ограничивалось анализом сферы биотехнологий, т. е. охватывало национальные инновационные системы в каждой стране лишь частично [3].

Исследование Л. Корона-Тревиньо направлено на изучение открытой инновационной системы Мексики. Автор, основываясь на концепции открытых инноваций, рассматривал открытую национальную инновационную систему с точки зрения существования внутренних и внешних компонентов и отношений. Автор утверждал, что открытые инновации на уровне предприятия должны корреспондировать с открытой национальной инновационной системой. Л. Корона-Тревиньо представил расчет индекса интернационализации, в который включил полученные на основе анкетирования данные о патентах, продажах, взаимодействиях предприятий Мексики с зарубежными партнерами [9].

Дж. Ниоси и Б. Беллон изучали степень открытости национальных инновационных систем в Соединенных Штатах, Японии и в ведущих странах Европы. Они утверждали, что инновационные системы этих стран имеют разный уровень открытости, поэтому необходимо проводить анализ международных взаимодействий в области инноваций для понимания национальных особенностей инновационных систем различных государств [19].

Согласно Дж. Ниоси и Б. Беллону, понятие «открытые национальные инновационные системы» тесно связано с понятием «интернационализация». Ученые отмечают, что комплексность инновационных процессов является важнейшей предпосылкой к исследованию процесса интернационализации инноваций. Интернационализацию инноваций они определяют как многомерный процесс инновационного развития, реализуемый агентами, принадлежащими различным национальным инновационным системам [19]. В рамках ОНИС, на наш взгляд, интернационализацию следует понимать как «процесс», а открытую национальную инновационную систему – как «условие реализации» данного процесса.

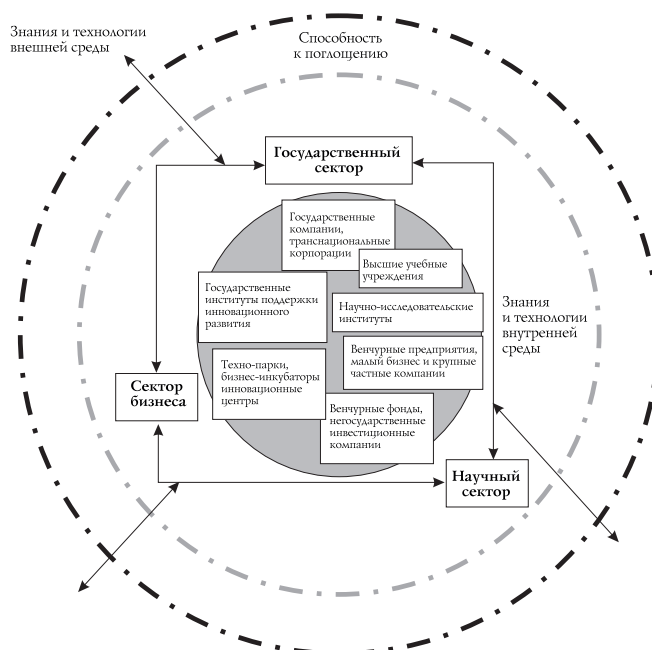
Целостное представление открытой инновационной системы и ее взаимодействий с внешними факторами объясняли Г. Де Прато и Д. Непельски. Исследователи оценивали степень интернационализации инноваций при помощи следующих показателей: географическая и культурная близость (учитывали расстояние между странами и официальный язык); размер экономики страны (учитывали объем ВВП и объем поступающих в страну иностранных прямых инвестиций); инновационный потенциал (учитывали количество патентов и изобретателей в странах) [10].

В российской литературе открытость системы трактуется исследователями по-разному. Часть авторов используют данный термин для акцентирования внимания на отсутствии внутренних границ, другие обосновывают открытость границ системы по отношению к внешнему миру.

Так, например, Д.В. Кузнецов указывает, что НИС как открытая система проявляется во взаимодействии организаций (структур) различных форм собственности, занятых производством научных знаний, объектов интеллектуальной собственности и подготовкой их к коммерциализации в пределах национальных границ [31]. С.С. Кудрявцева интерпретирует ОНИС с точки зрения институционально-культурного подхода и обозначает культуру, выражаемую в базовых представлениях человека, нормах и моделях поведения, как основополагающий параметр открытой инновационной системы [30].

П.А. Авдеев и Э.В. Пешина трактовали данный феномен более комплексно. Они утверждали, что ОНИС базируется на взаимодействии институтов в окружающей среде инновационных систем. Социальное и сетевое взаимодействие осуществляется через технологические траектории, научно-техническую политику, структуру рынков, национальную политику, интеллектуальную собственность, международные инвестиционные соглашения, международные торговые соглашения. При этом основу модели составляют предприниматели/предприятия (фирмы), которые взаимодействуют между собой, а также с организациями инфраструктуры, с посредническими организациями и организациями по содействию предпринимательству. Речь также идет о финансовых, научно-исследовательских, внедренческих организациях, об образовательных и общественно-политических организациях, о человеческом капитале и рынке труда [32]. Нельзя не согласиться с мнением авторов, однако, на наш взгляд, в качестве основы модели все перечисленные организации можно обобщить в три главных сектора инновационной системы: «университеты – предприятия – государство» (см. рис. 1), обозначенные Г. Ицковицем как составляющие Тройной спирали.

П.А. Авдеев рассматривал ОНИС как двухконтурную систему, выделяя внешний и внутренний контуры. Внешний контур характеризуется при помощи макроэкономических показателей национальной инновационной системы (национальное богатство на душу населения, ВВП на душу населения, расходы на научные исследования и разработки, патентные заявки, интеллектуальная собственность, доля высокотехнологичного экспорта в производственном экспорте страны). Внутренний контур представляет собой среду национальной инновационной системы в территориальных рамках государства. При этом составляющие внутреннего контура формируют внешний контур [27]. На наш взгляд, недостаток данной трактовки заключается в трудно-

Источник: составлено автором.

Рис. 1. Открытая национальная инновационная система

сти разделения тех параметров, при помощи которых определяются внешний и внутренний контуры системы. Во избежание этих трудностей предлагаем использовать иную интерпретацию границ систем. Мы выделяем поглощающую способность государства в качестве контура системы (см. рис. 1) и рассматриваем данную способность как необходимое условие открытости.

Определение поглощающей способности введено М. Коэном и Д. Левинталем. Изначально оно подразумевало способность фирмы осознавать ценность новой внешней информации, усваивать ее и применять в коммерческих целях. Главная идея концепции заключается в том, что компании с высокой абсорбирующей способностью умеют сканировать внешнюю среду, распознавать возможные импульсы роста и использовать их [8].

На макроуровне способность к поглощению понимается как способность страны в качестве политического и экономического субъекта производить и коммерциализировать поток инновационных технологий в течение длительного периода. В более широком смысле абсорбция инновации – это способность социально-экономической среды к ассимиляции инновации, к использованию, преобразованию и развитию инновационных знаний, к расширению воплощения этих знаний в новых продуктах, услугах, процессах. Абсорбционная спо-

способность понимается также как способность усваивать и управлять знаниями в целях повышения производительности инноваций и конкурентных преимуществ [16], [24].

В результате проведенного анализа литературы, были выделены следующие параметры, с помощью которых исследователи могут определять способность страны к поглощению новых знаний и которые могут быть использованы для оценки открытости национальной инновационной системы:

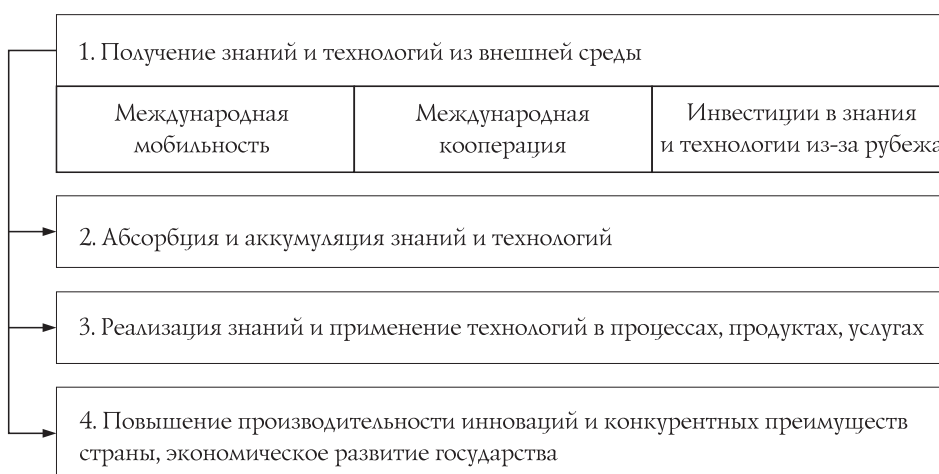
- международная торговля – чем более открытой является внешняя торговля страны, тем более развита способность перенимать внешние знания [14];
- человеческий капитал – поглощение возможно, в первую очередь благодаря человеческому ресурсу, высококвалифицированным образованным кадрам [4], [22], [23], [25];
- инфраструктура – чем выше качество инфраструктуры (логистика, транспортировка, распространение), тем выше способность страны к поглощению, адаптации и применению внешних знаний и технологий [6], [14];
- институциональная и государственная система – чем эффективнее работа государственной системы управления, тем более восприимчива страна к новым технологиям и знаниям [12], [24];
- социальное обеспечение населения – чем выше уровень социального благополучия населения, тем выше уровень доверия правительству, что, в свою очередь, способствует распространению знаний и поддерживает темпы адаптации иностранных знаний к внутренним условиям [1], [26].

Высокую роль поглощающей способности в инновационном развитии страны отмечает также В.М. Полтерович. Он подчеркивает, что одним из направлений перестройки системы институтов, способных обеспечить формирование и реализацию широкомасштабных проектов модернизации, выступает повышение абсорбционной способности страны. По его мнению, для российской инновационной системы актуально эффективное заимствование технологий и методов хозяйствования, изобретенных и доказавших свою применимость в более передовых странах [33].

Говоря о национальных инновационных системах, следует принимать во внимание процесс интернационализации экономик различных стран. Под интернационализацией принято понимать усиление взаимозависимости отдельных национальных экономик под влиянием экономической интеграции при сохранении ключевой роли национального государства и относительной автономности национальных экономик [27], [28]. Интернационализация является предпосылкой для становления открытой национальной инновационной системы.

Для стран – лидеров в области инновационного развития интернационализация – это процесс выхода на новые рынки, усиление конкурентоспособности. Для стран, в которых национальная инновационная система находится на этапе формирования, интернационализация – это возможность перенять опыт, знания, технологические и культурные стандарты, сформировать устойчивые международные связи для дальнейшего укрепления экономики.

На основе анализа сущности и элементов традиционной национальной инновационной системы, а также принимая во внимание процесс интернационализации инноваций и способность государства к поглощению инноваций, нами разработан алгоритм трансформации знания в открытой инновационной системе (см. рис. 2).

Источник: составлено автором.

Рис. 2. Алгоритм трансформации знания в открытой инновационной системе

На первом этапе происходит получение знаний и технологий из внешней среды посредством международного сотрудничества как на государственном уровне, на уровне компаний, научно-исследовательских структур, так и на уровне отдельных исследователей.

На втором этапе происходит слияние знания, полученного из внешней среды, со знанием, имеющимся во внутренней среде. Осуществляется процесс поглощения и аккумуляции новых знаний.

На третьем этапе происходит реализация полученных из внешней среды знаний, их воплощение в новых процессах, продуктах, услугах. Реализация знаний может осуществляться в различных сферах и на разных уровнях. На государственном уровне это может быть реализовано при помощи внедрения новых инструментов и способов управ-

ления. На уровне компаний и научно-исследовательских организаций это могут быть новые технологические решения, методики исследований, механизмы производства.

В результате реализации инноваций происходят оптимизация затрат, увеличение производительности, рост конкурентоспособности как отдельного предприятия, отрасли или сектора, так и страны в целом.

Основываясь на полученных теоретических выводах, открытую инновационную систему можно представить в виде схемы. В качестве базовых элементов системы выступают научный и государственный секторы и бизнес сектор. Механизмом трансформации знаний и технологий из внешней среды во внутреннюю среду является поглощающая способность государства. Предпосылкой формирования каналов для передачи знаний и технологий из одной системы в другую выступают процессы интернационализации (см. рис. 1).

Обобщив существующие подходы к обоснованию открытой национальной инновационной системы, мы дополнили определение ОНИС. По нашему мнению, открытая национальная инновационная система – это сложная открытая динамическая система, которая включает в себя национальные институты, взаимодействующие в рамках системы, а также функционирующие за ее пределами, в целях создания, укрепления инновационных процессов и связей для обеспечения инновационного экономического развития государства, роста благосостояния страны. При этом под открытостью системы понимается отсутствие изолированности от внешней среды, возможность функционирования элементов в рамках системы и за ее пределами. Важное значение имеет абсорбционная способность, т. е. способность усваивать и управлять знаниями в целях повышения производительности инноваций. Зарубежное сотрудничество открывает доступ к новым ресурсам, которые в большинстве случаев являются нетранспортируемыми и обладают своей национальной спецификой. Основопологающей предпосылкой ОНИС является процесс интернационализации.

Такое определение открытости национальной инновационной системы позволяет сформировать направления государственной политики, которая поддерживала бы трансформацию знаний из внешней среды во внутреннюю и способствовала бы повышению конкурентоспособности и благосостояния страны. Открытию границ системы и трансформации знаний из внешней среды во внутреннюю способствует организация сотрудничества и альянсов с зарубежными партнерами в области науки и инноваций, а также процесс интернационализации как в экономической, так и в научно-исследовательской сфере. Важную роль играет развитие поглощающей способности страны.

Включение в мировые инновационные процессы посредством повышения открытости национальной инновационной системы возможно через следующие каналы:

- развитие внешнеторговых отношений (через увеличение потоков иностранных инвестиций, а также экспорта высокотехнологичной продукции);
- совершенствование человеческого капитала (через стимулирование роста числа аспирантов и исследователей, организацию международных обменов студентов, научно-исследовательских проектов и других коопераций);
- развитие качественной инфраструктуры и институциональной среды внутри страны (через совершенствование работы технопарков, бизнес-инкубаторов, через устранение пробелов в законодательном поле в области инновационного развития, через обеспечение эффективности государственного управления, реализацию мер по стимулированию рыночного спроса).

Таким образом, переориентация России с экспортно-сырьевой экономической модели на инновационную, социально ориентированную модель может быть осуществлена через “открытие” границ национальной инновационной системы. Оно осуществляется через трансформацию знаний из внешней среды во внутреннюю среду, способствует эффективной адаптации зарубежных технологий, а также генерации уникальных знаний внутри страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Arocena R., Sutz J.* Inequality and innovation as seen from the South. *Technology in Society*, 25 (2003). P. 171–182.
2. *Balzat M., Christensen J.* (2004). How National Are National Innovation Systems? The DRUID Academy's Winter Conference on Innovation, Growth and Industrial Dynamics. Aalborg, Denmark // DRUID Working Paper.
3. *Bartholomew S.* (1997). National systems of biotechnology innovation: Complex interdependence in the global system // *Journal of International Business Studies*, 28(2). P. 241–266.
4. *Benhabib J. Spiegel M.* (1994). The role of human capital in economic development: evidence from aggregate cross-country data // *Journal of Monetary Economics*, 34 (1994). P. 143–173.
5. *Carlsson B.* (2006). Internationalization of innovation systems: A survey of the literature // *Research Policy*, 35(1). P. 56–67.
6. *Castellacci F.* (2011). Closing the technology gap? // *Review of Development Economics*, 15 (1). P. 180–197.
7. *Chesbrough H.* (2006). *Open Innovation: The New Imperative for Creating and Profiting from Technology*. Harvard Business Press.
8. *Cohen M., Levinthal D.* (1990) Absorptive Capacity: A New Perspective on Learning and Innovation // *Administrative Science Quarterly*. 35 (1). Special Issue: Technology, Organizations, and Innovation. 1990, Mar. P. 128–152.

9. Corona-Treviño L. (2016). Entrepreneurship in an open national innovation system (ONIS): a proposal for Mexico // *Journal of Innovation and Entrepreneurship*, 5: 22. doi:10.1186/s13731-016-0049-5.
10. De Prato G., Nepelski D., & Stancik, J. (2011). Internationalisation of ICT R&D. Institute for Prospective Technological Studies, Joint Research Centre, European Commission. Edler, J., & Polt, W. (2008). International industrial R&D—policy challenges: introduction to the special issue // *The Journal of Technology Transfer*, 33(4). P. 331–336.
11. Edquist C. Systems of innovation: Perspectives and challenges, in Fagerberg J., Mowery D., and Nelson R. (eds) *The Oxford Handbook of Innovation* N.Y., 2006.
12. Fagerberg J. Srholec M. National innovation systems, capabilities and economic development // *Research Policy*, 37 (2008). P. 1417–1435.
13. Fransman M. (1999). Is National Technology Policy Obsolete in a Globalized World? The Japanese Vision (Ch. 6). *Visions of Innovation : The Firm and Japan* /M. Fransman. Oxford ; New York: Oxford University Press. P. 167–201.
14. Freeman C. Technological infrastructure and international competitiveness. *Industrial and Corporate Change*, 13 (3) (2004), pp. 541–569.
15. Gong G., Keller W. (2004). Convergence and polarization in global income levels: a review of recent results on the role of international technology diffusion. *Research Policy*, 32. P. 1055–1079.
16. Hall B., Rosenberg N. (2010) *Handbook of the Economics of Innovation*. Elsevier, North-Holland.
17. Johnson B., Edquist C., Lundvall B.-A. Economic Development and the National System of Innovation Approach [электронный ресурс] / The First international Globalistics Conference, Rio de Janeiro, November 2–6, 2003. smartech.gatech.edu/jspui/bitstream/1853/43154/1/BengtAkeLundvall_2.pdf (дата обращения 12.02.2014).
18. Lundvall B.-A. Product Innovation and User–Producer Interaction [электронный ресурс]. *Industrial Development Research Series/ No. 31*. Aalborg University Press, Aalborg, 1985. vbn.aau.dk/files/7556474/user-producer.pdf (дата обращения 12.09.2016).
19. Niosi J., Bellon B. (1994). The global interdependence of national innovation systems: Evidence, limits, and implications. *Technology in Society*, 16(2). P. 173– 197.
20. Metcalfe S. (1997). *Technology Systems and Technology Policy in an Evolutionary Framework* || *Technology, Globalisation and Economic Performance*. D. Archibugi and J. Michie. Cambridge; New York and Melbourne, Cambridge University Press. P. 268–296.
21. OECD, 2008. *Handbook on Constructing Composite Indicators, Methodology and User Guide*. OECD Publishing. Paris.
22. Papageorgiou C. Technology adoption, human capital and growth theory. *Review of Development Economics*, 6 (2002). P. 351–368.
23. Stokke H. Productivity growth and organizational learning // *Review of Development Economics*, 12 (4) (2008). P. 764–778.
24. Varsakelis N. Education, political institutions and innovative activity: a crosscountry empirical investigation // *Research Policy*, 35 (2006). P. 1083-1090.
25. Verspagen B. (1991). A new empirical approach to catching up or falling behind // *Structural Change and Economic Dynamics* № 2 (2). P. 488–509.
26. Weinhold D., Nair-Reichert U. Innovation, inequality and intellectual property rights // *World Development*, 37 (5) (2009). P. 889–901.

27. Авдеев П.А. Тенденции и особенности развития открытой национальной инновационной системы России: управленческий аспект // Вопросы управления. 2014. № 5 (11). С. 99–113.
28. Галкин М.А., Родионова И.А. Национальные инновационные системы в условиях интернационализации научно-исследовательской деятельности: монография / Под ред. проф. И.А. Родионовой. М.: Экон-информ, 2013.
29. Гохберг Л.М., Кузнецова Т.Е. Новая инновационная политика в контексте модернизации экономики // Журнал новой экономической ассоциации. 2010. № 7. С. 141–143.
30. Кудрявцева С.С. Формирование открытых национальных инновационных систем в странах сырьевой экономики: институциональный подход // Вестник Казанского технологического университета. 2014. № 12. С. 260–265.
31. Кузнецов Д.В. Национальная инновационная система: проблема дефиниции // Транспортное дело России. 2009. № 10. С. 96–99.
32. Пешина Э.В., Авдеев П.А. Современные теоретические подходы к концепции открытой национальной инновационной системы // Вопросы управления. 2014. № 2 (8). С. 119–131.
33. Полтерович В.М. К проекту новой модели экономического развития России // Новая модель экономического развития России: концепция формирования и реализации. М.: Издание Государственной Думы, 2016. С. 45–61.
34. Фортков В.Е. Инновационная стратегия развития экономики России // Новая модель экономического развития России: концепция формирования и реализации. М.: Издание Государственной Думы, 2016. С. 126–129.

ABOUT THE AUTHOR

Anastasia Alexandrovna Tseluyko – Postgraduate Student, Chair of Economic Theory and Applied Economics, Tyumen State University (Tyumen State University), Tyumen, Russia. anastasiatseluyko@gmail.com.

INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF AN OPEN NATIONAL INNOVATION SYSTEM

The article presents the results of the theoretical analysis of national innovation systems (NIS), as well as the role of international relations in their development. The author explores the concepts of an open national innovation system (ONIS), analyzes the process of knowledge transformation in an open system, outlines the measures of state policy, the implementation of which can contribute to opening of the boundaries of the national system.

Key words: *national innovation system, internationalization of innovations, absorption capacity of the state, open innovations, open national innovation system.*

JEL: F020.

А.А. ЯКОВЛЕВ

младший научный сотрудник Центра российской стратегии
в Азии Института экономики РАН, аспирант/ассистент МШЭ МГУ
им. М.В. Ломоносова

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОЮЗ И КИТАЙСКАЯ ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

В данной статье анализируются перспективы и риски сопряжения Евразийского экономического союза (классического интеграционного проекта) и китайской интеграционной инициативы «Один пояс и один путь». В последние годы Китайская Народная Республика начинает играть все большую роль в экономическом развитии стран постсоветского пространства. Китай постепенно становится основным торговым партнером, инвестором и кредитором постсоветских стран. Предложенная Китаем интеграционная инициатива «Один пояс и один путь» призвана усилить и институционально оформить стратегию освоения постсоветского пространства. Для России крайне важно сохранить влияние в регионе и направить состыковку проектов ЕАЭС и ЭПШП на взаимовыгодное экономическое сотрудничество.

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз, Один пояс – один путь, интеграционные проекты, Китайская народная республика, постсоветское пространство.*

JEL: F02, F15, F63.

После распада Советского Союза для Российской Федерации крайне важной задачей является сохранение влияния на стратегически важном для нее постсоветском пространстве. Для этого Россия выступает инициатором активизации сотрудничества между бывшими республиками СССР. В связи с этим представляется перспективным интеграционный проект, начало которому было положено в 2010 г., когда Белоруссия, Казахстан и Россия создали таможенный союз, дополненный в 2012 г. единым экономическим пространством. На его базе 1 января 2015 г. был создан Евразийский экономический союз (ЕАЭС), членами которого помимо названных стран стали Армения и Киргизия. Евразийский экономический союз – это классическая интеграционная группировка, ставящая перед собой задачу развития и модернизации экономик стран-участниц. Однако первые годы функционирования проекта пришлось на крайне неблагоприятное

время, характеризующееся падением мировых цен на энергоносители (основные экспортные товары ведущих стран – участниц), ослаблением национальных валют, экономическим спадом в России, негативно влияющим на торговые и инвестиционные связи со странами ЕАЭС, санкциями Запада против России, замедлением или падением темпов роста реального ВВП в других странах ЕАЭС. Все это осложняет перспективы достижения поставленных перед ЕАЭС целей [1].

Одним из путей решения поставленных перед ЕАЭС задач по модернизации экономики стран-участниц видится кооперация с другими проектами региона. Наиболее перспективным вариантом выглядит тесное взаимодействие с Китаем в рамках проекта «Один пояс – один путь», особенно с сухопутной частью этого проекта «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП). Плюсами такого сотрудничества является то, что модернизация экономики, комплексное развитие инфраструктуры, промышленности и торговли в странах-участницах совпадает с задачами ЕАЭС. Положительным моментом также является гибкость механизмов присоединения к проекту и желаемый для стран-участниц уровень и формат сотрудничества в рамках ЭПШП. Экономический пояс Шелкового пути – это новый вид интеграционных группировок – мегапроект, который объединит 3 млрд людей (в 15 раз больше, чем в ЕАЭС) и создаст большой рынок. Китай – инициатор данного проекта – обладает большими финансовыми возможностями. Уже в ноябре 2014 г. был образован фонд в размере 40 млрд долл., для создания ЭПШП и финансирования его основных проектов, а также Азиатский банк инфраструктурных инвестиций с капиталом 100 млрд долл, основным учредителем которого является КНР. Подписан договор о сотрудничестве с банком развития БРИКС и Банком ШОС. В рамках проекта планируется активное привлечение частных капиталов. Китай – ключевой игрок проекта – сейчас является одной из крупнейших экономик мира (см. табл.) занимая первое место в мире по ВВП по ППС и второе место по номинальному курсу, лидируя по производству промышленной и сельскохозяйственной продукции (уголь, цемент, сталь, олово, цинк, алюминий, электроника, автомобили, хлопок, пшеница, мясо и многое другое). Китай также занимает первое место в мире по объему накопленных золотовалютных запасов (в 2012 г. золотовалютные резервы Китая вдвое превысили общемировую золотой запас¹) [2]. Усиление экономического сотрудничества с таким крупным игроком, как Китайская Народная Республика, в рамках интеграционной инициативы «Один пояс – один путь» несет и ряд выгод, и ряд рисков для стран – участниц проекта.

¹ Данные Bloomberg. www.bloomberg.com/sustainability.

Таблица

Динамика экономических показателей Китая (2012–2016 гг.)

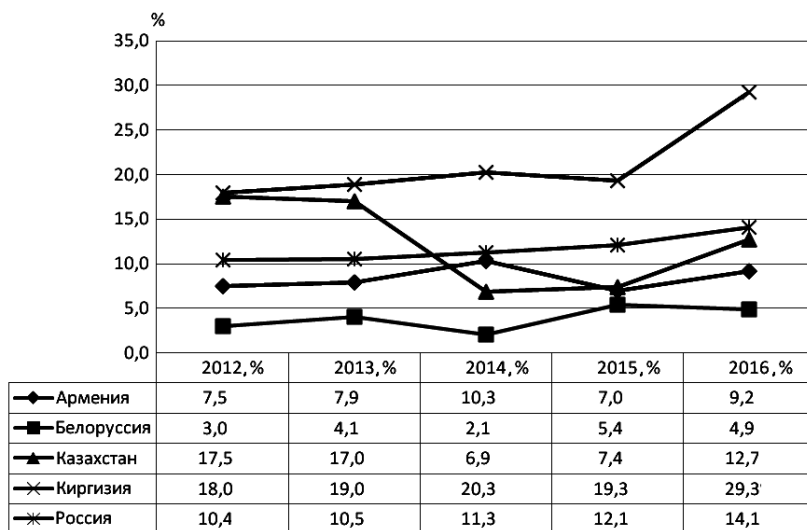
	2012	2013	2014	2015	2016
ВВП КНР в мировом ВВП (номинальный), в %	11,38	12,47	13,26	14,78	14,76
ВВП КНР в мировом ВВП (ППС), в %	15,25	15,91	16,53	17,18	17,78
Золотовалютные резервы КНР, млрд долл.	3388	3800	3900	3405	3098
Объем товарооборота, млрд долл.	3866	4158	4300	3962	3684

Источник: составлено автором по данным: UN Comtradedata. comtrade.un.org/.
WorldbankURL:<http://www.worldbank.org>.

Неравенство экономических потенциалов стран Евразийского экономического союза и Китая требует, прежде всего, выверенности и осторожности при разработке конкретных шагов по сопряжению проектов. Очевидно, что сведение сопряжения только к инфраструктурной составляющей не позволит России и другим странам союза решить стоящие перед ними проблемы по модернизации экономик. Для разработки стратегии состыковки проектов, направленной на взаимовыгодное сотрудничество, необходимо учитывать, что инициатива «Один пояс – один путь» проводится Китайской Народной Республикой в первую очередь для того, чтобы помочь своим слабо развитым районам, поднять экономический уровень за счет проектов: Экономический пояс Шелкового пути и Морской шелковый путь [3]. Регионы В Китае очень различаются по своему уровню экономического развития. Условно страну можно разделить на 4 региона: очень хорошо развитые Приморские районы; старая промышленная база – Северо-Восток; слабо развитый Центральный район и отсталые Западные районы. Поэтому главной задачей проекта «Один пояс – один путь» для Китая является создание инфраструктуры в отстающих районах, как на Западе, так и на Северо-Востоке страны, которая должна способствовать их экономическому развитию в целом.

8 мая 2015 г. Президент РФ В.В. Путин и глава КНР Си Цзиньпин подписали Совместное заявление Российской Федерации и Китайской народной республики по сопряжению проектов Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. От России Китай ждал, в первую очередь, формальной поддержки инициативы Си Цзиньпина о повышении взаимосвязанности и координации на всем Евразийском континенте, так как проект подразумевает множество других альтернативных транзитных путей в обход территории РФ. Однако здесь важно учитывать и интересы России, которая, естественно, заинтересована в китайском транзите, в использовании

возможностей ЕАЭС, а не просто в подключении к проекту, направленному на развитие Китая. После подписания заявления состыковка проектов ЭПШП и ЕАЭС предусматривает прокладывание ряда маршрутов по территории Российской Федерации и позволит странам ЕАЭС выйти на рынок Юго-Восточной Азии [4]. Однако желанного для России полномасштабного включения в ЭПШП Транссибирской и Байкало-Амурской магистрали пока не предусматривается. Помимо инфраструктурной составляющей подписание соглашения о состыковке проектов преследовало еще две ключевые цели: во-первых, взаимное признание, а во-вторых, создание многостороннего механизма сотрудничества. Одна из особенностей китайской дипломатии – это решать вопросы в двустороннем формате, обходя многосторонние механизмы [5].

Источник: рассчитано автором по данным: UN Comtradedata, comtrade.un.org.

Рис. Динамика доли товарооборота стран ЕАЭС с Китаем в общем товарообороте этих стран (2012–2016), в %

Экономическое сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс – один путь» призвано повысить взаимосвязанность экономик стран Евразийского экономического союза и Китайской Народной Республики. Уже в настоящее время развитие экономических отношений между странами характеризуется высоким уровнем динамизма. Так, быстро развиваются торговые связи между Китаем и странами ЕАЭС (см. рис.). Китай постепенно становится основным торговым партнером стран ЕАЭС (по данным за 2016 г. является первым торговым партнером России и Казахстана), доля КНР значительно выросла

в торговле других стран – участниц союза (Белоруссии, Армении, Киргизии) и постепенно догоняет традиционно основного для этих стран торгового партнера – Российскую Федерацию. Одной из основных проблем в торгово-экономических отношениях с Китаем является тенденция к росту минеральных энергетических ресурсов в структуре экспорта стран ЕАЭС, в то время как импорт из Китая почти полностью состоит из готовой продукции. В нем прослеживается тенденция к увеличению доли машин и оборудования, что в первую очередь связано с улучшением качества китайской высокотехнологичной продукции и тем, что многие компании переносят и налаживают свое производство в Китае [6].

Стремительное развитие товарооборота между Китаем и постсоветским пространством началось в середине 2000-х годов и сопровождалось китайскими инвестициями в энергетический сектор этих стран, а также льготным кредитованием. Действует негласное правило «льготные кредиты в обмен на ресурсы и рынок сбыта готовой продукции». Кредитно-инвестиционное сотрудничество в регионе также является одним из важнейших аспектов развития взаимоотношений между странами. Китай в последние годы стал основным кредитором и крупным инвестором для стран Евразийского экономического союза. Между Россией и другими участниками ЕАЭС, особенно странами Центральной Азии, присутствует конкуренция за китайские прямые инвестиции, т. к. и там и там они в основном направлены в инфраструктуру, разработку и добычу полезных ископаемых [7]. Китайская Народная Республика предоставляет многомиллионные льготные кредиты на развитие инфраструктуры, на проекты, связанные с добычей и разработкой полезных ископаемых, многие из которых реализуются с участием китайских трудовых мигрантов.

В настоящее время между странами Евразийского экономического союза и Китаем сложились дружеские, партнерские отношения. Наблюдается высокая положительная динамика развития экономических отношений, однако она приводит к росту конкуренции в регионе (что еще раз доказывает необходимость состыковки проектов, которая должна помочь кооперации взаимного сотрудничества в регионе) и во многом закрепляет за странами ЕАЭС статус сырьевого придатка и транспортного коридора из Китая в Европу. Экспорт более чем наполовину состоит из минеральных ресурсов, а инвестиции и кредиты Китая также во многом направлены либо в энергетический сектор, либо в развитие транспортных маршрутов. Поэтому страны ЕАЭС должны стараться направить состыковку проектов на всестороннее взаимовыгодное сотрудничество. Много вопросов возникает по механизмам и формам состыковки проектов. Ведь ЕАЭС – это традиционная интеграционная группировка, а ЭПШП – инициатива.

Наиболее удачным вариантом видится создание серии успешных совместных взаимовыгодных проектов, среди которых и построение цепочек добавленной стоимости (цепочки промышленного производства, когда какая-то часть добавленной стоимости производится в ЕАЭС, а какая-то в Китае с максимально выгодным территориальным расположением таких предприятий). Если речь идет о поставках в Европейский союз совместно произведенной продукции (известно, что Китай активно добивается наращивания торговли с Евросоюзом), то такие предприятия могли бы быть расположены ближе к границе с Евросоюзом, в России или Белоруссии. Если речь идет об азиатской части, такие предприятия могли бы располагаться в Китае и на Дальнем Востоке России.

Также целесообразно расширять практику переноса китайских производств на территорию России и стран Центральной Азии – участников ЕАЭС. Перспективны совместные проекты в сельском хозяйстве. Очевидно, что те изменения, которые идут в Азии, в первую очередь рост среднего класса, рост потребления недорогих, но качественных продуктов питания, дает возможность для серьезного наращивания совместного с Китаем бизнеса в этой сфере. Для этого необходимо, чтобы китайское правительство открыло доступ продуктам из стран ЕАЭС на китайский рынок. Есть возможность построения совместных компаний, которые успешно будут использовать потенциал и технологии ЕАЭС. Такие совместные производства могли бы развивать сельское хозяйство в странах ЕАЭС и позволили бы Китаю справиться с теми вызовами, которые есть у него в области продовольственной безопасности, а также они могли бы стать серьезным игроком на быстрорастущем рынке Азии.

В рамках совместных проектов видится перспективно развитие транспортной системы. Речь идет как о развитии транзитного потенциала, так и о построении совместных портов на Дальнем Востоке, что будет способствовать разгрузке «пробок» в портах Северо-Восточной части Китая и ускорит торговлю, внесет вклад в развитие торговых отношений между Китаем и странами ЕАЭС, а также между Китаем и третьими странами. Обоюдно интересны инвестиции китайских компаний в морские порты Калининграда, что объясняется расположением Калининграда в Европе: фактически Китай мог бы иметь контейнерный терминал в Европе.

Сопряжение проектов Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути в случае реализации инфраструктурной составляющей проекта должно положительно сказаться на развитии торговых отношений. Это произойдет вследствие сокращения транспортного плеча за счет развития новых логистических маршрутов. Положительный эффект для увеличения товарооборота может

внести и возможное создание в ходе состыковки проектов зоны свободной торговли. Конечно, необходимо с осторожностью подойти к созданию ЗСТ в рамках ЭПШП или ШОС, на которой активно настаивает китайская сторона, являющаяся сегодня «мастерской мира», что делает китайские товары еще более дешевыми и доступными на рынках стран постсоветского пространства и может снизить конкурентоспособность местных производителей [8]. Возможным плюсом кооперации проектов может стать уменьшение бюрократизации, улучшение администрирования сотрудничества, что приведет к снижению значительных масштабов теневой торговли между странами региона.

Также необходимо способствовать активизации работы частных компаний из стран ЕАЭС и Китая – сейчас в подавляющем большинстве все совместные проекты ведутся на межгосударственном уровне. Перспективным в этом направлении является развитие электронной торговли. Существует серьезный потенциал наращивания с помощью электронной торговли экспорта малого бизнеса из стран ЕАЭС в Китай и из Китая в страны ЕАЭС. Конечно, для того чтобы это стало именно состыковкой проектов Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, а не развитием двухсторонних отношений с Китаем, необходимо научиться улаживать разногласия и координировать действия в рамках ЕАЭС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза: /Доклад. М.: Институт экономики РАН, 2016.
2. Аносова Л.А. Китайская экономика сегодня: достижения и проблемы // Экономика и управление. 2017. № 9(143). С. 4–12.
3. Яковлев А.А., Голубкин А.В. К вопросу об экономическом сотрудничестве Китая со странами Центрально-Восточной Европы// Экономика и управление, 2017. № 9(143). С. 13–19.
4. Нгуен Куок Хунг, Леженина Т.В. Китайский проект «Один пояс и один путь»// Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 110–116.
5. Глинкина С.П., Яковлев А.А. Торговое сотрудничество стран БРИКС в условиях Китае-центричности и политики импортозамещения в России// Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 5. С. 116–131.
6. Яковлев А.А. Перспективы торгового сотрудничества между странами постсоветского пространства и Китайской Народной Республикой (расчеты на основе гравитационной модели взаимодействия) // Инновации и инвестиции. 2017. № 2. С. 57–60.
7. Глинкина С.П. Геополитический контекст развития Евразийского интеграционного проекта// Мир новой экономики. 2016. № 4. С. 62–75.
8. Яковлев А.А., Глинкина С.П., Тураева М.О. Развитие Зоны свободной торговли ЕАЭС – Вьетнам и фактор Китая // Инновации и инвестиции. 2017. № 6. С. 78–83.

ABOUT THE AUTHOR

Artem Alexandrovich Yakovlev – junior research fellow of the Center for Russian Strategy in Asia, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), graduate student. Yakovlev.a.a@campus.mse-msu.ru.

THE EURASIAN ECONOMIC UNION AND THE CHINESE «ONE BELT – ONE ROAD INITIATIVE». OPPORTUNITIES FOR COOPERATION

This article analyses perspectives and risks of conjugation of the Eurasian Economic Union (the classical integration project) and the Chinese integration initiative “One Belt and – One Road” In recent years, the People's Republic of China has begun to play an increasingly important role in the economic development of post-Soviet countries. China is gradually becoming the main trading partner, investor and creditor of the post-Soviet countries. The integration initiative “One Belt and One road” proposed by China is designed to strengthen and institutionalize the strategy for the development of the post-Soviet space. It is extremely important for Russia to maintain its influence in the region and to direct the co-ordination of the projects of the Eurasian Economic Union and “The Economic Belt of the Silk Road” to mutually beneficial economic cooperation.

Keywords: *Eurasian Economic Union, «One Belt and One Road», integration projects, People's Republic of China, post-Soviet space.*

JEL: F02, F15, F63.

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 20.02.2018.
Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз.
Печать офсетная. Заказ № 02/14028

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-(499) 724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru
www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdenyye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html

© НП
Редакция журнала
«Вестник Института экономики Российской академии наук», 2018